ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

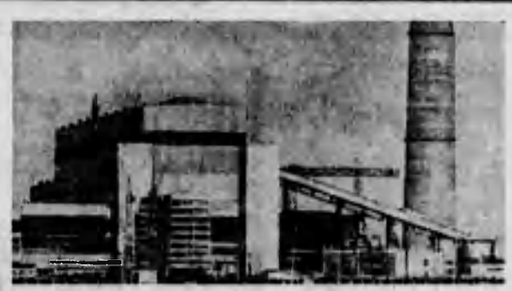
ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 46-й

№ 38 (4480)

18 сентября 1974 г. СРЕДА



РИТМЫ ПЯТИЛЕТКИ

Четвертый энергоблок поставлен под промышленную нагрузку на Рязанской ГРЭС. С его пуском завершено сооружение первой очереди электростанции. Сейчас строители приступили к монтажу трех последних энергоблоков.

Фоторепортаж А. ХРУПОВА

СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ
ОБЗОРЫ, РЕЦЕНЗИИ, РЕПЛИКИ
стр. 4–5

ТРУДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛЕГКОГО ЖАНРА
Диалог народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии В. СОЛОВЬЕВА-СЕДОГО и главного редактора журнала «Музыкальная жизнь» Ин. ПОПОВА
стр. 8

ХЛЕБ КУЛЬТУРЫ
ПРОДОЛЖАЕМ РАЗГОВОР ОБ ЭКОНОМИИ БУМАГИ
стр. 10

НЕИЗВЕСТНОЕ ОБ ИЗВЕСТНОМ
стр. 14

ТРИБУНА ПУБЛИЦИСТА

СЕГОДНЯ, 30 ЛЕТ СПУСТЯ...

В ЭТИ ДНИ Эстония празднует тридцатилетие со дня освобождения от фашистских захватчиков. И сегодня в памяти оживают страницы истории, весь ход военных событий, которые привели к победе.

...Помню тяжелые бои на юге республики, форсирование 17 сентября 1944 года реки Эмайыги, в котором мне довелось участвовать, битву за остров Сааремаа; очищенный от врага доблестными воинами Советской Армии, весь в руинах и пепле Таллин...

Помню «звездный час» освободителей — парадный марш эстонского стрелкового корпуса по столице. Ликование толпы, цветы, объятия родных. Неповторимые, ни с чем не сравнимые мгновения! Мгновения, вселившие веру в жизнь, в будущее Родины.

Все пережитое в годы войны нашло яркое отражение в творчестве эстонских писателей. В воинской части создал свое первое стихотворение Юхан Смуул. Прямо с линии фронта посылал стихи в журнал «Сыясаар» в то время еще молодой поэт Ральф Парве. На страницах этого журнала рассказывал о пережитом прозаик Эдуард Мянник — впоследствии автор целого цикла новелл о войне. Из-под пера сражавшихся с врагом Ганса Леберехта, Лунзы Вахер вышли позднее романы, рисующие обобщенную картину военных лет. Острые публицистические выступления по радио Аугуста Алле, Иоханнеса Семпера, Марта Рауда, Михкеля Юрна внимательно слушали во временно оккупированной Эстонии. Бойцами от литературы чувствовали себя Иоханнес Барбарус, Аугуст Якобсон, Ааду Хинт, Эрни Хийр, Дебора Ваарандн, Пауль Руммо, Айра Кааль, Минни Нурме. Мотивы сражений легли затем в основу стихов Манивальда Кесамаа, Харальда Суйсленна и других.

Военная тема осталась и, очевидно, надолго останется одной из ведущих в эстонской советской литературе. Можно назвать хотя бы романы Пауля Куусберга, многие произведения Лилли Промет... К военному прошлому обращается и более молодое поколение эстонских писателей. Воспоминания детских лет и современников, документальные материалы помогают им понять сущность событий тех дней. Их творчество как бы подтверждает сказанное классиком эстонской литературы Юханом Лийвом: «Кто не помнит прошлого, живет без будущего».

Будущее Эстонии — наше сегодня — оказалось еще более значительным, чем оно представлялось в самые торжественные и радостные дни победы—30 лет назад. Давно уже залечены раны войны. При братском участии всей нашей многонациональной страны народное хозяйство республики было не только восстановлено, но и поднято на невиданный ранее уровень. Сегодняшняя Эстония считается республикой с многогранной промышленностью — электронно-энергетической, сланцеперерабатывающей, химической, приборостроительной, текстильной, деревообрабатывающей и т. д., с интенсивно развивающимся сельским хозяйством.

Плодотворны связи нашей науки с производством. Больших успехов мы добились в области строительства, народного образования и культуры. Выросло самосознание народа, укрепился дух интернационализма. Вместе со всеми братскими республиками мы выполняем задания, поставленные Коммунистической партией и Советским правительством в деле строительства коммунизма, в осуществлении планов девятой пятилетки.

Все это также находит отражение в эстонской литературе.

Писатель обязан вникать во все процессы, происходящие в нашей действительности. Поэтому многие литераторы не только бывают, но и подолгу живут в сельских районах, посещают промышленные предприятия, встречаются с учеными.

Так, к примеру, на этих днях группа эстонских литераторов отправляется на КамАЗ и в город волжских автомобилестроителей — Тольятти.

Сегодня, 30 лет спустя...

Виллем ГРОСС,
секретарь правления СП Эстонии

ТАЛЛИН

1944 год. В освобожденном Таллине. Фото ТАСС

ПРАЗДНИК ДРУЗЕЙ

Ярко и красочно прошли в Болгарии юбилейные торжества, посвященные тридцатилетию Сентябрьской социалистической революции 1944 года. Вместе с болгарским народом эту славную дату широко отметили трудящиеся других социалистических стран, прогрессивная общественность всех континентов.

В дни всенародного праздника братского государства на украшенных флагами, осыпанных цветами площадях и улицах болгарских городов и сел чаще всего бросался в глаза лозунг «Наш главный успех, наше главное богатство—дружба с братской страной великого Ленина!».

Советские люди искренне радуются замечательным успехам болгарских трудящихся, одержанным под руководством Болгарской коммунистической партии, которая уверенно ведет народ к новым значительным свершениям. «Народная Республика Болгария, — отмечалось в телеграмме товарищей Л. И. Брежнева, Н. В. Подгорного и А. Н. Косыгина руководителям НРБ, — неизменно верная принципам социалистического интернационализма, пользуется заслуженным уважением и любовью со стороны своих друзей и союзников».

В дни праздника звание лауреата Димитровской премии было присвоено члену Политбюро ЦК КПСС, секретарю ЦК КПСС Михаилу Андреевичу Суслову «по случаю 30-летия социалистической революции в Болгарии и за активную общественно-политическую и творческую деятельность в борьбе против старого общества, за победу мира, демократии и социализма».

В числе лауреатов этой высокой премии также Председатель Итальянской коммунистической партии Луиджи Лонго, Председатель Национального совета Коммунистической партии Индии Шрипад Амрит Данге, Генеральный секретарь Португальской коммунистической партии Алваро Кунья, председатель Консультативного совета при Временном революционном правительстве РЮВ Нгуен Хыу Тхо, греческий поэт Яннис Рицос. Присуждение видным борцам за мир и социальный прогресс звания лауреатов Димитровской премии было с удовлетворением воспринято общественностью НРБ.

Юбилейные торжества завершились. Республика вступила в тридцать первый год своего развития по социалистическому пути. Все ее друзья горячо желают народной Болгарии многих замечательных побед в строительстве новой жизни.

ПАМЯТНИКИ

ВЕЛИКОМУ ПРОЛЕТАРСКОМУ ПИСАТЕЛЮ

Один из новых проспектов Ташкента носит имя А. М. Горького. Недавно на площади, с которой начинается проспект, состоялся многолюдный митинг, посвященный открытию памятника великому пролетарскому писателю. На митинге выступили заместитель председателя правления СП Узбекистана А. Удалов, Герой Социалистического Труда, текстильщица Б. Джураева, один из авторов памятника скульптор Я. Шапиро.

Затем кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов снял с памятника покрывало и взору собравшихся открылась отлитая из бронзы шестиметровая фигура Максима Горького.

(Наш корр.)

ТАШКЕНТ

НА МАМАЕВОМ КУРГАНЕ

ЗАРУБЕЖНЫЕ литераторы из 15 стран, принимавшие участие в работе пленума правления Союза писателей СССР, посвященного 40-летию Первого всесоюзного съезда советских писателей, по окончании работы пленума приехали в Волгоград.

На литературном вечере гости говорили о прошлом и настоящем города — о благодарной памяти Сталинграду, его воинам и о глубоком впечатлении от нынешнего города. Этот вечер, проходивший под председательством Льва Ошанина, превратился в большой, своего рода международный литературный праздник.

Не буду останавливаться на официальной программе пребывания гостей в Волгограде. Она такая же, как для каждого из трех миллионов, ежегодно приезжающих, разве что с небольшими отклонениями. Гости осмотрели город, побывали в Музее обороны Царицына-Сталинграда, в планетарии, где смотрели фильм «Великая битва на Волге», на Мамаевом кургане, Волгоградской ГЭС, в совхозе «Волго-Дон», совершили прогулку по Волге. О другом хочется рассказать. О том, с каким трепетом взял горсть земли с Мамаева кургана поэт палестинского Сопротивления Муин Бсису.

Об этом городе Муин Бсису слышал еще в далеком детстве, когда в Газе новорожденным давали имя — Сталинград. Потом он не раз обращался к нему в стихах. Он повезет землю с Мамаева кургана на родину, туда, где

народ борется с агрессором.

Увидев праздничный салют в честь Дня танкиста, словацкий писатель Ян Коренко вспомнил другие орудийные раскаты, связанные с партизанской войной и со Словацким восстанием, активным участником которого он был. Ян Коренко, как и его товарищи, не просто слышал о Сталинграде, а жил этим городом, его героической судьбой, шел в бой с именем этого города.

В 1943 году итальянский издатель и писатель Карло Бернари отметил победу под Сталинградом подготовкой к нелегальному изданию книг советских писателей. Фашисты упорно искали рукописи, трижды арестовывали жену Карло Марчеллу, но она им ничего не сказала...

Четырех дней, наверное, мало для того, чтобы хорошо узнать город, его людей и тем более что-то написать о нем. Но четырех дней достаточно, чтобы почувствовать и понять общую атмосферу, завязать знакомства, получить первые впечатления.

Я спрашивал об этих впечатлениях. Ответы на разных языках были почти одинаковыми: глубокие, удивительные, потрясающие. Писатели, в частности, обратили внимание на панно, установленное на центральной площади Павших борцов, сообщающее каждый день, сколько хлеба продали волгоградцы государству. Но больше всего поразила живая, видимая, на каждом шагу дающая себя знать связь времен. Об этом хорошо сказал приехавший с гостями поэт Владимир Соколов:

— Мне кажется, что я одновременно вижу два города: тот, каким он был в сражении, и тот, какой он сегодня. Память и действительность здесь неразрывны. Мне подарили ржавый осколок из тех, которыми насыщена волгоградская земля. В детстве я подбирал такие осколки теплыми на московском асфальте. И сейчас он теплый — от живых рук товарища. На Мамаевом кургане я увидел среди тысяч имен имя поэта лейтенанта Михаила Кульчицкого рядом с именем санинструктора Гули Королевой. Они защищали и мое поколение.

А дни бегут.
Большой весною дружной
Украшен мир
насколько видит глаз.
Как дорожить нам
нашей жизнью нужно,
Когда она во столько
обошлась!

Писатели мира увидели Волгоград в лучшую пору зрелости, встречающим большими трудовыми успехами тридцатилетие Победы.

И. ГУММЕР

ВОЛГОГРАД

стр. 2

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писательницы Лупан А. П. орденом Трудового Красного Знамени

За заслуги в развитии советской литературы и в связи с пятидесятилетием со дня рождения наградить писательницу Лупан Анну Павловну орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. ПОДГОРНЫЙ.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
11 сентября 1974 г.

НИТИ ДРУЖБЫ

СТИХИ, СТИХИ...

Ежегодные Дни поэзии в Латвии, приуроченные к дню рождения Райниса, на этот раз были посвящены сорокалетию Первого всесоюзного съезда писателей.

Традиционный час поэзии открыл Я. Петерс. Стихи читали А. Элксне, В. Брутане, С. Калдупе, Я. Силазарс, В. Людзн. Выступали и гости праздника — греческая поэтесса Фотула Яннакопулу, Хайнц Юрген Цирке (ГДР).

Нынешний праздник поэзии совпал с Днями литературы Азербайджана в Латвии, поэтому стихи Райниса прозвучали и на азербайджанском языке — их в своем переводе читал Д. Новруз.

Состоялись встречи на заводах, фабриках, во многих районах республики.

Группа поэтов побывала на кургане Дружбы, воздвигнутом на стыке границ трех братских республик—РСФСВ, Белоруссии и Латвии...

В эти дни были открыты мемориальные доски на домах, где жили народная поэтесса Латвии Мирдза Кемпе и народный писатель Латвии Эрнест Бирзниек-Упит.

И. ДИЖВИТ,
соб. корр. «ЛГ»

РИГА

КАЛЕНДАРЬ «ЛГ»

ЮБИЛЕЙ «ЖЕЛЕЗНОГО ПОТОКА»

Исполнилось 50 лет со дня выхода в свет романа А. С. Серафимовича «Железный поток». Книга, вошедшая в золотой фонд советской литературы, с честью выдержала испытание временем.

В Союзе писателей СССР состоялось заседание Комиссии по литературному наследию А. С. Серафимовича, посвященное юбилею «Железного потока». Во вступительном слове А. Исбах поделился своими воспоминаниями о том, как создавалось это произведение.

О значении творчества Серафимовича говорил литературовед Р. Хигарович.

Г. Ершов рассказал собравшимся о том, как была отмечена эта литературная дата на родине писателя в городе Серафимовиче.

А. МИХАЙЛОВ

С ТЕЛЕТАЙПНОЙ ЛЕНТЫ ТАСС

ИМЕНИНЫ БУКВАРЯ

В нынешнем году исполняется 400 лет с того дня, когда русский первопечатник Иван Федоров выпустил во Львове свою знаменитую «Азбуку», положившую начало русской учебной книге. В честь юбилея проводятся научные сессии и конференции, организуются выставки литературы и книжной графики.

На днях в Колонном зале Дома союзов в Москве состоялось торжественное собрание. На него пришли педагоги и ученые, работники издательств, писатели, художники, представители общественности.

Собравшиеся единодушно избрали почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС во главе с Генеральным секретарем ЦК КПСС товарищем Л. И. Брежневым.

— Отмечая славный юбилей первого российского печатного учебника, который вместе с тем был одной из первых книг, напечатанных на земле братской Украины, — сказал во вступительном слове председатель Госкомиздата СССР Б. И. Стукалин, — мы снова и снова с восхищением и благодарностью вспоминаем жизненный и гражданский подвиг Ивана Федорова...

С докладом выступил вице-президент Академии педагогических наук СССР А. И. Маркушевич.

О книге — могучем средстве идейного и нравственного воспитания подрастающего поколения, о славном юбилее говорили секретарь правления Союза писателей РСФСР А. Г. Алексин, первый заместитель министра просвещения СССР Ф. Г. Паничин, директор издательства «Просвещение» Д. Д. Зуев и другие.

ВДОХНОВЛЯЮЩИЙ ПРИМЕР СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

АНКЕТА «ЛГ»

ГОВОРЯТ ЗАРУБЕЖНЫЕ ЛИТЕРАТОРЫ—УЧАСТНИКИ ПЛЕНУМА ПРАВЛЕНИЯ СП СССР, ПОСВЯЩЕННОГО 40-летию ПЕРВОГО ВСЕСОЮЗНОГО СЪЕЗДА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

1. Как вы оцениваете роль Первого всесоюзного съезда советских писателей в истории советской литературы?
2. Каково значение советской литературы для развития литературы вашей страны и для вашего творчества?
3. Ваши впечатления о пленуме правления Союза писателей СССР?

3—4 сентября в Москве проходил пленум правления Союза писателей СССР, посвященный 40-летию Первого всесоюзного съезда советских писателей. В работе пленума участвовали представители 30 зарубежных стран.

В выступлениях иностранных гостей, приветствиях союзов писателей социалистических стран отмечаются мировое значение советской литературы, растущий авторитет произведений советских писателей.

Председатель правления Союза болгарских писателей, академик П. Зарев подчеркнул огромное влияние советской книги, «которая заключает в себе величие нашей эпохи, несет истины о морально-гуманном смысле человеческого существования».

Искренние, теплые слова, полные братской дружбы, звучат в приветствии Союза монгольских писателей. В нем, в частности, говорится: «Мы с большой радостью отмечаем, что дружба, установленная между писателями наших стран, у истоков которой стоял буревестник революции великий Горький, день за днем укрепляется, развивается, и наши литераторы находятся в постоянной, плодотворной взаимосвязи и взаимодействии».

От имени Союза польских писателей председатель Главного правления Союза польских писателей Ярослав Ивашкевич сказал в обращении к советским писателям: «Сорокалетие, которое вы отмечаете, было великой эпохой, это был период великой и трудной Отечественной войны, но это было и время больших успехов ваших писателей, чьи имена мы произносим с признательностью, уважением и любовью. Они во многом явились для нас примером, и мы в нынешнем тридцатилетии смогли показать вам многое: свою неизменную любовь к человеку и его труду, глубокую веру в гуманистические идеалы человека».

От имени Союза писателей и деятелей искусств Кубы (УНЕАК) председатель союза Мигуэль Гильоме в своем приветствии подчеркивает: «Отношения, существующие между УНЕАК и СП СССР, являются образцом глубокой дружбы, развивающейся так же активно, как дружба между нашими народами, партиями и правительствами. Мы уверены, что принцип взаимного сотрудничества, общность стремлений и целей, воодушевляющие нас в социалистическом обществе, сделают наши отношения крепче и дружественнее».

Теплые, искренние слова в адрес пленума прислали писатели героического Вьетнама, которые с признательностью отмечают влияние и значение слова советского литератора в трудную пору борьбы и в дни мирного труда их родины. Говоря о 40-летии Союза писателей СССР, вьетнамские писатели подчеркивают: «Мы счастливы, что эта годовщина отмечается в атмосфере энтузиазма, вызванного огромными успехами советского народа, которых он достиг во всех областях под руководством славной Коммунистической партии Советского Союза, и непрестанным укреплением социалистических стран, движения за национальную независимость, миролюбивых демократических сил всего мира».

Об эмоциональном воздействии на формирование нового человека, человека социалистического общества, о влиянии произведений советских авторов на читателей братской Чехословакии говорится в обращении Чехословацкого комитета союзов писателей Чехии и Словакии, от имени которого Ян Козак сказал: «...Советские писатели активно участвуют в создании общества, которое при братском интернациональном сотрудничестве и дружбе советских народов строит коммунизм».

Со словами теплого приветствия к советским писателям обратился СП СРР.

В адрес юбилейного пленума правления СП СССР поступила телеграмма от известного греческого поэта Янниса Рицоса, в которой, в частности, говорится:

«К сожалению, я не могу быть вдали от событий, происходящих сейчас на Кипре, и совершить эту поездку». Яннис Рицос призывает писателей, собравшихся в Москве, «незамедлительно продемонстрировать солидарность, с тем чтобы положить конец кипрской трагедии».

О необходимости мирной жизни на нашей планете для всего человечества, для творчества говорил французский писатель, президент Международной ассоциации литературных критиков Ив Гандон.

От имени Ассоциации писателей стран Азии и Африки павшую приветствовал генеральный секретарь ассоциации, видный общественный деятель и писатель Юсуф эс-Сибаи, который, в частности, ответил: «Советская литература целиком отражает историю огромных революционных перемен, вызванных Октябрьской революцией 1917 года, которая сбросила, как время отсталости, угнетение и эксплуатацию и открыла новые горизонты радикальных переме на международной арене». Он подчеркнул роль советской литературы в консолидации движения писателей стран Азии и Африки.

От имени писателей, представляющих народы, которые сражаются за национальное освобождение, против колониализма, расизма и нищеты, против зверств империализма, выступил южно-африканский писатель Алекс Ла Гума.

В заключение краткого обзора приветствий хотелось бы привести несколько фраз из телеграммы генерального директора ЮНЕСКО Рене Майо:

«Советских писателей и ЮНЕСКО объединяют такие общие идеи, как уважение прав человека и укрепление мира на земле; распространение знаний, расширение обмена информацией, развитие контактов между отдельными представителями культуры и народами...»

Работа пленума широко освещалась также прессой братских социалистических стран. В частности, орган ЦК Социалистической единой партии Германии «Нойес Дойчланд» в репортаже о заседаниях пленума подчеркивает мысль о необходимости тесной связи между мастерами слова и жизнью народа. Эта сформулированная некогда еще Горьким идея, продолжает газета, нашла свое конкретное выражение и в дни работы форума советских литераторов. В Колонном зале вместе с писателями находились и та, кому посвящены их книги, — рабочие, колхозники, представители научно-технической интеллигенции страны.

Абдалла РЕКИБИ

(АЛЖИР)

Известный литератор, заместитель генерального секретаря Союза алжирских писателей.

Интеллигенция и писатели Алжира всегда испытывали влияние русских и советских писателей — мы их читаем в переводе на французский и арабский языки. Лично я люблю Чехова, особенно его пьесы.

Я — новеллист, мое творчество посвящено борьбе нашего народа против колониального ига. Русская классическая и советская литература, главная тема которой— борьба за счастье людей, несомненно, оказала большое влияние на алжирских писателей, в частности на меня.

Сам факт, что сорок лет назад на Первом съезде советские писатели наряду с проблемами своей страны обсуждали многие международные проблемы, трудно переоценить. Нам надо чаще собираться. Литературные контакты дают возможность прогрессивным писателям мира обмениваться опытом борьбы против иностранных угнетателей.

Пользуясь случаем, хочу прежде всего поблагодарить Союз советских писателей за приглашение на юбилейный пленум — это большая честь для меня — и за предоставленную возможность побывать в вашей стране. Думаю написать об этой поездке.

Мы, алжирцы, знаем, что такое война: семь с лишним лет у нас лилась кровь. И мы хорошо понимаем, что битва у Волгограда, ваша славная победа символичны для нас. Мы высоко ценим жертвы и героизм вашего народа. Мы знаем горе и ценим мир. И я с особенным чувством приветствую героическую землю Волгограда.

Виланд ХЕРЦФЕЛЬДЕ

(ГДР)

Публицист и литературовед. Участник Первого всесоюзного съезда советских писателей. Автор сборника рассказов «Вечно — зеленое» (1949), книги воспоминаний «Каменное море» (1955) и сборника стихов «Написано на ходу» (1956).

Когда во время первой мировой войны я узнал о воззвании В. И. Ленина «Рабочим, солдатам и крестьянам!», то стал считать себя большевиком, а когда в конце 1918 года в Берлине был создан «Союз Спартака», сразу же вступил в него. До тех пор мечтал стать поэтом, но стал публицистом и издателем — стремился пробудить в немецких читателях понимание и любовь к советской литературе. Я издавал книги Маяковского, Федина, Бабеля, Всеволода Иванова, Сейфуллиной, М. Шагинян, Эренбурга, а также собрание сочинений Льва Толстого, Максима Горького, Михаила Шолохова.

В 1934 году был участником Первого съезда советских писателей, а затем выпустил специальный номер журнала «Нойе дойче блеттер», посвященный съезду.

Сегодня, на 79-м году жизни, мне хочется сказать: с октября 1917 года я люблю революцию и людей, которые построили новое общество. Я ходил по улицам Волгограда, города, чья история, как и судьба его жителей, потрясла весь мир, а потом переполнила радостью и гордостью.

Мне за свою долгую жизнь довелось увидеть много мемориальных памятников героям, отдавшим жизнь за свой народ. Но нигде я не видел такой связи между павшими в борьбе против фашизма и их детьми и внуками. Надгробные камни у статуи Матери-Родины утопают в зелени и цветах, символизирующих жизнь и весну нашей планеты. Я сохраню в своем сердце безмятежные лица спящих детей, которых мы видели в детском саду совхоза «Волго-Дон».

Карло БЕРНАРИ

(ИТАЛИЯ)

Первый и наиболее популярный роман Карло Бернари, прогрессивного итальянского писателя старшего поколения, «Трое рабочих» был, в сущности, и первым произведением итальянской литературы на тему рабочего класса. Хорошо известны его книги «Неаполь, война и мир», «Сперанцелла», «Завтра и послезавтра».

Мой первый роман «Трое рабочих» вышел в 1934 году — накануне Первого съезда советских писателей. Нелегально через своих друзей-подпольщиков я получал тексты докладов и выступлений делегатов съезда. А однажды мне переслали вырезку из газеты «Известия» с рецензией на мой роман, в котором говорилось, что «Трое рабочих» — важная и полезная книга. Фашисты узнали, что обо мне пишет коммунистическая пресса. Начались преследования, допросы...

В годы Сопротивления я основал подпольное издательство «Новая библиотека», в котором раздел русской классической и советской литературы вел Этторе Ло Гатто. Нам удалось напечатать 12 книг советских писателей — М. Шолохова, Н. Островского, Л. Леонова, К. Симонова, И. Эренбурга и др. Мы знали, что фашизм не вечен, что победить его нам поможет советская литература — ее оптимизм, целеустремленность, гуманизм, вера в будущее.

Для нас, антифашистов, поворотным пунктом во второй мировой войне, в борьбе против фашизма был и останется Волгоград. Я приехал в этот город, ступил на его священную землю, поклонился братским могилам. Мысленно вновь пережил трагические годы войны, потерь, крови и тюрем. Я ходил по широким проспектам нового, вставшего из руин города, вглядывался в лица людей — и ощущал себя в новом времени, среди новых людей. За ними — будущее.

Мирта АГИРРЕ

(КУБА)

Кубинская поэтесса и литературовед. Лауреат национальных премий по литературе и журналистике.

Автор двух поэтических сборников и многочисленных монографий, посвященных проблемам кубинской и мировой литературы.

Советская литература всегда была объектом пристального внимания на Кубе: в середине 20-х годов — в период создания Коммунистической партии Кубы, активной борьбы кубинского народа против диктатуры Мачадо, во время Великой Отечественной войны, когда весь мир следил за героической борьбой советского народа; и сейчас — в дни строительства социалистического общества книги советских писателей помогают нам в нашем творчестве. Книгам Максима Горького я обязана самым главным в моей жизни, ее смыслом и ее гордостью — быть членом Коммунистической партии.

Создание в 1934 году Союза писателей СССР имело огромное значение как для вашей литературы, так и для писателей всего мира. Впервые литераторы объединили свои усилия в деле воспитания нового человека. Первый съезд призвал советских писателей оказать всемерную поддержку прогрессивным деятелям культуры капиталистических стран, раскрывать перед ними величие идей марксизма-ленинизма.

Пленум правления СП СССР еще больше сблизил нас, он еще раз подтвердил неослабевающую связь советских писателей с его народом.

Ступаешь на волгоградскую землю, и тебя охватывает необыкновенное волнение от встречи с высочайшим проявлением мужества человека. Нести имя города-героя в стране, известной всему миру своими героическими подвигами, — большая честь и большая ответственность. Волгоград по праву назван городом-героем.

Муин БСИСУ

(ПАЛЕСТИНА)

Поэт. Первая книга его стихов «Письма» (1952) переиздавалась шесть раз. Широкую популярность Муину Бсису принесли его сборники «Распятая Иордания», «Палестина в сердце», «Деревья умирают стоя». Автор ряда драм в стихах. Поэт большой патриотической темы, борец за справедливые права своего народа. Муин Бсису — активный участник афро-азиатского писательского движения.

Поэзия для меня прежде всего связана с Пушкиным. Люди верят в Пушкина как в свой язык, в свою родину. Мое поколение арабских поэтов воспитано на Пушкине, Толстом, Достоевском, на музыке русских композиторов.

Многие из моих соотечественников неоднократно бывали в Советском Союзе, но их знание вашей страны было бы недостаточным, если бы они не читали стихов Маяковского, Есенина, не были бы знакомы с творчеством Кулиева, Кугультинова, Евтушенко и других. Поэт должен быть в гуще событий, жить одной жизнью со своим народом, быть его голосом.

Первый съезд — эпохальное событие: впервые в истории человечества под эгидой Советской власти возникла писательская организация — Союз писателей СССР. Для зарубежных писателей он имел огромное идеологическое значение. В тридцатые годы началось интенсивное знакомство с советской литературой; о мужественной борьбе советского народа против фашизма мы узнавали по произведениям Шолохова, Эренбурга, Симонова.

И вот я в Волгограде. Мне трудно говорить. Этот город выше и лучше любых слов. Поднимаясь на Мамаев курган, забываешь о книгах и учебниках, на его вершине начинаешь по-настоящему чувствовать, что значит для человека родина, начинаешь понимать, что в мире нет силы, которая смогла бы побороть силу коммунистов.

Два года назад я познакомился в Берлине с писателем Бруно Апицем. Он подарил мне книгу «Голый среди волков». Там есть эпизод пытки советского офицера, которого гестаповцы вынуждали к предательскому признанию. В какой-то момент пленный взглянул в окно. Была весна. На серой стене тюремного двора меж двух камней он увидел цветок. И этот цветок придал ему силы. Вот такой цветок — город Волгоград.

Аднан БАГАДЖАТИ

(СИРИЯ)

Литератор, переводчик. Член Народного совета Сирийской Арабской Республики.

Знакомство арабских писателей с русской классической литературой относится к началу этого века. После Октябрьской революции мы с большим вниманием и интересом наблюдаем за развитием советской литературы.

Я познакомился с некоторыми произведениями русских классиков — Пушкина, Достоевского, Толстого, а позже Горького — еще в юности. Скажу с уверенностью: русская и советская литература оказали большое влияние на формирование моего мировоззрения, на мое творчество.

На Первом съезде были впервые четко определены цели и задачи советских писателей. Съезд сплотил воедино писателей, превратил их в огромную силу, активно участвующую в строительстве социализма. Это отразилось на позициях писателей всего мира: послужило стимулом борьбы, заставило задуматься над проблемами общественного мирового развития.

Участие в работе юбилейного пленума для меня — счастливая возможность познакомиться с многими советскими писателями, узнать о новом в современной литературе. Когда я слушал выступления на пленуме, было приятно сознавать, что творческая эстафета перешла от Горького в надежные руки.

В Сирии хорошо знают о Волгограде, много читали о нем, знакомы с фотографиями военного времени. Я увидел теперь новый город, цветы, улыбки, молодоженов, которые приходят в день свадьбы поклониться памяти павших за их счастливую жизнь. Я сам из страны, часть земли которой все еще занята агрессором, где многие города выглядят сейчас так, как Волгоград тридцать лет назад. Я рад приветствовать волгоградцев, советских людей и пожелать им счастья. Но хотел бы напомнить, что дух фашизма еще живет в мире. Будьте начеку!

Джазеф НОРТ

(США)

Публицист, журналист и общественный деятель. Коммунист. Автор ряда книг и статей на темы общественно-политической жизни США, американской культуры, литературы и искусства.

Прогрессивные американские писатели высоко ценят гуманистические традиции русской классической и советской литературы. В годы экономического кризиса — в тридцатые годы — мы черпали вдохновение, находили ответы на многие, волновавшие всех нас вопросы в советской литературе. Хочется отметить, что сейчас молодые американские писатели ищут возможности вернуться к реалистическим традициям, и поэтому с новой силой возрос интерес к советской литературе. Это особенно важно, ибо большинство произведений американской культуры последних десятилетий представляет собой симбиоз культа насилия, порнографии, проповедует эскапизм, разводушие к действительности. Я верю, что будущее американской литературы — в верности завоеваниям Драйзера, Хемингуэя, Вульфа, в верности традициям Пушкина, Толстого, Достоевского, Горького, Шолохова.

Мы верны славным страницам прошлого. Верны Волгограду, вырвавшему жизнь из лап смерти, свет из тьмы ночи. Волгоград — надежда и гордость всего человечества. Ничто не забыто. И во имя святого прошлого и мирного будущего наши народы идут по пути мирного сосуществования.

Аднан ОЗЪЯЛЧИНЕР

(ТУРЦИЯ)

Новеллист, автор четырех сборников рассказов, два из которых удостоены крупнейших национальных литературных премий Турции.

Аднан Озъялчинер — генеральный секретарь Синдиката писателей Турции.

В Турции реалистическая литература начинает свою историю с творчества Саббахаттина Али и Орхана Кемаля. Произведения, написанные по методу социалистического реализма, начали появляться у нас лишь в последнее время — в основном это книги, посвященные жизни бедняков Анатолии, а также рабочему классу.

Герой моих первых сборников рассказов — «маленький человек», его беды и чаяния. В моем становлении как художника определяющую роль сыграли М. Горький, М. Шолохов, Н. Островский, Ф. Гладков. «Мать» М. Горького учила нас мужеству, революционной борьбе. Из современных писателей мне хочется отметить Ч. Айтматова, Т. Ахтанова, Н. Думбадзе.

На Первом съезде советских писателей присутствовали турецкие писатели Якуб Кадри Караосманоглу, Фалих Рыфкы Атай. Опыт молодой советской литературы был очень для нас полезен.

Сейчас мы, турецкие писатели, решили создать свой синдикат — его I учредительный съезд состоится в октябре. Я приехал на пленум правления СП СССР в качестве представителя этого синдиката, поскольку являюсь его генеральным секретарем. Безусловно, мне было чрезвычайно важно участвовать в работе пленума, беседовать с советскими писателями, с секретарями правления СП СССР. Пленум имел большое значение в деле дальнейшего развития культурного обмена между писателями различных стран.

...Герои Волгограда—герои всего человечества. Они — великий пример для народов, борющихся и сегодня за свободу и независимость своей страны.

Фридрих ХИТЦЕР

(ФРГ)

Западногерманский публицист и литературовед, автор ряда работ о советской литературе. В течение многих лет редактирует прогрессивный общественно-литературный журнал «Кюрби-скерн».

У нас издаются произведения русских классических и советских писателей. Но в последнее время антисоветские идеологи вновь подняли голос. И борьба за прогрессивную литературу в нашей стране связана с борьбой за широкое распространение и понимание советской литературы. Почему? Во-первых, ваша страна для нас — яркий пример того, как может и должен народ воспринимать книги. А ведь это очень важно для писателей капиталистических стран, где читатели наглухо отделены от творческого процесса. Во-вторых, советскую литературу отличает глубокая народность, это подтверждается и фактом активного участия писателей в общественной жизни страны.

Первый съезд советских писателей решал, на мой взгляд, самый главный, до сих пор волнующий всех нас вопрос — борьбе с фашизмом. Съезд собрался год спустя после захвата Гитлером власти. На этом съезде Вилли Бредель, Фридрих Вольф, Иоганнес Бехер говорили о пытках, которым подвергался немецкий народ.

Съезд остро поставил вопросы, связанные с методом социалистического реализма, с партийностью литературы, обсуждая проблемы формы художественного произведения — вопросы, которые до сих пор актуальны.

Мне было очень интересно своими глазами увидеть на юбилейном пленуме делегатов Первого съезда. Личное знакомство с человеком, которого знаешь только по книгам и речам, очень полезно. Радостно было видеть сплоченных в одной организации советских писателей, еще раз убедиться в перспективности такого объединения.

Хочу повторить запись, которую оставил в книге на Мамаевом кургане: «Кланяюсь живым и погибшим защитникам Сталинграда. Борясь за свободу своего народа, они боролись за свободу и немецкого народа. Эта запись относится к горькому прошлому. В эти дни я как гость и друг нахожусь в расцветающем светлом городе».

Я буду об этом писать, должен! Чтобы у нас знали не только героический Сталинград — а о нем знают все, от мала до велика, — но и имели представление о сегодняшнем, не менее героическом, трудовом Волгограде.

Ян КОЗАК

(ЧССР)

Писатель-прозаик, председатель Чехословацкого комитета союзов писателей Чехии и Словакии, председатель Союза чешских писателей.

Помню, какое огромное и глубокое впечатление произвели на меня первые книги советских авторов, которые попали мне в руки, когда я был еще мальчишкой. Это были «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Цемент» Ф. Гладкова и «Тихий Дон» М. Шолохова. В те минуты я становился Павкой Корчагиным, а когда вдыхал запах полыни у нас дома, у Лабы, передо мной вновь вставала борьба героев Шолохова за новую жизнь в полынных степях на Дону. После второй мировой войны, после освобождения нашей страны Советской Армией, когда у нас шла борьба за социалистическое будущее наших народов, я некоторое время работал на фармацевтической фабрике и распространял среди рабочих советскую литературу. Однажды перед рождеством мы продали 120 экземпляров романа М. Горького «Мать». Советская литература, советские писатели были с нами на баррикадах, помогали нам побеждать.

В течение 40 лет существования Союза советских писателей литераторы отдавали свои силы, свой талант и свою жизнь развитию животворной, сильной литературы, а которой в подлинном смысле слова пульсируют живая кровь и оптимизм.

Мое самое сильное впечатление в Волгограда — Мамаев курган, статуя Матери-Родины, символ свободы.

Ян СОЛОВИЧ

(ЧССР)

Писатель-драматург, сценарист, секретарь Союза словацких писателей, лауреат Государственной премии, депутат Словацкого национального совета.

Ян Солович — автор многих радио- и театральных пьес.

Связи русской и словацкой литератур уходят в начало XIX века, и потому словацкий читатель, хорошо знакомый с русской классикой, с огромным интересом стал следить за развитием советской литературы. Влияние советских писателей на творчество наших писателей огромно. Недаром пионеры словацкой литературы говорят, что они «вышли из Горького». Я еще в гимназические годы прочитал «Городе и годы» К. Федина и с тех пор стал горячим поклонником вашей литературы.

40 лет прошло с момента Первого съезда советских писателей, и яркой демонстрацией того, что связи между писателями многонациональной Страны Советов, между литераторами всего мира продолжают развиваться, явился юбилейный пленум. Мир социализма растет и крепнет, растет братская семья социалистических литератур. Мы, писатели, идем по пути, открытому нам Первым съездом, мы своим творчеством стремимся дать недвусмысленный ответ на вопрос Горького: «С кем вы, мастера культуры?» — со своим народом, с партией.

Здесь, в Волгограде, мое самое сильное впечатление— волгоградцы. Сколько им пришлось пережить 30 лет назад! Восхищаюсь их героизмом. Верю им.

Петер ВАЙС

(ШВЕЦИЯ)

Широкую известность принесла Петеру Вайсу его драма «Преследование и убийство Жан-Поля Марата» (1964), поставленная более чем в 20 странах.

В 1965 году во многих театрах ГДР и ФРГ была поставлена пьеса-оратория П. Вайса «Дознание», разоблачающая преступления германского фашизма. За пьесу «Дознание» П. Вайсу была присуждена в ГДР премия имени Г. Манна.

Он — автор пьес «Песнь о дузитанском пугале», «Дискуссии о Вьетнаме», «О том, как господин Мокинпот от своих злосчастий избавился», «Гельдерлин».

Рискую быть банальным, если скажу, что Достоевский оказал на всех нас величайшее влияние. Я вырос с Достоевским, он принадлежит к числу писателей, открывших передо мной мир великой литературы. Он поведал нам о страданиях русского народа, угнетенного и бесправного. Уверен, что то же самое могут сказать многие представители моего поколения.

Вторым великим писателем для меня стал Максим Горький, он также писал о жизни людей под гнетом царизма. Особенно много мне дали его автобиографические повести. Фильм, снятый по «Детству» Горького, картины Эйзенштейна и Пудовкина также сыграли большую роль в моем формировании. Литература, кино и живопись для меня неразделимы.

Позднее, когда я политически созрел, то много читал Маяковского, Блока, Есенина, увлекался живописью художников 20—30-х годов. Таким образом, мои взгляды на литературу сложились под влиянием революционного искусства, родившегося после Октябрьской революции. Полагаю, что корни современной живописи уходят в творчество художников-реалистов XIX века — Репина, Перова, Ярошенко. Несколько дней назад я побывал в Третьяковской галерее и увидел картины, которые раньше знал лишь по репродукциям. Они потрясли меня, особенно лица детей на картине Перова «Тройка», выражающие глубочайшее страдание. Я сравнивал их со счастливыми лицами детей, которых видел в Волгограде. Мир полностью изменился. Но вы встретите несчастных детей в трущобах Лондона, Парижа, Нью-Йорка...

Гуманистические идеи, вдохновлявшие художников XIX века, являются основополагающими и для художников социалистического реализма. Самый главный долг писателя — прислушиваться к биению времени, отстаивать свои политические убеждения и не забывать о поэтическом вдохновении.

Мне не довелось быть участником Первого съезда советских писателей, но если бы я был на съезде, я говорил бы о многообразии тем и художественного выражения. У пленум правления СП СССР явился манифестацией многонационального характера советской литературы. В Швеции, к примеру, национальные меньшинства утрачивают свою культуру.

Четыре дня, проведенные в Волгограде, были путешествием не только к жизнерадостным, веселым жителям города, а город, значащий для нас так много, но и путешествием в прошлое. Во время войны я эмигрировал в Швецию. Политическим беженцем не разрешалось жить в городах, и я вынужден был работать в лесу. Мы следили за Сталинградской битвой, и весть о победе стала поворотным моментом для нас. Даже шведские официальные круги перестали поддерживать фашизм.

За 30 лет из пепла и руин встал новый город. Успехи вашей страны помогают верить в победу народов, и сегодня борющихся за свою независимость.

Хорхе ИКАСА

(ЭКВАДОР)

Эквадорский писатель-реалист, автор романа «Уасипунго».

Современная советская литература, к сожалению, мало известна широкому читателю Эквадора, так как в странах Латинской Америки почти нет переводчиков с русского языка. Но влияние советской литературы на литературы других стран, особенно стран социалистического лагеря, огромно. Их объединяют общие принципы, эстетические и общественно - политические взгляды. На Западе писатели разобщены, иногда бывают подвержены тенденциям и модам, не отвечающим требованиям времени.

На юбилейном пленуме много говорилось о коммерциализации западной культуры, о превращении произведений искусства в предмет «купли-продажи». Советские писатели и писатели социалистических стран рассказывали о своем стремлении глубже отразить дух народа, о своей работе на благо справедливости, социального равновесия, мира между народами...

Героизм Волгограда ощущается в его дыхании, в братских могилах; здесь, где на песчаных берегах Волги еще видны следы гранат и где каждый очаг хранит незажившие раны или горькие воспоминания потерь, чувствуешь, как много значит быть Человеком!

Алекс Ла ГУМА

(ЮАР)

Лауреат международной премии «Лотос» 1070 года, автор четырех романов и множества рассказов. Активный борец против апартеида.

Алекс Ла Гума — заместитель генерального секретаря Ассоциации писателей стран Азии и Африки.

Много воды утекло с тех пор, когда в 1934 году собрался Первый съезд советских писателей. Мир претерпел с тех пор огромные перемены. Прогрессивное человечество одержало победу над нацизмом и гитлеризмом; возникло социалистическое содружество; Советский Союз с триумфом доказал способность рабочих масс создать более совершенную и процветающую цивилизацию.

В течение этого времени народы Африки, Азии и Латинской Америки одержали много побед над силами империализма и колониализма. Свершилась победоносная кубинская революция, в бывших колониях возникли новые независимые государства.

Прогрессивные литераторы — прозаики, поэты, драматурги, очеркисты, журналисты — внесли достойный вклад в прогресс своих народов. Но этот героический период отмечен великими жертвами. Мы помним имена писателей, погибших на фронтах испанской гражданской войны; прославленные имена советских литераторов — членов Союза писателей, сложивших головы на фронтах войны против нацизма; мы помним имена тех, кто погиб в борьбе с колониализмом, расизмом, апартеидом и агрессией. Мы не забудем погибших писателей Вьетнама, мы не забудем великого Пабло Неруду.

Память о героях Волгограда сохранится навсегда в сердцах человечества.

Сейчас фашизм вновь поднимает голову. Мы верим, что благодаря нашей солидарности и борьбе свободе и справедливость восторжествуют во всем мире.

Зарубежные писатели на Мамаевом кургане Фото Н. АНТИМОНОВА

БИОГРАФИЯ КНИГИ

«ОДНОГО КЛУБКА НАЧАЛО»

«КУРЗЕМИТЕ» Иманта Зиедониса — художественно-публицистический очерк об одном из краев Латвии, пересечь который на автомашине можно за несколько часов. Но Имант Зиедонис шагал по Курземе месяцами, годами. Заходил в колхозные дворы, искал и из ряда вон выходящее, особое, и «осредненное», будничное, бывал в клубах, конторах, механических мастерских, слушал старинные свадебные песни, рассуждал и мечтал о будущем вместе с многими людьми. И книга Зиедониса не просто насыщена жизненной реальностью, это документальная мозаика, произведение не только о нынешнем дне, но и о завтрашнем.

«Курземите» заинтересовала самые широкие массы читателей республики. Номера журнала «Карогс», где напечатана вторая часть книги, переходят из рук в руки, их не найдешь ни в киосках, ни на библиотечных полках. «Курземите» обсуждают, о ней горячо спорят.

Редакция литературных передач Латвийского радио и сотрудники журнала «Карогс» встретились в Елгаве с руководителями колхозов и совхозов, с теми, от кого в значительной мере зависит решение некоторых вопросов, поднятых в книге И. Зиедониса. Газета «Литература ун максла» провела ее обсуждение с архитекторами и строителями, а также партийными, советскими работниками и специалистами Салдусского района, о котором много говорится в «Курземите».

Итак, слово читателям.

С. УПЕНИЕК, председатель Салдусского райисполкома:

— Первую книгу «Курземите» я читал с удовольствием. А потом поставил томик на полку — отличная, интересная вещь. Вторую так запросто на полку не поставишь — она беспокоит, теребит тебя, понуждает действовать. Первая — словно сдобная булочка, вторая — настоящий крестьянский ржаной хлеб.

Проблема материальной обеспеченности, достатка, его влияния на людей очень важна, и Зиедонис верно ощутил ее актуальность.

У. ЯУНЗЕМИС, заведующий Ремтсним домом культуры:

— Нет, не все так просто обстоит с миром вещей. Вот, например, автомашина подчас «виновата» в том, что ее владелец всем, кроме нее, перестает интересоваться. У нас в сельсовете недавно два семьи обзавелись «Жигулями». Одна — в клуб больше ни ногой, а ведь и жена, и муж были раньше активными участниками самодеятельности. Теперь свободное время забирают поездки. И куда же? За покупками. Вторая семья тоже часто в дороге, но эта дорога ведет в музеи, театры Лиепаи и Риги.

З. ДЗИРНЕ, первый секретарь Салдусского райкома партии:

— Конечно, смешно объяснять ограниченность человека высоким уровнем его материальной обеспеченности. Но бесспорно, что еще есть люди, для которых «вершина культуры» — собственная автомашина, нет недостатка и в тех, для кого вся «культура» кончается бутылкой. Надо поблагодарить Зиедониса за то, что он так остро ставит вопрос: нет, достаток и духовное богатство далеко не всегда идут рука об руку.

Д. ВУРЫЯ, заместитель председателя колхоза «Валдоне»:

— Мы часто совершаем коллективные поездки в рижские театры. Праздник песни в прошлом году продемонстрировал такую хорошую культуру, такую массовость, которые прежде были просто невозможны, но культурные запросы растут, и прав Имант Зиедонис, заостряя на этом внимание. Нерешенных проблем здесь очень много. Кто у нас на селе «организует культуру»? За скотом смотрит зоотехник с высшим образованием, свеклу выращивает агроном с высшим образованием, а культурой, бывает и так, ведает девчоночка, только закончившая среднюю школу и «срезавшаяся» на вступительных экзаменах в вуз...

А. ГРИНОВСКИЙ, кандидат экономических наук, доцент Латвийской сельскохозяйственной академии:

— Мне хочется напомнить одно высказывание Анны Сансе: «Люди, любящие душевное равновесие, не читайте Окра Вациетиса, Иманта Аузиня и не читайте, упаси господь, Иманта Зиедониса...» С многими страницами «Курземите» можно согласиться или не согласиться, но равнодушным остаться нельзя. Знаете, бывают у нас такие диссертации, в которых самый строгий рецензент при всем желании не может найти ни одной ошибки, так как в них нет ни проблем, ни своих мыслей. А при обсуждении других работ мои коллеги спорят, ломают копья — в них ставятся острые проблемы. Так и с книгой Иманта Зиедониса.

Замысел автора ясен для нас. Наряду с экономическими успехами наших хозяйств, ростом денежных доходов наблюдается и определенное отставание в удовлетворении культурных потребностей сельского населения, и, если называть вещи своими именами, порой выбиваются сорняки мещанства с типичным его атрибутом — культом вещей, мещанство, у которого, понятно, отсутствует ориентация на более глубокие, подлинные ценности эстетического, интеллектуального характера.

...О многом говорили читатели, обсуждая книгу И. Зиедониса. Разговор перерастал рамки произведения, разматывался клубок проблем.

Отмечали (и скрупулезно!) фактические ошибки, неточности. Упрекали за порой некужную запальчивость, расходились в оценках того или иного героя книги, ведь это живые люди, которых многие из присутствующих знают. Но каждый отмечал горячую заинтересованность автора в жизни современного села, понимал важность поставленных им вопросов.

...«Земля была прекрасной и спокойной, — пишет И. Зиедонис в заключительных строках своей новой книги. — Когда люди спокойны, они что-то нашли, подумал я. Быть может, они нашли начало. Одного клубка начало».

Рейнис АДМИДИНЬШ

РИГА

ИЗ БЛОКНОТА КОРРЕСПОНДЕНТА «ЛГ»

ТАКОЙ БЛИЗКИЙ ЭЛЬБРУС

С ГОРЫ, где находится гнездо канатной дороги, город Нальчик виден, как на ладони, — вот совсем близкий центральный проспект; вот огромный парк, боком спускающийся к прозрачной, как стекло, речушке; вот улицы, десятки улиц, прикрытых шапками деревьев... Виден совсем близкий Эльбрус, залитый солнцем.

Гора — как некий наблюдательный пункт, отсюда, кажется, виден не только Нальчик, но и вся республика: вон там, за поворотом, Баксан («Моя родина», — говорит стоящий рядом народный поэт Кабардино-Балкарии Адам Шогенцуков), вон Терскол с грозным Чегетом, торжественно-праздничное здание гостиницы «Иткол»...

Адам Шогенцуков — наш гид, он рассказывает нам легенду о далеком ущелье, узкой черточкой виднеющемся вдали, потом следует целая повесть о географии хребтов и ледоломов, об Азау и Донгуа-Орунa, о горных селениях и их жителях, мужественных людях...Но больше всего Шогенцуков говорит о «психологии» гор. Горы, горы...

Когда на читательских конференциях Адаму Шогенцукову задают вопрос о хобби, о непреходящем увлечении, которому он так же, как и писательскому делу, беспредельно предан, поэт отвечает односложно:

— Альпинизм.

Адам Шогенцуков — альпинист. Исходил многие кавказские вершины, знаком и с голубыми ледниками, купающимися «в мертвой тишине», и с коварными трещинами, и с лавинами. Альпинистские приюты не раз укрывали Шогенцукова от непогоды... Несколько лет назад он водил по приэльбрусским моренам Константина Симонова, а в фильме «Лунный камень» дублировал артиста на восхождении в ситуации, надо прямо сказать, «пиковой» — его герой шел по высотному гребню, потом, не удержавшись на неровном зубчатом острие, сорвался в пропасть...

— Страшно было?

— Конечно, — говорит Шогенцуков. — Страх — сволочное чувство, ничего не скажешь. Но преодолимое.

— Собираетесь написать что-нибудь о горах?

— Я все время пишу о горах. О горах и горцах...

Нелегкая стезя
досталась мне —
В огне, в дыму, в чаду,
под скрежет стали
Я шел, на дрогнув сердцем.
На войне
Мы правду от неправды
защищали,
Того, кто в жизни выбрал
верный путь,
Ни бедствиям, ни горю
не согнуть.

Я тем временем вспомнил, что всего год назад в издательстве «Художественная литература» вышел сборник Шогенцукова, посвященный молодым. Он так и назывался — «Тебе, мой друг». В предисловии к сборнику критик Мусарби Сокуров написал об огненных годах, о боевых путях-дорогах рядового Адама Шогенцукова. Есть там такие строки: «Под Машуком шли ожесточенные бои. В одну из коротких передышек кто-то попросил Адама рассказать о трагедии Лермонтова, разыгравшейся у подножия горы. Послушать кавказца, уроженца здешних мест, собрались многие друзья по оружию...»

— Да... Это была редкая передышка в грохоте беспрерывных боев, когда Машук, обглоданный снарядами, черный от поднятой наверх земли, разбитый и страшный, укрыл нас. Где-то стучал крупнокалиберный пулемет. В окопе было тесно, у каждого в руках самокрутка, мокрее от пота и мороси... Рассказал я солдатам все, что знал о жизни Лермонтова в Пятигорье, оказалось, что этого мало: тогда я начал читать стихи. Прочитал одно, замолчал, подумав, что не понравилось. Но ничего, понравилось. Затем прочитал другое и третье. А потом меня однополчане уже сами одолевали, требовали стихов...

Войну Адам Шогенцуков начал в предгорьях Кавказа — первый бой принял в составе военного кавалерийского училища у станицы Большая Кирсановка, последний же бой провел в тесных улочках Праги, вышибая гитлеровцев из подвалов.

Затем разговор переключается на другое, на темы современные.

— Высоко в горах, под самым Эльбрусом, на более чем двухкилометровой высота, находятся знаменитые Зольские пастбища. Работает там Хабцина Апшацева, доярка из колхоза имени Гагуонова. Судьба ее самая обычная, хотя и трудная: в войну потеряла отца, на руках осталась маленькая сестренка, да еще матери надо было помогать... Будучи школьницей, работала на колхозной ферме, на ферме осталась и после окончания десятилетки. Сейчас Апшацева — одна из лучших доярок республики, студентка-заочница. Это человек нового типа, наш современник в полном, большом понимании этого слова, человек богатый и самобытный, наделенный удивительной увлеченностью... Вот, собрал материал... По крохам, по зернышкам. Сажусь за книгу. Что получится — еще не знаю. По задумке — сплав поэзии и документальной прозы...

Потом разговор заходит о знаменитом горно-металлургическом комбинате в Тырныаузе... Но это уже другая тема, другая забота...

В. ПОВОЛЯЕВ, специальный корреспондент «ЛГ»

НАЛЬЧИК

ПИСАТЕЛЬ И ПЯТИЛЕТКА

Сергей Сартаков — среди будущих мореходов

Фото В. ШАГОВА

Гариф Ахунов и лесодобытчиков Коми АССР

Фото В. ЯЧМЕНЕВА

РАЗГОВОР ЗА РАБОЧИМ СТОЛОМ

Вл. НЕМЦОВ:

ЛЮБЛЮ РЕАЛЬНУЮ ФАНТАСТИКУ

Едва ли кого-нибудь сейчас удивишь транзисторным приемником, магнитофоном или телевизором. Пожалуй, никого не приведет в изумление даже солнечная батарея. Ведь космическая станция «Салют-3» в эти дни исправно и «в заданном режиме» питается от таких батарей.

Но еще 20 лет назад все это было фантастикой. Во всяком случае, именно конструированием и испытаниями подобных приборов занимались герои произведений Владимира Немцова.

Мастерство фантаста заключается в умении предвосхитить то, что потом, спустя годы, станет привычным и обыденным, в умении, основанном на глубоком знании законов развития современной науки и техники. В. Немцов был изобретателем, работал в научно-исследовательском институте, на радиозаводе. На его счету 15 авторских свидетельств...

Впрочем, тяга к техническому творчеству сохранилась у писателя и по сей день. Его рабочий стол хранит следы аъедливой канифоли, стеллажи, уставленные книгами, сработаны собственными руками, а в тумбочку стола встроены хитроумные устройства, скажем, диктофон собственной конструкции...

— Я люблю фантастику реальную (довольно удивительное сочетание слов!), — говорит Владимир Немцов. — И те новшества, о которых пишу, думаю, очень скоро войдут в нашу жизнь. К тому же они для меня лишь повод, чтобы рассказать о моих дерзающих современниках.

Новый роман, который я недавно закончил, является как бы продолжением предыдущих книг — «Альтаира», «Осколок солнца», «Последний полустанок». В нем читатели вновь встретятся с Афанасием Гавриловичем Набатниковым, Вадимом Багрецовым, Тимофеем Бабкиным. Роман имеет, может быть, несколько длинное название — «Когда сближаются дали», однако в этом названии сформулирована главная идея произведения. Оно повествует об освоении советскими людьми несметных природных богатств Сибири.

Среди героев, переходящих из книги в книгу, — Вадим Багрецов. В поездках по стране я не раз встречался с молодыми учеными, которых отличает удивительная преданность своему делу, самоотверженность, требовательность к себе. Таким одержимым и видится мне Вадим Багрецов. Образ героя собирательный. Он не имеет прямого прототипа и вобрал в себя лучшие черты многих людей. Среди них я выделяю трех. Первый — один из моих сотрудников, помогавший еще во время войны испытывать полевую рацию. Второй — неистовый, забывающий про все, кроме работы, лаборант в исследовательском институте. Третий — шестнадцатилетний радиолюбитель из Баку.

— Владимир Иванович, вас знают не только как фантаста, но и как публициста. Над чем вы сейчас работаете? Как публицист...

— Завершаю работу над книгой «Встречи, письма и размышления». О материале, который я использовал в ней, говорит, по-моему, само название. Книга продолжает серию произведений — «Волнения, радости, надежды», «Параллели сходятся», «Адресовано всем». В ней — разговор о проблемах воспитания молодежи, трудных судьбах, о вкусах... Я спорю или соглашусь с авторами откликов, по мере сил отвечаю на наиболее характерные корреспонденции.

Переписка с читателями, безусловно, дает писателю очень много. Но лучший контакт литератора с читателем и героем — это личные встречи. Я не мыслю себя без поездок на заводы и посещений школ, институтов, техникумов, профессионально-технических училищ. Только при таком контакте я могу найти материал для работы.

Записал Б. РЯЗАНЦЕВ

ПИСАТЕЛЬ И ПЯТИЛЕТКА

На дальнем пограничье... Алим Кешоков и Андрис Веян в гостях у воинов Заполярья

Фото В. КРОХИНА

ЮБИЛЕЙ ПОЭТА

ЗВЕЗДА МАХМУДА

ЗВЕЗДА Махмуда взошла на литературном небосклоне стремительно и победоносно. Выходец из маленького аварского аула Кахаб-Росо, он сразу же стал, как позднее скажет его поэтический наследник Гамзат Цадаса, «любимцем гор». Пленительные песни Махмуда народ принял восторженно. Слава его была действительно всенародной, имя его окружали легенды.

...Он погиб в 1919-м, не дожив четырех лет до своего пятидесятилетия.

В дни первой мировой войны судьба забросила его в Карпатские горы. Вдали от земли отцов и родилось лучшее его создание — поэма «Мариам», которую Николай Тихонов назвал «манифестом свободной от адатов и исламских законов любви».

Совсем молодым человеком Махмуд встретил свою Прекрасную Даму. Отныне его творчество — самозабвенный гимн во славу любимой.

Сочини Махмуд свою поэму в родных горах, «Мариам», очевидно, прозвучала бы как еще одна лирическая песня. Но в огне первой мировой войны, в «минуты душевной невзгоды» обращение Махмуда к образу любимой вылилось в потрясающий рассказ Поэта о своей единственной Любви. Поэма воспринимается как «эпос сердца человеческого», в котором глубоко личностное начало сопрягается с дерзким утверждением свободного человеческого чувства.

Лирической поэмой «Мариам» блестяще завершился XIX век дагестанской поэзии, заявившей о себе во весь голос в гневных строках свободолюбивого Санда Кочхюрского, в бунтарских стихах Ирчи Казака, в героических песнях Батырая, в лирике Анхил Марин.

Открывая в Махачкале вечер, посвященный 100-летию со дня рождения Махмуда, заместитель Председателя Совета Министров Дагестана З. М. Хизроева отметила выдающуюся роль аварского лирика в становлении дагестанской литературы.

Слово о Махмуде произнес Расул Гамзатов. Он говорил о немеркнущем величии махмудовской поэзии, о национальном своеобразии и общечеловеческом звучании творчества своего великого предшественника.

На всех языках Дагестана звучали в тот вечер стихи Махмуда. Затем торжество было перенесено в аул Кахаб-Росо...

Казбек СУЛТАНОВ

МАХАЧКАЛА

«Вторник» «ЛГ»

В редакции «Литературной газеты» состоялась встреча с директором Мосгиноторга С. Поливановским, директором магазина «Книжная находка» А. Фадеевым и директором коллектора массовых библиотек Я. Арестом.

...Москвич покупает ежегодно в среднем 15 книг, а 15 берет в библиотеке. Ежедневно в московские магазины приходит до 400 тысяч человек, в библиотеки — до 200 тысяч. Об этом рассказали С. Поливановский и его коллеги.

Почетное звание

За долголетнюю плодотворную журналистскую и активную общественную деятельность Указом Президиума Верховного Совета Литовской ССР собственному корреспонденту «Литературной газеты» по Литовской ССР Нейдошюсу Пятрасу Пятровичу присвоено почетное звание заслуженного журналиста Литовской ССР.

Коллектив «Литературной газеты» сердечно поздравляет П. П. Кейдошюса с присвоением почетного звания.

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

На 64-м году после тяжелой болезни скончался известный писатель Александр Арсентьевич Бахарев, на протяжении последних 13 лет возглавлявший Ростовскую областную писательскую организацию.

Выходец из трудовой семьи липецких хлеборобов, Александр Бахарев рано начал самостоятельную трудовую жизнь, жадно тянулся к знаниям. В 1939 году Александр Арсентьевич вступил в ряды Коммунистической партии Советского Союза. Убежденный и глубоко преданный делу партии, он не щадил своих сил на любом участке работы. Более 30 лет жизни Александр Бахарев отдал советской печати. Он редактировал тамбовскую областную молодежную газету, в годы Великой Отечественной войны и в послевоенный период был корреспондентом газеты «Правда», а затем газеты «Советская Россия».

А. Бахарев принадлежал к числу тех советских писателей, для которых верное служение интересам Коммунистической партии и народа было раз и навсегда избранным делом всей жизни. Начав писательскую деятельность книгой очерков «Солнечная дорога», он успешно продолжал свой творческий труд повестями «Большой поток», «Северные гроздья», книгой рассказов «Степная песня», многочисленными очерками и публицистическими выступлениями на актуальные темы современности.

Результатом многолетнего и плодотворного труда Бахарева явился роман «Человек прячет глаза» — взволнованное повествование о наших современниках, тружениках колхозной деревни. Это произведение снискало популярность в широких читательских кругах. Жизнь А. Бахарева оборвалась в самый разгар работы над книгами о рабочем классе. Последние его повести «Лично ответственно» и «Тревожная лава» — наглядное свидетельство того, как много мог бы еще сделать для родной литературы этот безвременно покинувший ее ряды стойкий и мужественный боец.

А. Бахарев вел большую общественную деятельность, он избирался кандидатом в члены Ростовского горкома КПСС и депутатом областного Совета депутатов трудящихся. Возглавляя писательскую организацию, он много внимания уделял творчеству молодых писателей.

Неутомимый труженик, принципиальный коммунист, опытный руководитель, чуткий товарищ, сердечный и внимательный к другим и требовательный к себе — таким навсегда сохранится Александр Арсентьевич в сердцах всех, кто его знал.

М. А. ШОЛОХОВ, И. А. БОНДАРЕНКО, М. Е. ТЕСЛЯ, В. А. ЗАКРУТКИН, А. В. КАЛИНИН, П. В. ЛЕБЕДЕНКО, И. М. БОНДАРЕНКО, М. А. НИКУЛИН, А. М. СУНЧМЕЗОВ, Н. С. КОСТАРЕВ, Н. М. СКРЕБОВ, Л. А. ШЕСТАКОВ

К 100-летию со дня рождения Аветика Исаакяна

В связи с исполняющимся в октябре 1975 года 100-летием со дня рождения выдающегося армянского поэта Аветика Исаакяна создан Всесоюзный юбилейный комитет под председательством А. А. Суркова; заместители председателя М. К. Луконин, С. С. Товмасян.

В состав Всесоюзного юбилейного комитета по проведению 100-летия со дня рождения Аветика Исаакяна вошли: Г. Г. Абашидзе, А. Т. Алимжанов, Т. Аскаров, С. А. Баруздин, А. А. Белаев, В. Э. Бахман, Ю. Н. Верченко, И. А. Касумов, В. П. Козаченко, А. Е. Кочинян, В. Ф. Кукарский, Н. В. Лесючевский, А. П. Лупан, Г. О. Манасян, Э. Н. Мамедов, Г. М. Марков, Л. И. Матвеев, Э. Б. Межелайтис, С. В. Михалков, С. А. Мелкумян, С. С. Наровчатов, Р. К. Ованесян, С. В. Сартаков, К. М. Симонов, А. В. Софронов, В. С. Сомов, М. Танк, Н. С. Тихонов, Э. С. Топчян, М. Турсун-заде, Н. Т. Федоренко, А. И. Хачатурян, Г. К. Холопов, А. Б. Чаковский, И. И. Чхеидзе, М. С. Шагинян, С. В. Шервинский.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Кежуна Б. А. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с шестидесятилетием со дня рождения наградить писателя Кежуна Брониславa Адольфовича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
И. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
6 сентября 1974 г.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении писателя Рогалина (Галина) Б. А. орденом «Знак Почета»

За заслуги в области советской литературы и в связи с семидесятилетием со дня рождения наградить писателя Рогалина (Галина) Бориса Абрамовича орденом «Знак Почета».

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
Н. ПОДГОРНЫЙ.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
М. ГЕОРГАДЗЕ.

МОСКВА, КРЕМЛЬ.
10 сентября 1974 г.

ОТ СРЕДЫ ДО СРЕДЫ

СОСТОЯЛИСЬ...

...открытие мемориального музея драматурга и поэта Пятраса Вайчюнаса в деревне Пилявялякяй, где прошли детство и юность одного из основателей литовского театра. Специальная экспозиция знакомит посетителей с литературным наследием писателя.

■

...заседание комиссии по литературному наследию В. Ф. Пановой под председательством В. К. Кетлинской. Рассмотрен план мероприятий по увековечению памяти писательницы.

Комиссия обращается к учреждениям, организациям и отдельным лицам, располагающим воспоминаниями, письмами, фотодокументами и другими материалами, связанными с литературной и общественной деятельностью Веры Федоровны Пановой, с просьбой передать эти материалы в адрес комиссии.

Направлять материалы по адресу: 197042 Ленинград, ул. Красного Курсанта, д. 22, кв. 25. Комиссии по литературному наследию В. Ф. Пановой.

ПРОШЛА...

...в городе Льгове, где родился Аркадий Гайдар, конференция, посвященная семидесятилетию со дня рождения писателя. В работе конференции приняли участие литературоведы Москвы, Ленинграда, Арзамаса и других городов.

СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ

«ПОКОРНЫЕ НЕ БЫВАЮТ СКАКУНАМИ...»

Григол ЧИКОВАНИ

ЗАМЕТКИ ГРУЗИНСКОГО ПИСАТЕЛЯ ПОСВЯЩЕНЫ ИСКУССТВУ НОВЕЛЛИСТОВ

НЕДАВНО я прочитал три книги еще молодых людей, но уже зрелых прозаиков: русского, абхазца, азербайджанца. Эти писатели успели завоевать себе имя у читателя, их дебюты, безусловно, можно назвать интересными и обнадеживающими. Но именно поэтому я считаю, что разговор о книгах новой смены мастеров нашей прозы должен идти по самому высокому счету. Всякие скидки, всякая снисходительность для них излишни и бесполезны.

Итак, передо мной книги Рустама Ибрагимбекова «В этом южном городе», Джумы Ахубы «Белый огонь», Леонида Жуховицкого «Легенда о Ричарде Тишкове». Все эти изданные в Москве книги представляют собой сборники, где есть и небольшие повести, и рассказы. Я остановлюсь только на рассказах — в них достаточно наглядно просвечивают и сильные стороны этих авторов, и их просчеты.

Читая рассказы, созданные на разных языках, на различном жизненном материале, не похожие — даже в переводах! — друг на друга по стилю и по характеру, ставишь перед собой главный для всех нас вопрос: а как в них выразилась наша жизнь, наше время, как воплотился облик нового героя — сверстника этих писателей, что нового принесли они с собой? По красочному выражению Чингиза Айтматова, составляют ли их рассказы «мозаику времени»?

Новое имя всегда привлекает особое внимание к себе, и не только читателей, но и старших коллег по цеху. У этой особой заинтересованности, на мой взгляд, двоякое происхождение: с одной стороны, мы хотим увидеть, насколько полно овладели молодые мастерством письма, насколько прочно и органично усвоили они уроки старших мастеров, а с другой — и это самое главное — что истинно нового принесли они с собой. Ведь без обновления немыслим прогресс в литературе, движение жанра. Должен сказать, что для молодых главное — не новаторство в области формы, художественных приемов и т. п., а новый жизненный материал, новые наблюдения над действительностью и окружающими людьми, новые конфликты и коллизии, которые выдвигает время. Без этого никакое формальное мастерство не может принести успеха.

Итак, чем обогащает нас чтение этих книг?

В ЦЕНТРЕ рассказа Джумы Ахубы «Бзоу» — конь. Об этом красивом и благородном животном создан целый ряд классических произведений. Поэтому прежде всего настораживает смелость писателя, который берется за эту тему после хотя бы толстовского «Холстомера». Но недавний поразительный пример с «Прощай, Гульсары!» доказал, что и здесь истинный художник может совершить немало открытий.

В рассказе Ахубы привлекательно нарисованы образы людей, но в нем, можно смело сказать, запомнится и «главный герой» — абхазский конь, которому писатель придал даже определенные человеческие черты, его характер — гордый, независимый, непокорный, отзывчивый на ласку, платящий верностью за добро. Он, совсем как человек, стремится к свободе, «где мог бы скакать без узды». Бег, устремленность вперед, страстное желание победы — внутренняя потребность для Бзоу, ибо «покорные не бывают скакунами»!

Молодой писатель сам проявляет немалую смелость и творческую «непокорность», стремясь найти свою тропку в русле известных сюжетов и ситуаций. Так, его рассказ «Туган» написан о судьбе волчонка, которого человек приручил, подчинил своей воле, даже заставляя его охотиться на других волков. «Он хотел убить в нем извечную память плоти и крови, чтоб зверь стал жить послушным его человеческой воле». Волк понял цену своему предательству, он возвращается в лес, но там нет места для того, кто изменил себе, своей «плоти и крови». Тема тоже достаточно хорошо знакома нам, но абхазский прозаик сумел внести в нее самобытные черточки своей личности, своего жизненного опыта, что делает непритязательный рассказ привлекательным.

Более противоречивое отношение вызывают рассказы «Алабаша» и «Здравствуй — до свидания!», и прежде всего потому, что писателю, как ни удивительно, оказывается труднее найти такие приметы и черточки при описании людей, чтобы было ясно, что это именно сегодняшние люди, жизнь ваших современников.

В первом рассказе повествуется о том, как деревенские ребятишки, чтобы перехитрить бабушку, запретившую им купаться в холодной реке, бросают в воду ее палку — «алабашу». И потом, вытаскивая ее, ухитряются вволю накупаться. Во втором рассказе юноша, не решившись открыться девушке в любви, оставляет родные края, бежит в... Мурманск. Даже в этих простых сюжетах обладатель зоркого глаза, Д. Ахуба мог бы найти глубинные течения, но он ограничивается лишь поверхностным описанием, довольно милым, заинтересовывающим отдельными наблюдениями и деталями, но все же лишь описанием. Автор небольшого послесловия к этой книге Фазиль Искандер точно подметил эту слабость: «...легкость психологических переходов иногда напоминает порхание, а хотелось бы... не порхания, а парения более мощной и зоркой птицы».

К сожалению, грех «порхания» оказывается достаточно характерным: вместо анализа жизни молодые прозаики-новеллисты порой предлагают читателям лишь более или менее интересные и увлекательные, более или менее точные и тонкие зарисовки жизни.

Вот, к примеру, рассказ Рустама Ибрагимбекова «В командировке». Здесь можно было бы повторить многое из того, что говорилось выше и об умении создавать словом зримые картины жизни, и о наблюдательности писательского глаза, что позволяет ему создавать картины, «по узнаваемости» напоминающие своеобразный неореализм, и многое другое. Но, к сожалению, этот рассказ роднит с упомянутым выше рассказом Д. Ахубы «Здравствуй — до свидания!» еще и сходство нравственной коллизии, образа главного героя — рефлектирующего, нерешительного молодого человека, жизненную активность подменяющего душевными колебаниями и рассуждениями.

О РУСТАМЕ Ибрагимбекове, его произведениях, получивших довольно широкую известность, немало говорилось, и сказанное в основном справедливо характеризует его, как одного из интересных представителей нового поколения нашей многонациональной прозы. Не стану здесь повторяться. Хочу сказать об одном вопросе, имеющем, как мне кажется, общее значение. Усиленное внимание писателей к таким качествам своих героев, как душевная чуткость, деликатность, тонкость в переживаниях, боязнь огрубить, опошлить чистое чувство любви, к сожалению, порой приводит к тому, что подобные герои перестают быть активными в жизни: активной, действенной борьбе за свою любовь они чаще предпочитают отступление, бегство.

Главный герой рассказа «В командировке» Алтай Марданов рекомендуется нам автором как молодой инженер-нефтяник, приехавший в Москву по научной командировке: для разработки оптимального режима нефтедобычи. Но, по воле автора, наше внимание фиксируется не на его работе, мы видим его не на консультациях у специалистов или в лабораториях, а... на Центральном телеграфе (оставим на совести автора столь далекий от хорошего вкуса пассаж, что сюда юноши-кавказцы ходят для легких знакомств с русскими девушками, и грузинам это удается вроде бы легче других). После ряда внутренних колебаний и приключений Марданов добивается своего: знакомится с девушкой, и, накупив еды и питья, они отправляются к ней домой. Банальное развитие этого «романа» идет заданным маршрутом, без заминок до той поры, пока за полночь в дверь не постучался маленький брат девушки, оказывается, заблаговременно отосланный ею к бабушке, но не выполнивший ее приказа и за это (а может, для того, чтобы не мешать уединившимся Марданову и Нине) оставленный за дверью. Гамлетовские сомнения Марданова завершаются решением: «...любая попытка сблизиться с нею сейчас является подлостью...» И он уходит.

В аннотации, предваряющей книгу, о Марданове и других героях сказано: «В большинстве своем это интересные люди, привлекательные своей нравственной цельностью». У меня невольно возник вопрос: достаточно ли для таких громогласных выводов тех микроскопических «подвигов», которые автор рассказов предоставляет на долю своих героев? Я пересказал историю лишь одного героя, Марданова, причем не только предельно кратко, но и лишив ее тонких описаний, наблюдений, характеристик, которыми она сопровождается. Сознательно прибегнув к этому, я хотел показать, что художественные достоинства не могут заслонить главного: писатель ограничил себя столь узкими рамками, что даже его несомненное мастерство не может расширить жизненные рамки рассказа. Конечно, и в таких мелких событиях человек раскрывается, но все же на ограниченном плацдарме невозможно решить большие, значительные задачи. А такой писатель, как Р. Ибрагимбеков, должен ставить перед собой именно такие задачи, которые касаются главных проблем нашей жизни. (Когда эта статья уже была набрана, я прочел в «ЛГ» новый рассказ Р. Ибрагимбекова «Бухгалтерская душа», и моя душа, признаюсь, возликовала: в этом отрывке из киноповести писатель явно «идет на сближение» с самыми важными сторонами нашей жизни!)

К сожалению, искусственное самоограничение видится мне и в таком интересном рассказе, как «Зимняя ночь». Читая его, я вспомнил о многих своих друзьях и знакомых — бакинских нефтяниках, геологах, строителях, таких, как «бурильный бог» Ага Нейматулла, Ага Гуссейн Кафаров, М. Беридзе, М. Бердиханов, А. Орлов, А. Багиров, Р. Рустамов, Г.-Б. Ахундов... Вспомнил я о них, прочтя этот рассказ, узнал их и, откровенно говоря, не узнал. Почему? Потому что не помогают в восприятии человеческой сущности таких людей — и даже мешают — стремление автора во что бы то ни стало «утеплить» их образы. Именно тогда и ощущается искусственность, когда писатель в центр рассказа ставит нерешительного Мурада, которого «вся бригада подстрекала к активным действиям» в любовных отношениях с поварихой Реной, или такую «волнующую всю бригаду бурильщиков» проблему, изменяет ли жена бригадиру Китаеву, пока он в море...

«Ученый», «бурильщик» и т. д. — это не просто ярлык на герое с обозначением рода его занятий, а целый мир со специфическим взглядом на жизнь, психологией, нравственным «строем». И попытки «оживить» его путем неудавшейся ли семейной жизни, или нерешительности в любовных предприятиях кажутся как раз насильственными.

О НЕСЛУЧАЙНОСТИ такого рода попыток можно судить и по следующему факту. Когда я читал книгу Леонида Жуховицкого, меня привлекла свободная, живая манера письма, характерная для этого автора и в его пьесах, и в остропублицистических статьях. Его отличают умение строить диалог естественно и ненавязчиво, точность психологических характеристик персонажей. Видно, что каждая строка выношена, выстрадана автором. В этом смысле заслуживает особого внимания рассказ «Летайте самолетами». Однако, приглядевшись, я почувствовал огорчение оттого, что в этом сборнике, по крайней мере в трех рассказах — «Грустный рассказ о любви», «Тебе вручаю», «Рудник «Светлана», — нам предлагаются все те же истории о несчастливой любви, о нерешительных в своих чувствах парнях и девушках, которые в жизни-то гораздо более активны и деятельны в утверждении своей любви! Вот как наставляет двадцатишестилетний мужчина влюбленную в него девушку, по возрасту годную ему в ученицы, в рассказе «Тебе вручаю»: «...мой тебе совет — не балуйся ты этим делом... И нарадоваться успеешь, и наплакаться... А потом всю жизнь синяки считать будешь».

Баловаться «этим делом», конечно, не стоит в любом возрасте. Но не слишком ли эти нравоучения напоминают старые, надоевшие литературные штампы, чтобы видеть в них новые моральные устои нашей молодежи? И когда в другом рассказе девушка от несчастной любви решается на роковой шаг и бросается со скалы, то все же ловишь себя на мысли: перед тобой не что иное, как перепев знакомого мотива. Я вовсе не утверждаю, будто сегодня нет несчастливой любви или людей, не слишком решительных, или что сфера личных, интимных чувств и переживаний не имеет права на существование в современной литературе. Нет, я думаю о том, что за внешними приметами современности, за деталями, указывающими, что описывается все-таки нынешнее время, зачастую даже у самых способных писателей скрывается все тот же давно и хорошо известный мирок маленьких страстей, которые якобы от века ограничивали сферу интересов человека, весь его жизненный круг.

...Я, вероятно, не ошибусь, если скажу, что с такими писателями, как Р. Ибрагимбеков, Л. Жуховицкий, Д. Ахуба, и другими талантливыми их сверстниками связаны немалые читательские надежды. И эти надежды оправдаются, если прозаики, вступающие в пору зрелости, смелее пойдут вглубь, к созданию образов большого общественного звучания.

ТБИЛИСИ

РОДНОЙ ДОМ ПИСАТЕЛЯ

АВТОР этой книги живет в Средней Азии, а я — на Кавказе. Расстояние между нами неблизкое, но книгу Рахима Джалила я прочел и почувствовал, словно знаю его давно и живу рядом с ним. Пришлась мне она по душе с первых строк, привлекла своей жизненностью, правдивостью и еще ярким, живым языком.

Когда-то, более десяти лет назад, я жил и работал в Таджикистане. И мне всегда казалось, что этот милый моему сердцу край знаю очень хорошо. Теперь же, когда прочитал «Дом родной», пришел к выводу: не так уж и хорошо я знал Ленинабад, а тем более бывший Ходжент: передо мной открылась широкая панорама прошлого и настоящего города, характеры его мужественных и добрых людей.

Ленинабад — родной дом Р. Джалила. И, читая книгу, убеждаешься: Родина начинается для писателя именно здесь, в этом городе. Ленинабад — часть Таджикистана, а солнечная Таджикская ССР — неотъемлемая часть могучей Страны Советов. С этой точки зрения становятся более понятными те колоссальные перемены, которые произошли в республике за годы Советской власти,— в «Доме родном» об этом рассказано сочно и убедительно.

Древнему Ходженту — более двадцати веков. Через него проходила знаменитая «шелковая дорога» — торговый путь, связывавший Грецию, Рим, Малую Азию и Египет с Индией и Китаем. В дореволюционном Ходженте насчитывалось четыреста пятьдесят мелких ремесленников, «гнувших спину в тесных, душных мастерских». Восемьдесят пять рабочих денно и нощно трудились на трех полукустарных хлопкоочистительных заводиках, на махонькой стекольной фабрике и таком же бедно оборудованном кожевенном заводе...

Сегодня на тридцати современных, оснащенных передовой техникой промышленных предприятиях города трудится более двадцати тысяч рабочих. На миллион рублей продукции выпускает город за один только сутки! Из цехов ленинабадских заводов и фабрик нескончаемым потоком идут станки и машины, запасные части и детали, железобетонные конструкции, шелк, обувь, мебель, швейные изделия, консервы.

Нынче в Ленинабаде, который в тридцать первом году мог похвастаться разве что ростом производства арб, построен завод, выпускающий микроавтобус «Таджикистан». Автобус этот курсирует и на дорогах братских республик, и за рубежом.

Невозможно вместе с автором не любоваться красотой и трудолюбием народа, преобразившего родную землю. «Мой город, — пишет Р. Джалил, — одна из прекрасных роз в цветнике-гулистоне, который зовется гордо и славно: Союз Советских Социалистических Республик!»

Но впечатление от книги Рахима Джалила, думается мне, было бы куда более полным и ярким, если бы, рассказывая о рабочих Ленинабада, писатель более конкретно и зримо показал прочные, долголетние связи трудовых коллективов города с передовыми предприятиями других советских республик. А ведь связи эти давние — они стали доброй традицией. Долг же писателя — отразить это прекрасное явление, присущее нашему социалистическому строю, отразить красочно, используя всю богатую палитру художественных средств и образов.

Максим ГЕТТУЕВ

НАЛЬЧИК

Рахим Джалил. «Дом родной». Издательство «Советский писатель». М. 1973.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

М. И. КОМИССАРОВОЙ — 70 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по художественному переводу и Советы по украинской и белорусской литературам направили Марии Ивановне Комиссаровой приветствие:

«Горячо поздравляем Вас, известную поэтессу и переводчика, с юбилейной датой.

Ваш первый поэтический сборник «Первопутон» вышел в 1928 году. С тех пор Вы прошли большой творческий путь, создав целый ряд талантливых книг стихов и поэм. Тепло встречены читателями и литературной общественностью Ваши книги «Переправа», «Встреча», «Самое дорогое», «Стихи о Ленинграде», «Дорога к друзьям», «Ожидание встречи». Особенно большой успех выпал на долю Вашей поэмы «Лиза Чайкина», в которой с большой теплотой и сердечностью раскрыт образ бесстрашной героини Великой Отечественной войны. Ваши стихи и поэмы служат благородному делу коммунистического воспитания подрастающих поколений.

Видное место в Вашей творческой работе занимают переводы произведений классиков и современных писателей Украины, Белоруссии, Литвы, Эстонии. В Ваших прекрасных переводах русские читатели познакомились, в частности, с произведениями Т. Шевченко, И. Франко, Л. Украинки, П. Тычины, М. Рыльского, М. Важана, Я. Купалы, Я. Колеса, П. Бровки, М. Танка, литовских поэтов XX века, эстонской народной поэзии.

Мы знаем Вас и как активного общественного деятеля. Вы неоднократно избирались депутатом Дзержинского райсовета Ленинграда, активно работаете в общественных органах Ленинградской писательской организации, в Советах по украинской и белорусской литературам Союза писателей СССР, в комиссиях Союза писателей РСФСР; более десяти лет Вы возглавляете общественный Совет при Мемориальной мастерской Т. Г. Шевченко в Академии художеств СССР в Ленинграде.

Ваша плодотворная работа по пропаганде литератур народов СССР отмечена грамотами Президиумов Верховного Совета РСФСР, УССР и БССР.

От всей души желаем Вам крепкого здоровья, счастья, новых успехов в Вашем творчестве и многогранной общественной деятельности».

■

В послевоенные годы окрепла творческая дружба белорусских и ленинградских поэтов. С неповторимо прекрасными голосами А. Прокофьева, В. Саянова, О. Берггольц пришел и еще один — необыкновенно чистый, своеобычный, который, как оказалось, весьма непосредственно принимает звучание я моей родной речи.

Так, с первыми взаимными переводами нашим добрым товарищем стала Мария Комиссарова. Ее стихи несут изумление новизны и незнакомости — как бы впервые встречаешь морозное утро, ловишь блеск самолетного крыла, вглядываешься в усталое лицо путника.

Светло видится поэтессе все бесчисленные красоты и щедроты Родины. Первое место среди них принадлежит человеку, являющемуся «хозяином здешних сел и деревень».

Это хозяйское, мужественное чувство любви к Родине отличает Лизу Чайкину, героиню одноименной поэмы,— главного, на мой взгляд, свершения Марии Комиссаровой.

Твердой и уверенной рукой поэтесса обновила в прекрасный русский стих произведения Я. Купалы и Я. Колеса, П. Бровки и М. Танка, многих других наших поэтов. Их строчки зазвучали по-русски, ничего не утратив в национальном своеобразии.

За все труды и заботы мы от души говорим спасибо светлому таланту Марии Комиссаровой, повторяя ее наказ себе и друзьям:

Служи народу своему,
любовь и труд отдай ему.

Максим ЛУЖАНИН

Б. А. ГАЛИНУ — 70 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР направил Борису Абрамовичу Галину приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Вы прошли большой и яркий творческий путь. Вам посчастливилось вместе с А. М. Горьким, под его непосредственным руководством работать над «Историей фабрик и заводов», активно выступать в горьковском журнале «Наши достижения», школа Горького, школа мастерства и поиска, прочно определила Ваш путь в литературе. Ваши произведения вдохновенно раскрывают поэзию социалистического труда, внутренний мир человека-созидателя. Государственной премии СССР удостоены Ваши книги «В Донбассе» и «В одном населенном пункте».

Значительным вкладом в советскую Лениниану явились Ваши замечательные сборники очерков «Сим победишь» и «Строитель нового мира». С их страниц встает образ бессмертного вождя пролетарской революции. Тесная связь Владимира Ильича Ленина с массами и сплоченность народа вокруг вождя нашли в них яркое воплощение.

Читателям памятны Ваши очерки о мужестве и героизме советских воинов, появлявшиеся на страницах «Правды», других газет на протяжении всех лет Великой Отечественной войны.

Писатели Москвы ценят Вас как неутомимого общественника, долгие годы отдававшего свою энергию и организаторский талант работе в писательской организации столицы. Много сделали Вы и как член редколлегии «Литературной газеты».

Ваша долголетняя писательская и журналистская деятельность отмечена высокими правительственными наградами — орденами Красной Звезды и Трудового Красного Знамени, а также медалями.

Примите наши искренние пожелания Вам крепкого здоровья, долгих лет жизни и плодотворной творческой деятельности».

■

Осенью 1930 года в «Правде» был напечатан очерк Бориса Галина «Атаман-Восток». Я до сих пор помню его. И это но качество моей памяти, а заслуга очерка. Речь в нем шла о донецких шахтерах, об их труде и жизни, и написан он был тем, что каждая фраза звенела струной, находила отзвук в сердце.

Много лет Борис Галин работал в «Правде», и с каждым годом его литературное имя становилось все более и более весомым. Он редко «пробовал» себя в других газетных жанрах: любимой формой его общения с читателем оставался очерк. Книжки очерков, выходя, становились вехами творческого пути писателя — «Переход», «Испытание», «В Донбассе», «Действующая армия», «В одном населенном пункте», «Годы новой жизни», «Строитель нового мира», «В грозу и бурю», «Азарт юности»...

После «Правды» судьба снова свела меня с Борисом Галиным на Южном фронте, куда он приехал в самом начале войны. Он отлично овладел военной тематикой, писал много и хорошо, часто выезжал за материалом на передний край.

К своим новой книге «Азарт юности», рассказывающей о Ленине и его соратниках, Борис Галин сделал краткое «введение». Он написал: «Должно быть, оттого, что я долгие годы работал в газете, я испытываю особое чувство волнения и признательности и газетному листу — и этому крупному, высветленному временем дневнику Революции, в который день за днем записывалась сама действительность...»

Очерки и книги Бориса Галина являются живым свидетельством эпохи. И поэтому люди уважительно перечитывают их, испытывая естественное волнение, ибо автор при всей своей строгости и фактической точности обладает несравненным даром нести и читательскому сердцу воздух истории, вкус времени, о котором ведет он свою обстоятельную речь.

Ник. КРУЖКОВ

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

РЕПЛИКА

«НА КОЕМ ФРАК»

Вадим Михайлович Прохоров, наш читатель из подмосковной Кубинки, в своем письме в редакцию выписал вот эту строфу из стихотворения, появившегося в одном литературном журнале:

Напрячься силюсь,
крепнет чувство, —
На нас мацелен мимомет.
Спиною точку карты чую,
Где вскоре мина упадет.

«Конечно, — резонно замечает В. М. Прохоров, — «напрячься силюсь» — это еще не «напрягаюсь». И вот как это доказывает:

Я напрягаюсь
Крепнет чувство —
На нас мацелен мимомет,
Спиною точку карты чую,
Где вскоре мина упадет.

Что-нибудь изменилось? Будем считать, что да. В конце концов действие, выраженное глаголом «напрягаюсь», и вправду стало более сосредоточенным.

Но зачем и кому нужна такая правка, спросите вы. Не знаю. И Вадим Михайлович не знает. Потому и написал нам. Не подумайте, что это он выправил текст. Нет, он оба раза всего только добросовестно цитирует. Причем во второй раз — из другого литературного журнала.

«Ага, — удовлетворенно скажут самые нетерпеливые из вас, — все понятно. Кто-то взял чужие стихи, незначительно их отредактировал и втиснул в другом месте, выдав за свои. Ведь так?»

Нет, не так. Этот «кто-то» просто физически не смог бы такого сделать. Не успел бы. Потому что и в другом месте стихотворение появилось в одно время. Оно напечатано в майских номерах «Звезды» и «Москвы» за этот год.

И не оно одно. «Баллада в медсестре» — тоже. И тоже с вариантами.

В «Москве» она начинается так:

Она ушла в слепую ночь
И затерялась в пемле боя...
Одним она была, как дочь,
Другим — подругой
и сестрою.

А вот там в «Звезде»:

Под наской утренне светла,
В глазах несущая
для блеска.
Одним она как дочь была,
Другим — сестрой
из Сестрорецка.

Как видите, это уже не простая замена глаголов. Тьма («слепая ночь» — в «Москве») уступила место свету («утренне светла»). А «два блеска», которые несет в глазах героиня, этого света еще прибавили. Они здесь, как два фонаря, которые, сами понимаете, не дадут сестре бесследно «затеряться», как это вышло в «Москве».

К тому же — обратите внимание — в «московском» варианте нет никакого Сестрорецка. А в «Звезде» есть. Почему? Уж, конечно, не для рифмы. Какая же это рифма — «блесна — Сестрорецка»? Нет, скорее это подобающая случаю географическая подробность, которой обросло стихотворение по пути в ленинградскую редакцию. Ведь Сестрорецк-то находится под Ленинградом.

Так, может, перед нами вообще два разных стихотворения, по случайности озаглавленных одинаково? Нет. Четыре следующих за первым четверостишия совпадают в обоих журналах буква в букву. Да и какой был бы резон автору, Михаилу Касатинину, давать разным стихам одно и то же название?

А с другой стороны, по правде сказать, не совсем понимаешь, какой резон был Михаилу Касатинину печатать эти стихи не то что в двух сразу, но хотя бы в одном журнале? Ведь он пока что даже для себя не решил, как быть с медсестрой — героиней баллады. И потому, если кто-то из вас с тяжелым чувством прочтет в «Москве»:

В песчаный мерзлый
неуют,
В шинельке штопаной
отволглой
Ее зарыли, дав салют
Согласно воинскому долгу,

— заклинаю: не расстраивайтесь! Возьмите «Звезду». Там прощального салюта не будет. В нем нет необходимости:

Все наши горести без слов
Взвалила на худенькие
плечи,
На место затяжных боев
Сестра вернулась
в тот же вечер.

Конечно, не нам с вами, а именно автору решать судьбу своего героя. И пробовать разные варианты. И публиковать каной вздумается. Но оба сразу! Лично я припоминаю только один случай такого рода. С Козьмой Прутковым. Это он колебался, в каком виде представить своего героя. Да так и не решил. Он написал:

Когда я толпе ты
встретишь человека,
Который наг..

И вынес в сноску вариант: «На коем фраке».

Геннадий КРАСУХИН

Художник и книга

Иллюстрации художника М. Дзбоева к сборнику пьес Давида Темирчева «Мистер». Издательство «Ир». Гор. Орджоникидзе

СРЕДИ КНИГ И ЖУРНАЛОВ

КАЗАЛОСЬ БЫ, ОБЫДЕННАЯ ЖИЗНЬ...

ГЕРОИ В ОБЫКНОВЕННЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ● ПУТИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ● ТВОРЧЕСКИЙ ПОИСК МОЛОДЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Какие задачи приходится решать молодым прозаикам, когда они пишут о так называемых «буднях»?

С одной стороны, нужно суметь сделать обыденное объектом изображения и анализа. С другой — в нем нужно открыть общезначимые явления, перевести на язык образов и возвести обыденное (воспользуюсь выражением С. Залыгина) в ранг жизни, в ранг высокого искусства.

Но сегодня расширилось и само представление о быте, о будничности, потому что шире, разнообразнее стало проявление личности. В самых обыденных ситуациях сплошь да рядом открываются общественно значимые стороны человеческих характеров, и это дает основания для выводов социального звучания.

Множественность путей к освоению «обыкновенной жизни» — от приземленного фотографизма до «обстоятельного реализма» и фантастического остранения — знает история литературы. Какой же из них вернее ведет к открытию и пониманию невидимых сторон бытия?

Разумеется, универсальных рецептов здесь нет. Тем более интересно сравнить некоторые из новинок литературы.

Для писателя огромное значение имеет личный опыт. Отсюда и тянутся зачастую ниточки в повседневность, превращенную в предмет осознанного авторского внимания. Первая повесть Н. Подсвирова называлась «Родные люди» (сборник «Танец на белом камне», издательство «Современник», 1972). Казалось бы, автор пошел в ней по довольно проторенному пути: он рассказывает о том, как проводил отпуск на родном хуторе Марушанка, о встречах с односельчанами, к делам и заботам которых присматривается с новым для себя настроением и пристальностью. Как раз новизна переживаний, эффект искреннего, безыскусственного общения с близкими и словно заново узнанными людьми — вот что позволяет Н. Подсвирову «вытянуть» вроде бы уже освоенную в литературе тему... Главное здесь, пожалуй, в точно подмеченных контрастах добра и зла, ведущих невидимый каждодневный спор. Автор с грустным удивлением наблюдает, как скрутила сильного, дельного мужика Якова бойкая женка, как легко, безбоязненно и даже жестоко кроит она канву своей и мужниной судьбы. Та же тема трудной, терпеливой любви находит живое, оптимистическое решение в новелле «Над обрывом» — о человеке, утратившем было волю к жизни после ухода жены. Ушла, потому что стал он на войне инвалидом. О скромной, одинокой женщине Васене Ильиничне, сумевшей возродить судьбу Леонтия и судьбу собственную. Таковы скрытые, но поучительные контрасты марушанского быта.

Заглавная повесть книги «Танец на белом камне» написана Н. Подсвировым от лица героя-газетчика. Перед нами еще одна сторона, казалось бы, обыденной жизни. И как будто не столь уж и замысловата история неудачной комсомольской свадьбы, затеянной не без корысти председателем колхоза; не лишен некоторой излишней сентиментальности рассказ о любви Аслана и Лейлы, чья судьба заставляет журналиста Трошина горячо сопереживать героям. И тем не менее мы с подлинным участием прислушиваемся к голосу автора: он и его герой-рассказчик по-настоящему взволнованы тем, что рядовая журналистская командировка обернулась острой этической проблемой. Решение ее сулит нравственное испытание и самому герою. Ему предстоит отказаться от броского, выигрышного для него репортажа и сделать тем самым практический выбор между добром и злом, выбор, который обернется для него жизненным уроком.

В двух первых повестях Н. Подсвиров активно опирался на собственный опыт. В повести же «Шаги к перевалу» (Приокское книжное издательство, 1973) он попытался развернуть тематические рамки поисков, взялся за разработку военного сюжета. Такая ретроспектива — существенный факт для творческой биографии молодого прозаика. И очень жаль, что гладкий профессионализм возобладал здесь над всеми другими качествами произведения — не сказалось ли отсутствие живительной опоры на личный опыт?

Казалось бы, и конфликт в повести нащупан: двое в группе разведчиков, получившей опасное задание, связаны горькой, почти смертельной обидой. Но в бою по-новому видятся прошлые счеты, ненависть к врагу и гибель товарищей помогают восторжествовать лучшему в каждом из героев. Есть над чем поразмыслить. И в правдоподобии ситуации нельзя отказать рассказчику. Только вот рациональная запланированность моральных выводов делает их слишком легко предсказуемыми, а образы героев теряют из-за этого гибкость, пластичность. Ведь душевный путь Семена и Прохора к примирению выглядит чересчур простым и прямым. Стоило Прохору в первом же разговоре признаться Семену, что у него с Аннушкой, бывшей женой Семена, была настоящая любовь, а не «баловство», — и гордиев узел обиды разрублен. Конечно, существуют еще и страницы о походе разведчиков, о перестрелках и другие детали сюжета. Только вот конфликтная ситуация утратила весомость многогранного образного обобщения. А с ней вместе ушла из произведения сила художественного воздействия. Случай обыденной жизни так и остался им.

На примере Н. Подсвирова отчетливо видно, как непросто дается молодому писателю осмысление граней реальности. Не менее сложной остается задача воплотить собственный, подчас автобиографический опыт в общезначимый образ. С такой задачей столкнулся, например, В. Мусалитин, автор повести «В ясном небе» («Урал», № 2, 1974).

С чувством доброй веры в будущее шестиклассника Сергея Мальцева переворачивает читатель последнюю страницу повести: быть парнишке летчиком! Главная тема повести — определяющий момент в становлении характера тринадцатилетнего человека. Тема нелегкая. Да и герои, подобные Сергею Мальцеву, уже не раз и не два появлялись в литературе. И не раз и не два с волнением следили мы за тем, как добывали они путевку в жизнь. События повести относятся к 1952 году, еще наполненному отзвуками минувшей войны. Нетрудно угадать: и здесь писатель активно обращается к личным впечатлениям послевоенного детства.

Что касается симпатий автора, то они обозначены с отчетливой прямотой, и образы эти художественно убедительны. Пусть его герой по-детски наивен в своих порывах — веришь его стихийному пониманию добра, жажде соучастия во всяком важном деле. Как и погибший отец-солдат, Сергей «всюду первым норовит», и потому у него постоянные столкновения со школьными чинушами Дроновым и Алгеброй. Они на другом конце оценочной шкалы — жестокий, хитрый хапуга Дронов и частенько подпевающая ему Алгебра.

Однако здесь авторская аргументация не всегда убедительна. Говоря о Дронове, Алгебре, автор зачастую смазывает мотивы поступков, спешит с оценками, мешающими выстроить подвижные человеческие характеры, показать их изнутри. Это в свою очередь заставляет прибегать к «искусственным» средствам при обосновании авторского отношения к отрицательным персонажам. Так, чтобы усугубить негативность фигуры Дронова, В. Мусалитин отсылает нас к разным слухам. Чтобы заострить нелестное впечатление от Алгебры, он спешно «подшивает» к делу факт, свидетельствующий о ее бездушии: отговорила ребят навестить больного учителя. Криминал налицо. И не исключено, что перед глазами писателя в этот момент находился реальный прототип. Но в повести факт криминала, столь пристрастно запротоколированный уже на первой странице, приводит к тому, что образ Алгебры становится подобен актерской маске, взятой с полки «для злодеев». И это обедняет его.

Практика доказывает: художественное освоение различных сторон реальности и автобиографического опыта не имеет ничего общего с фотографичным бытописанием. Нередко видишь: молодой писатель стремится освободиться от застывших схем и штампов и ему кажется, будто путь к достоверности лежит через доскональное воспроизведение материала, того, «что есть», а в результате может появиться некий антиштамп. Противоположности, как известно, сходятся.

Повесть А. Иванова «Днем меньше» («Аврора», № 4, 1974) внешне посвящена производственной теме. При этом автор всячески подчеркивает свое знание заводской обстановки, изображая ее по принципу: чем больше похоже, тем лучше. Но поскольку одной похожестью жив не будешь, прозаик отправляется на поиски драматической ситуации. Происходит столкновение между начальником термички, «веселым толстяком» Кожемякиным и его замом, молодым специалистом Лидией Петровной. По ее вине «запороли» партию деталей. Кожемякин предлагает начальнику цеха Полозову способ наверстать упущенное и тем самым спасти план, а заодно и собственную прогрессивку. Лидия же Петровна, не допускающая и мысли о самовольном отступлении от формальных правил, критикует коллег на совещании у директора... Вот суть «производственного» конфликта, утопленного в натурных сценах и деталях. Кстати, именно такой «реализм» повести вызвал возражения у читателей. К слову сказать, доцент Б. Фридман в письме в редакцию приводит к тому же перечень несуразностей, допущенных автором при нарочито тщательном описании производственных подробностей. Они носят довольно специальный характер, и нет нужды здесь о них говорить. Но, по-моему, дело тут не только в эстетической малоценности деталей. Перед нами не что иное, как еще одно проявление обыденной жизни, так и не ставшее художественным ее воплощением. И никакая важная тема не спасет произведение от будничной заземленности.

...Прочитаны произведения трех молодых прозаиков. При желании их число нетрудно умножить — библиография литературных дебютов текущего года весьма обширна. Но ценность публикации будет каждый раз определяться множеством факторов. И в первую очередь тем, насколько чутко ощущает молодой писатель свое место в литературном процессе, насколько смело и самостоятельно ищет и находит в «обыкновенной жизни» и «простом человеке» ключевые идейно-эстетические проблемы современности. Насколько... Впрочем, повторим, универсальных рецептов тут нет. Потому-то приходится вновь и вновь возвращаться к произведениям молодых прозаиков, чтобы понять смысл и суть их творческих поисков.

А. ПАНКОВ

Иллюстрации художника Н. Архипова к роману Николая Задорнова «Капитан Невельской». Воениздат.

ДОСТОИНСТВО ПАМЯТИ

«Память» — такое название дала Екатерина Шевелева двум своим стихотворениям. Только в одном случае стоит дата «1936—1939», а в другом — «1970». Тридцать лет разделяют два обращения поэта к дорогому прошлому, накрепко вошедшему в душу, оставшемуся в ней навсегда. И как разнятся эти воспоминания, как несхожи угадывающиеся за ними жизненные слои!

Сперва осторожное, бережное прикосновение к уходящей, но еще не совсем исчезнувшей сердечной тревоге — милые заботы юности! А затем, тридцать лет спустя, — переживание, пересмотр, проверка пройденного и сделанного на дорогах жизни: волнения, итоги, надежды зрелой поры, когда уже открываются истины, прежде неизвестные, когда можно, к примеру, сказать:

Мы помним все.
И потому стары.
Мы умираем в каждой
нашей строчке,
Прощаясь с каждым
стебельком травы,

— понимая, что такое «постарение» и «умирание», снова и снова повторяющееся, рождаемое способностью пропускать движение жизни через сердце, ум, слово, — наилучшее свидетельство душевной молодости.

Между этими двумя знаками времени — стихотворения, отразившие впечатления ряда лет, и каких лет! Комсомолка тридцатых годов, подобно своим ровесникам воспевавшая «скрещенье ветров, столкновение странствий», вскоре, в декабре сорок первого года, увидела пепелища деревень, только что освобожденных от врага, израненных детей, ребят, оставшихся сиротами... А потом, в послевоенном мире,— знакомство с дальними странами, поездки за рубеж, заморские, а то и заокеанские наблюдения.

Опыт не одной только Екатерины Шевелевой, но и ряда других поэтов показал: стихи, рассказывающие о дорожных встречах, становятся приметными и ценными явлениями литературы, когда они не бывают рифмованной информацией, не сводятся к воспроизведению более или менее известных подробностей чужеземного быта. Да, путевые стихи — это трудный жанр, и возможности его подчас не сразу становятся доступными новому землепроходцу-поэту. Так было и с Шевелевой. В Вестминстерском аббатстве она подходила к «месту, где лежит под камнем Ньютон, где лежит под камнем Фарадей»; в дальнем райкоме отмечала: «...Как всегда, народу очень много. Как обычно, возгласы звенят...» — и такого рода строки не назовешь прочными, долговременными. Лишь постепенно в зарисовках, сделанных то в Швейцарии, то в Индонезии, то в Японии, дает себя знать личность поэта — те индивидуальные убеждения и склонности, которые позволяют лучше, глубже постичь и воплотить правду времени. «...Чужое счастье или горе я принимаю за свое», — так определила Шевелева в стихотворении «Границы Москвы» эту необходимейшую способность. Пожалуй, с наибольшей очевидностью она дает себя знать в стихах об Индии.

В самом деле, нередко бывает так, что именно это напряженное и деятельное общение с дальними и ближними, с соотечественниками и зарубежными друзьями помогает поэту с большей уверенностью и естественностью вести речь о том, из чего складывается его собственная жизнь, находить точные определения для раскрытия тех побуждений, которые владеют им самим. Так случилось и с Шевелевой. Ко второй половине шестидесятых годов ее стих как бы набирает силу, становится более раскованным, его эмоциональный спектр обогащается новыми, свежими красками.

Словно каясь и радуясь в одно и то же время, она перебирает в строке те житейские хлопоты («...за спичками стояла и за мылом, дрова пилила, убирала хлам...») — хлопоты трудных и грозных лет («...картошку рыла. И окопы рыла»), что вставали на ее пути и преодолевались ею. «И вот учусь забытые слова произносить неловкими губами».

Каковы же они, слова, которые необходимо произнести, чтобы читатели их услышали и затвердили? Вот оставшаяся от начальных недель Отечественной войны строка Константина Симонова: «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...». Тридцать лет и три года прошло с той поры, «а строчка осталась. А строчка живет». И эта устойчивость слова, его способность превозмочь течение лет в свою очередь становится темой, «сюжетом» нового стихотворения...

Но как ни хороши находки, сделанные другими, а каждый поэт призван совершать самостоятельные открытия. И Шевелева то прислушивается к стону горлиц, раздающемуся в Скобелевском парке «на горной высоте за Плевеном», то старается разобраться, что видится ей «...в последний миг заката? Оранжевый орлиный глаз? Иль в пекло раскаленный лаз?» — то задумывается: откуда «...такая зимней тишины крылатость, всевластие — как будто вся земная горесть, как будто вся земная радость — лишь часть ее»?

Или разлив реки, внезапно ставшей бурной и непокорной... Опасно, что и говорить. Но поэт различает здесь и иное: ведь большая вода «славословит весну большую, хочет небом стать голубым, хочет музыкой стать победной». И этот порыв, эта мечта — хороши.

И еще — подчеркнуто техническая, скрупулезно воспроизведенная терминология (сказано на Тульском машиностроительном заводе): «кривошипно-ковочный пресс — однатысячетонный вес...» А в заключительной строфе — быстрый переход к осмыслению происшедшего, к открытому сердечному излиянию радости, порожденной очередным успехом нашей индустрии: «...Я прошла сквозь кромешный дым, чтобы встретить эту зарю».

Право же, стоит по достоинству оценить эту внутреннюю свободу и цельность. Она-то и позволяет поэту так запросто толковать с пичугой, которая подбадривает ее веселым обещанием весны — «Увидите!»; либо говорить своему излюбленному герою — «Я вас придумала, — не вычитав из книг собрата журналиста иль поэта. Сама придумала»; либо усовещивать разбушевавшуюся грозу, застигшую ее в лесу: «Помилуйте, зачем сердиться так?!». Быть накоротке со стихийными явлениями — уменьем этим чаще, видимо, обладают поэты, знающие счастье содружества, обоюдной нужности, избавленные от тяжести одиночества и разобщенности. Оттого-то и произносит Шевелева с такой продуманной уверенностью слова, освещающие самое основу ее существования в жизни и в стихе:

Все, что есть в душе
моей лучистого,
Все мои стремления,
старания —
Отраженье яркого
и чистого
Торжества
взаимопонимания.

Конечно же, отсюда и строгость к себе: «...Была я на земле огнем неброским, от коего не исчезает мгла», и «...негаснущая радость нашей общности...», и уже совсем недавно высказанное удивление много изведавшего человека: «...Как странно кончается жизнь: как будто бы все впереди!». Осознание, ощущение высоких обязанностей, принятых на себя по велению сердца, и побудило Шевелеву завершить стихотворение «Осень» спокойными, с силой произнесенными словами:

Еще окупятся сторицей
Слова, которым я верна,
Полей заполнятся
страницы,
Пшеницей станут семена.

Что это — надежда, обещание, программа действий? Скорее всего — и то, и другое, и третье. Подобного рода движения души обычно бывают нераздельны.

И. ГРИНБЕРГ

Екатерина Шевелева. «Избранное». Издательство «Художественная литература», М. 1974.

ЗАМЕТКИ КРОХОБОРА

«НАВЕТЫ МОДЫ»

«Дельфин медленно поплыл. Ученые Института океанологии сказали, что за животного можно не беспокоиться».

«За животного» не беспокоюсь. Беспокоюсь за «русского языка».

***

Заголовок в газете: «Солнце сквозь буран». Любопытно. Ведь лето, какой же тут буран? Читаю: «На город обрушилась пыльная буря, которую принес на Алтай циклон...» Ах, вот оно что! Никаких аномалий в природе. Просто журналист не знает, что буран — это снежная буря. А вот Пушкин знал: «В одно мгновение темное небо смешалось со снежным морем. Все исчезло. «Ну, барин, — закричал ямщик, — беда: буран!»

***

Кстати, о Пушкине. Вот и еще один юбилей прошел. Каждый раз в пушкинскую годовщину наивно надеюсь: ну, хоть в материалах, посвященных великому поэту, ошибок не будет. Увы!

«Поэтам, которые стояли у колыбели советской литературы, именно Пушкин помогал освобождаться от наветов моды и увлечения «школами».

Наветы моды. Автор, видимо, полагает, что наветы — это что-то вроде веяний, влияний (навеять — навет). Но навет — это клевета, наговор.

***

«Но если говорить о дверях, то они у нас всегда чистые, исправленные, открываются без усилий» (газета «Советская торговля», 1.VI.74). Может, все-таки исправные, а не исправленные?

***

«Это обычный шум студийного коридора, наполненный живыми выплесками эмоций, гнева, радости, деловой сухости» («Советский экран», № 8, 1974).

Выплески деловой сухости! «И снова ахнула общественность» (И. Ильф и Е. Петров).

***

«Ныне все прогнозы вокруг двух матчей: Нидерланды—Бразилия и ФРГ — Польша. Только кто-то из этих команд может стать чемпионом. Причем о первом матче пересудов больше».

Во-первых, не очень-то по-русски «кто-то из команд». Во-вторых, пересуды — это недоброжелательные разговоры, сплетни. Недаром С. Ожегов дает пример: «Начались бабьи пересуды».

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

А. П. ЛУПАН — 50 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по молдавской литературе направили Анне Павловне Лупан приветствие:

«Примите наши сердечные поздравления в день Вашего пятидесятилетия. В Вашем лице мы приветствуем талантливую представительницу молдавской советской прозы, ставшей неотъемлемой частью нашей многонациональной литературы.

В Ваших романах «Третьи петухи» и «Где твои пахари, земля?», повести «Ветер в лицо», рассказах и очерках нашли яркое отражение жизнь современного молдавского села, героическая борьба народа за становление нового, советского уклада жизни в молодой союзной республике. Ваши пьесы «Колесо времени» и «Не унывай» с успехом ставились на сценах молдавских театров. Большой популярностью пользуются и Ваши произведения для детей.

Желаем Вам новых творческих успехов, долгих лет счастливой и плодотворной жизни».

■

Среди немногих молдавских писателей, миновавших стадию литературного «детства», можно назвать писательницу Анну Лупан. С самого начала, с первых повестей «Наша семья» и «Мысли на обочине дороги», она выдвинулась в ряд прозаиков, которым уже никто не говорил, что они начинающие.

Чем же покорили нас первые книги Анны Лупан?

Это, во-первых, естественность изображаемого. В подобных случаях мы обычно говорим: писатель хорошо знает жизнь. Но знать жизнь — это не всегда значит разбираться в ней. В большинстве случаев богатый опыт тяжело давит на плечи молодого писателя, он попросту тонет в жизненном материале. Анна Лупан изображает жизнь с присущей ей непосредственностью, художественно и эмоционально. Незаурядный талант писательницы оберегает ее от от всего фальшивого и надуманного.

За двадцать лет плодотворной работы Анна Лупан написала множество новелл и повестей, три романа, пьесу, которую я выдвинул бы в ряды лучших произведений молдавской драматургии.

Тематика прозы Анны Лупан разнообразна. В ее книгах читатель встречается с людьми разных профессий. Почетное место в прозе писательницы занимают трудолюбие и глубокая человечность героев. Как бы ни писал о них автор — с грустью или юмором, — он к каждому герою всегда подходит со знанием дела, с пониманием и любовью.

Творчество Анны Лупан изучается в школах, в высших учебных заведениях. Но самое главное — то, что ее книги не залеживаются на полках библиотек и магазинов, их читают люди всех возрастов с чувством глубокого сопричастия и ее труду, и ее таланту.

Доброго пути хочется пожелать писательнице!

Ион К. ЧОБАНУ

И. З. ВЕРГАСОВУ — 60 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР направил Илье Захаровичу Вергасову приветствие, в котором говорится:

«Шлем Вам сердечные поздравления как активному участнику Великой Отечественной войны, коммунисту, партизану и бойцу Советской Армии.

Ваши очерки, рассказы и романы имеют широкую читательскую аудиторию. Мы знаем Вас и как большого общественника, активного работника Крымской, а затем и московской писательских организаций.

Желаем Вам доброго здоровья и новых творческих свершений».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

■

60-летие Илья Вергасов встречает по-писательски: завершает работу над новым романом. Партизан, ветеран войны и в этой книге остался верен тому времени. Это сильное по духу, правдивое по материалу и талантливое по письму произведение.

60 лет, что это — старость или пора расцвета личности? Андре Моруа писал, что старость — это только плохая привычка, для которой у занятых людей просто нет времени.

Моруа прав: для писателей старости не существует, потому что с годами накапливается опыт, которым невозможно не поделиться с людьми. Я уважаю Илью Вергасова за то, что опыт жизни он накапливал в опасных и ответственных условиях — не стал от этого ни черствым, ни скрытным. Он рано начал трудовую жизнь и в начале ее не готовился стать писателем. Однако одаренный острой наблюдательностью, болезненно воспринимающий всякое нарушение нравственных устоев, он не мог таить все, чем переполнилось отзывчивое сердце. Острое желание поделиться пережитым и усадило его за письменный стол.

Книга «В горах Таврии» получилась искренней, но автора она не удовлетворяла, о героях надо было писать полнокровно. Несколько лет поисков, чтения архивных материалов, переписки с соратниками, напряженного труда за письменным столом — и в 1969 году были изданы и сразу приняты широким кругом читателей «Крымские тетради». Перед читателем проходит картина маневренной, острой, полной опасности партизанской войны — смелые налеты, дерзкие боевые операции, а главное — люди, которых разные обстоятельства свели в крымских лесах. Нелегкую задачу ставил перед собой писатель и справился с ней.

Илья Вергасов находится в поре профессиональной зрелости. Остается пожелать ему новых, еще более высоких успехов и удачного осуществления обширных творческих замыслов!

Петр САЖИН

М. Н. ПЕВЗНЕРУ — 60 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР направил Михаилу Наумовичу Певзнеру приветствие:

«Более сорока лет жизни Вы отдали журналистской и литературной работе. Яркие страницы Вашей биографии связаны с деятельностью военного корреспондента в период разгрома японских самураев на Халхин-Голе и работой фронтового газетчика в годы Великой Отечественной войны.

Являясь заместителем ответственного редактора «Информационного бюллетеня» секретариата правления Союза писателей СССР с момента его организации, Вы многое сделали для популяризации этого издания, привлечения к нему авторского актива из братских республик, областей и краев страны.

Большую производственную, партийную и общественную работу Вы сочетаете с плодотворной литературной деятельностью. Читатель знает Вас как автора книг о боях на Халхин-Голе «Два знамени», «Партизанскими дорогами», многих очерков, публицистических статей в периодической печати.

Желаем Вам, дорогой друг, долгих лет жизни, счастья, творческих успехов».

***

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

Академик Д. ЛИХАЧЕВ

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ИЛИ ИССЛЕДОВАНИЕ?

Полемические заметки о современных литературоведческих проблемах

КОЛИЧЕСТВО выпускаемой во всем мире научной литературы по всем отраслям знаний неудержимо растет. Ученому становится все труднее, и не только в разрешении чисто научных задач, но и в элементарном ознакомлении с тем, что появляется в свет по его специальности. Не помогают и научно-справочные издания. Полностью доверяться другому, будь то опытнейший библиограф или остроумнейший составитель рефератов, в науке никогда нельзя. Ученый должен быть «недоверчив». Он должен сам остро чувствовать новизну и перспективность предложенной другими идеи. В любом реферате это может быть не уловлено.

Чем обильнее научная литература, тем труднее разобраться и в том, кем сделано то или иное открытие, и в чем его значение. От этого растет количество плагиатов — вольных и невольных, открытых и завуалированных. Растет и искажение истории науки — преувеличение своих заслуг и приуменьшение чужих. Хотя как благородно воздать должное своему предшественнику! И как это важно для правильной перспективы в самой науке! Ведь в науке важна и личность ученого.

Особенно обильна литература по литературоведению. И здесь дело обстоит крайне сложно. Ориентироваться в литературоведческих изданиях исключительно трудно потому еще, что в них нет четких границ между научно-популярной литературой и научной. По большей части исследовательский момент лишь вкраплен в изложение давно установленных и часто элементарно известных фактов.

Подержите в руках любую пухлую монографию о писателе. Объявить ее простой популяризацией никак нельзя. И в этом отношении я готов защитить этот жанр литературоведческих работ. Внимательное чтение любой, даже самой популярной книги о писателе, если она только написана специалистом, всегда откроет в ней какие-то новые и интересные мысли. Я сам, не будучи специалистом по новой литературе, с интересом читаю книги о писателях XIX и XX веков. Но, читая, я не могу удержаться от мысли: как же трудно здесь специалистам, как трудно им извлечь то новое, что пишет литературовед в своей монографии! А если взять так называемые «истории литератур»? Смешение общеизвестного с исследовательским здесь еще сложнее. Новое в историях литератур по большей части не в новых фактах, которые в них приводятся, а в новых концепциях, точках зрения. Отделить же новую трактовку «старых» фактов от их трактовки прежней особенно трудно.

Специалист вынужден «продираться» к новому, проводить своего рода исследовательскую работу, чтобы определить это новое.

Книги по литературоведению часто не имеют конкретного адресата. В аннотациях к литературоведческим работам почти всегда пишется одно и то же: «Книга рассчитана на специалистов и на широкого читателя». А где же специальная литература? Ведь ни одна специальность не развивается только путем популяризации имеющихся достижений, только путем «общих курсов» и учебников. Между тем специальные исследования проходят в издательствах с большим трудом. Даже в литературоведческих институтах Академии наук СССР и академий наук союзных республик при утверждении планов исследовательских работ требуются широкие темы, крупные имена изучаемых авторов.

Конечно, большие темы и крупные имена нужны. Ну, а как быть, если без изучения второстепенных и третьестепенных авторов нельзя понять значения крупных, первостепенных? Если без изучения какого-либо специального вопроса нельзя правильно построить историко-литературную перспективу в широком плане? У нас часто смешивают широту темы с ее актуальностью и тему работы с ее выполнением. Можно на самую крупную и актуальную тему написать самую мелкую и плоскую работу. Но можно на узкую тему написать исследование, открывающее широчайшие перспективы, новые пути в науке. И узкая тема может быть актуальной, а широкая может быть ознаменована унизительным для автора топтанием на месте под унылый аккомпанемент толчения воды в ступе.

Сейчас очень интересный факт в нашем литературоведении — появление серьезнейших изданий в Алма-Ате, Пскове, Тарту, Саранске. Ученые записки университетов и педагогических институтов показывают появление у нас крупных специалистов вне традиционных центров литературоведения — Москвы и Ленинграда. Ученые записки часто печатают специальные исследования, которые и специальны, и актуальны. Только что вышли две книги: выпуск XII Филологического сборника Казахского университета в Алма-Ате и сборник статей «Проблемы поэтики и истории литературы» Мордовского университета имени Н. П. Огарева. Какие это интересные книги! Они на уровне лучших традиций академической науки. И это не только потому, что в наших республиках и в областных центрах есть хорошие ученые, но и потому, что самый тип ученых записок позволяет печатать специальные исследования — специальные, но вместе с тем актуальные для развития литературоведения.

Есть две актуальности: одна актуальность для нашей общей культурной жизни в стране, а другая — для развития данной отрасли знания. Развивая первую, не следует забывать и о второй.

Пусть не подумают читатели, что смешение популяризации с исследованием я считаю плодом какого-то недомыслия, чьих-то ошибок. Пути нашего литературоведения определены исторически, и наша обязанность — отмечая те или иные недостатки, подойти к ним в качестве историков науки, понять процессы, которые их породили. Литературоведение как наука возникло поздно. Оно ровесник реализма в литературе. Реализм, беспрерывно обновляющийся и самоосвобождающийся от шаблонов, усиленно развивающий индивидуальные варианты творчества, остро нуждается во взгляде со стороны и в историческом, историко-литературном осмыслении. Русская литература XIX и XX веков немыслима без литературоведения. Это наука, крайне необходимая и писателям, и читателям. На ней лежат большие общественные задачи. Поэтому она в какой-то своей части обязана быть доступной и популярной. То, что мы сейчас воспринимаем как недостаток — сильнейшая доза популяризации в литературных исследованиях, — исторически и общественно для своего времени обусловлено.

В сущности, многие науки начинали свой путь с решения практических задач и с работ, в которых наука была соединена с художественностью и популяризацией. Вспомним первые шаги таких разнородных наук, как геометрия, астрономия, география и пр. Но теперь исследования ищут в этих науках для исследователей, и только сама наука в целом в своих результатах служит народу.

Литературоведение и сейчас остается наукой, которая нужна читателям не только в своих конечных и общих результатах, но и в конкретных работах. В этом ее отличие от геометрии, астрономии. Всегда будут нужны широкому читателю монографии о писателях, различные истории литератур, книги, посвященные тем или иным классическим произведениям. Однако сейчас, на данном этапе развития нашей науки, мы должны подумать также о том, чтобы наряду со старыми формами литературоведческих работ развивались исследования и на узкие темы, остро необходимые для науки, для ее движения вперед. Это нужно, в частности, и для того, чтобы могли развиваться и старые научно-популярные литературоведческие жанры. Они нуждаются в обновлении новыми фактами и концепциями. Специальные исследования необходимы для того, чтобы было больше свежего материала в монографиях о писателях, в историях литератур, в учебниках, во вступительных статьях к изданиям.

Нам нужно больше специальных текстологических исследований, чтобы глубже понимать творческий процесс того или иного писателя и лучше издавать его сочинения. В этой специальной исследовательской литературе необходимо применять точную литературоведческую терминологию, без боязни, что она не будет понята широким читателем. Нужны поэтому работы, уточняющие литературоведческую терминологию. Сейчас литературоведение не имеет времени заняться собственным «хозяйством»: привести в порядок терминологию, без которой не может развиваться ни одна наука. Нужны исследования по теоретическим вопросам. И мы не должны страшиться появления различных подходов под углом зрения смежных наук (психологии, семиотики, статистики, социологии и пр.) в пределах единой методологии — науки всегда обогащали и обогащают друг друга.

На эти специальные, но очень актуальные исследования должны в первую очередь обратить большее внимание литературоведческие институты Академии наук СССР и академий наук союзных республик.

Однако и популярно-научные жанры литературоведения нуждаются в пересмотре. Требования нашего широкого читателя возросли. Он уже не удовлетворяется «легким чтением». Сейчас огромная нужда в справочных и обобщающих изданиях. Надо уделить большее внимание библиографии, и библиографии при этом полной, а не выборочной, «рекомендательной». Необходимы энциклопедии писателей (из русских в первую очередь, как мне кажется, нужны энциклопедии по Пушкину, Лермонтову, Некрасову, Горькому, Блоку, Маяковскому). Необходимо большое число разных по типу и охвату биографических и биобиблиографических словарей.

Этим также в первую очередь должны заниматься наши академии, так как издания эти требуют для своего осуществления больших и хорошо организованных коллективов высококвалифицированных специалистов. Больше того, для такого рода изданий надо создать особый тип научного работника: высоко эрудированного, умеющего сжато и точно излагать сведения, обладающего «инстинктом точности». У нас крайне мало таких специалистов.

Мы живем старыми представлениями о «широком читателе». Нынешний широкий читатель гораздо требовательнее и деловитее: ему нужны точные и исчерпывающие сведения, он покупает справочную литературу. Эта литература нужна писателям, педагогам, лекторам, преподавателям и представителям той новой профессии, которая сейчас очень разрослась, — экскурсоводам. На «серьезную книгу» сейчас гораздо больший спрос, чем даже два десятка лет назад. Это радует, и это должно отразиться на нашей собственной литературоведческой работе.

Каждый из затронутых в моей статье вопросов требует более подробного освещения и обсуждения, но я надеюсь, что мои товарищи-литературоведы продолжат поднятые здесь темы, а может быть, дополнят их и новыми. Судьбы нашего литературоведения не могут не волновать всех нас. Мы гордимся нашим литературоведением, но мы не можем не видеть и его недостатков.

ПРИМЕР БОЛЬШОГО ХУДОЖНИКА

В НАШИ дни влияние Леонида Леонова — художника и мыслителя — на современную литературу все более отчетливо осознается как сложная историко-литературная и социально-эстетическая проблема. Однако в постановке ее обнаруживаются противоречивые тенденции.

Некоторые критики склонны рассматривать «уроки Леонова» как преодоление ученичества на пути к правильным, наконец, идейным и художественным решениям.

С этой концепцией убедительно полемизирует сборник статей «Уроки Леонова». Авторы сборника видят в «леоновских уроках» каждый раз заново открывающийся неповторимый мир мышления художника, проникновение в глубины этого мира, приобщение к сложному процессу познания жизни.

Казалось бы, они не задаются целью последовательно и всесторонне проанализировать роль леоновского творчества в истории советской литературы. По характеру расположения материала сборник «Уроки Леонова» напоминает разговор за «круглым столом» известных писателей и деятелей науки (достаточно назвать имена М. Алексеева, Н. Анучина, В. Ковалева, Е. Лопухова, Е. Осетрова, П. Проскурина, Вл. Солоухина и др.). В книге нет не только разделов, но и заголовков статей. Читателю представляются лишь авторы, которые выступают в строгом алфавитном порядке, свободно меняя тему разговора.

Такое решение, принятое редактором-составителем сборника В. Чивилихиным, таило немалые опасности, чреватые разрушением цельности книги. Но вопреки опасениям она обрела удивительное единство благодаря родству взглядов ее авторов на творчество Леонова, буквально воинственной защите ими тех принципов познания действительности, которые исповедует Леонов-художник, подвижнически осуществляя важнейшую миссию советской литературы — бескомпромиссное постижение противоречий эпохи в ее революционном развитии.

В книге существует точно выверенный идейно-эстетический центр, который организует весь ее разнородный материал. Это — проблема освоения и развития Леоновым классических традиций (поэтому на страницах сборника неоднократно появляются имена Гоголя и Достоевского, Герцена и Чехова, Горького и Льва Толстого); это — своеобразие леоновского слова, сложившегося в результате работы писателя с русским языком «на всю его историческую национальную глубину» (М. Алексеев); это — природа у Леонова, которая стала нервом творчества художника, «и не только как хлорофилл в листьях дерева или знаменитый шум русского осеннего дождя, а как природа русской души, ее превращения, ее социальная революция» (П. Проскурин).

Естественно, тематический центр сборника — роман «Русский лес». Из наблюдений над ним складываются основные выводы о специфике леоновского творчества.

Особый интерес представляют оригинально исполненные, сильные по литературоведческой мысли статьи о повестях «Evgenia Ivanovna» (В. Балушвили) и «Взятие Великошумска» (В. Горбачев), об одной из первых повестей писателя «Туатамур» (В. Чеботарева), составляющих в сборнике, если можно так выразиться, контекст «Русского леса», слишком узкий, правда, для столь важного издания.

На материале непосредственных впечатлений от встреч с писателем в книге вырастает неповторимая личность Леонова — художника и гражданина, Леонова — редкого знатока природы. Леонова — человека уникальных знаний.

Изданный для самого широкого читателя, сборник имеет большое историко-литературное значение не только потому, что в нем нашли выражение принципиальные суждения об общечеловеческом и национальном своеобразии творчества Леонова; что в нем раскрыто высокое гражданское предназначение литературы социалистического реализма. Сборник расставляет убедительные акценты в ведущихся на протяжении многих лет дискуссиях. Так, анализ повести «Взятие Великошумска» рождает существенные замечания по поводу полемики об «окопной» и «штабной» правде в военной прозе; характеристика эстетической системы писателя переходит в теоретический спор о полифонизме, об активности авторской точки зрения в романе; подвергается критике так называемая «военно-хозяйственная» периодизация советской литературы.

Разговор об «уроках Леонова» только начат нашим литературоведением. Необходимо его продолжить, но при непременном условии: осмыслять весь творческий путь художника. Потому что без двух редакций «Вора», без «Петушихинского пролома» и «Метели», без «Золотой каратыги» и «Барсуков», которые открывают сейчас свои новые глубины, невозможно в полный голос говорить о леоновском творчестве.

Н. ГРОЗНОВА

«Уроки Леонова». Сборник. Издательство «Современник». М. 1973.

Иллюстрации художников Кикрыниксов к книге Н. Лескова «Левша». Издательство «Детская литература».

НАШЛАСЬ ЛИ НАКОНЕЦ МИСЮСЬ?

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О ПРОТОТИПАХ В ТВОРЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ А. П. ЧЕХОВА

В ЛИТЕРАТУРНЫХ кругах чеховских времен жила легенда о романе, над которым Чехов работал долгие годы и в котором после бесчисленных вычеркиваний и сокращений осталась единственная фраза: «Он и она полюбили друг друга, женились и были несчастливы».

Жаль, что это легенда. Какой простор открыл бы такой «роман» для литературоведческих сенсаций! Как заманчиво было бы достоверно узнать, кто «он» и кто «она»! Ведь сообщили нам «новую версию» творческой истории «Вишневого сада», по которой великая комедия оказалась заимствованной у статистика Орловской земской управы И. П. Белоконского. Дознались же недавно, что «загадка» «Чайки» находится в самой непосредственной связи с разладом в семействе поэта Бальмонта. Подобные новации, появляющиеся время от времени под рубрикой «Новое о Чехове», вызвали справедливую тревогу директора Музея А. П. Чехова в Мелихове, заслуженного работника культуры РСФСР Ю. К. Авдеева («Неуемная жажда сенсаций», «Советская культура», 23 августа 1974).

Можно разделить тревогу автора статьи. Досадно только, что, по-видимому, просто под горячую руку упомянута в ней публикация А. Дорошевской «Мисюсь, где ты?» («Литературная газета», 28 ноября 1973), в которой внучка издателя и редактора журнала «Русская мысль» В. М. Лаврова пересказала семейное предание, сближающее героинь рассказа «Дом с мезонином» с дочерьми Лаврова.

Ничего сенсационного в этой статье нет: она дополнила версию, в общих чертах давно уже известную биографам Чехова.

О Шелковке (Малеевке), о спорах Чехова со старшей дочерью В. М. Лаврова Лидией рассказывалось, например, в воспоминаниях М. Л. (М. В. Лаврова), опубликованных в 1910 году. Автор воспоминаний был убежден, что, создавая «Дом с мезонином», Чехов думал и о семействе Лавровых.

М. П. Чехов, на авторитет которого ссылается Ю. К. Авдеев, эту версию, конечно, знал и не опровергал ее.

О прототипах сестер Волчаниновых существует не очень большая, но все же заметно превышающая объем рассказа мемуарная литература. Разыскано пять имений, где, всего вернее, стоял дом Волчаниновых. Среди достоверных прообразов Лиды и Мисюсь названы десять сестер: Турчаниновы, Ртищевы, Крюковы, Лавровы, некая Тимофеевская и Мария Павловна, сестра А. П. Чехова.

Поскольку вопрос о роли прототипа в творчестве Чехова до сих пор серьезно не обсуждался — а вопрос этот, как отмечено в публикации «Мисюсь, где ты?», действительно очень непрост, — возобновляется старый, разгоревшийся еще при жизни Чехова спор о прототипах «истинных» и «ложных». Ведется он с благим намерением назвать настоящую Чайку, истинную Попрыгунью, подлинную Мисюсь и в твердом убеждении, что за каждым художественным образом стоит биографически реальный прообраз, за каждым лицом действующим скрывается единственное реальное лицо.

Современники, помнившие Чехова по Таганрогу, отождествляли Беликова с инспектором гимназии А. Ф. Дьяконовым. Это мнение оспаривалось, высказывались противоположные взгляды, но проблема прототипа умещалась все же между зонтиком и калошами Беликова: существенна была не психологическая содержательность этого чудовищного образа, но то, что Гоголь называл «душевным обстоятельством», а только предметы, детали, «реалии».

В письмах, записных книжках и дневниковых записях Чехова сохранился ряд заметок о людях, запуганных циркулярами, носивших в ясную погоду калоши и зонтики, — словом, о людях в футляре. Первый из них — похожий на фельдфебеля классный наставник—отмечен в 1888 году. Далее следуют: бухгалтер Клюкин с маленьким, как у хорька, лицом (у Беликова «маленькое лицо, как у хорька»); брат Чехова Иван Павлович, педагог («даже в хорошую погоду берет с собой зонтик»); мореплаватель, гидрограф, автор лоций и публицист «Нового времени» М. О. Меньшиков — «в сухую погоду ходит в калошах, носит зонтик...», и т. д.

Допустим, А. Ф. Дьяконов действительно «всю свою жизнь проходил в калошах» и был единственным прототипом Беликова. Но ведь Чехов окончил гимназию в 1879 г., а рассказ был написан двадцать лет спустя.

«Я умею писать только по воспоминаниям, и никогда не писал непосредственно с натуры. Мне нужно, чтобы память моя процедила сюжет и чтобы на нем, как на фильтре, осталось только то, что важно или типично» (из письма Чехова Ф. Д. Батюшкову, 19 декабря 1897 г.).

За Беликовым стоит целый ряд разноликих людей, множество прототипов. А это, конечно, не то же самое, что «прототип» в обиходном смысле слова; это скорее феномен памяти, результат непрерывного изучения и наблюдения жизни, слагавшийся в течение долгих лет.

Как распознается прототип, из каких источников черпаются сведения о прообразах литературных героев?

У Тургенева, например, находим множество указаний: «Сабина... сложена гибко, стройно — линия бедер, как у М..., губы как у Дианы»; «лицо взять у нм. Ел. Львовой»; «наружность, как у того доктора, с которым я обедал... Прихватить Колиша»; «Списать Щербаня». В современных изданиях воспроизводятся иной раз фотографии прототипов, удостоверяющие, тем сказать, личность героя.

В художественном тексте Чехова «знак прототипа» глубоко зашифрован: нет смысла — да и невозможно — выяснять, кто из реальных лиц был злоумышленником, кто — хамелеоном, кто такие Ариадна, Душечка, Дама с собачкой и т. д.

Чехов не оставил заметок, поясняющих, чьи именно реальные лица он подразумевал или «прихватывал». Исследования и публикации о чеховских прототипах соотносятся с текстом весьма отдаленно, ведутся чаще всего на побочных материалах (мемуары, семейные предания, поздние свидетельства современников и т. д.). Здесь открывается простор для необязательных, субъективных суждений, анализ художественной прозы Чехова то и дело подменяется излишне тщательным изучением прозы жизни.

Замысел у Чехова возникал задолго до того, как он брался за перо, чтобы написать рассказ, и формировался в непрерывном потоке наблюдений, среди множества других замыслов, образов, сюжетов, тем. В записных книжках появлялись заметки, реплики, завершенные фразы: по мере того как первоначальные впечатления отстаивались в памяти, слагалась последовательность фраз и периодов — текст. Рассказы вынашивались годами.

Категория времени—реального и художественного—существенна для понимания соотношений между образом и прототипом в повествовании Чехова. Живые характеры С. П. Кушиниковой, Лики Мизиновой, Л. Б. Яворской, Анастасии Лавровой сохранились, конечно, в «Доме с мезонином», «Попрыгунье», «Ариадне», как сохранились в них черты многих других современниц писателя.

Дочь Толстого Татьяна Львовна, никоим образом не относившаяся к чеховским прототипам, писала 30 марта 1899 г.: «А в «Душечке» я так узнаю себя, что даже стыдно. Но все-таки не так стыдно, как было стыдно узнать себя в «Ариадне».

Подразумевалось не какое-то реальное лицо, не женщина имярек, а то общее свойство характера, то обстоятельство душевное, которое всего точнее определяется словом «женственность». Беда Куашиниковой, Мизиновой, Яворской — или, быть может, их удача и счастье — заключена в том, что время их жизни согласуется с бесконечным художественным временем «Попрыгуньи», «Ариадны», «Душечки».

Проблема прототипа в ее традиционном виде либо вообще не может быть поставлена в отношении к Чехову, либо возникает в редких, исключительных случаях и тогда не решается традиционным путем. Не будем заблуждаться, полагая, что исследователь лишь по недостатку биографических сведений не может назвать «натуральное» лицо, которое подразумевалось или действительно стояло перед глазами Чехова, когда он писал, скажем, «Даму с собачкой». В чеховских типах воплощались ощущение текущей жизни, ее конфликтность, ее переживание, свойственное разным людям, многим людям, может быть, вообще всем людям, жившим в определенную историческую пору, в определенном общественном слое, состоянии или среде.

Сообщение А. Дорошевской не противоречит прежним известиям о прототипах «Дома с мезонином» и, конечно, будет отмечено в комментариях нового собрания сочинений.

Но неверно было бы понимать это сообщение буквально, думать, что прощальный, по сути своей безответный вопрос: «Мисюсь, где ты?» — все же породил запоздалое эхо, что семьдесят с лишним лет спустя Мисюсь наконец нашлась.

Она всегда «находилась» в рассказе Чехова.

М. ГЕОМОВ,
кандидат филологических наук, доцент

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

Д. И. ГОЛЬМАНУ — 75 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Комиссия по советской немецкой литературе направили Доминику Иосифовичу Гольману приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Ваши повести и рассказы о становлении Советской власти, о социалистической новой на Волге, о великих свершениях на Енисее посвящены трудовым подвигам советских немцев, их братской дружбе с другими народами СССР.

Мы знаем Вас и как активного общественника, члена Комиссии по советской немецкой литературе, как доброго друга, знаем Вас по многочисленным публицистическим выступлениям в газете «Нойес лебен».

Неутомимым пропагандистом советского образа жизни Вы проявляете себя и в постоянном личном общении с немецкими читателями. Поездки по просторам Сибири, Алтая и Казахстана — всегда для Вас встречи с новыми литературными героями.

От всего сердца желаем Вам крепкого здоровья, счастья и творческих успехов».

Б. В. ЛУНИНУ — 75 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР, Совет по детской и юношеской литературе направили Борису Владимировичу Лунину приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Ваша повесть «По следам вилюйского узника» — о великом Чернышевском выдержала не одно издание. Любовь юных и взрослых читателей заслужила Ваша яркая романтическая книга «Смерть ойуна». О горняках Алдана увлеченно рассказали Вы в повести «У золота». С интересом был встречен читателями цикл биографических произведений о русских классиках «Живые страницы». Много творческих сил отдали Вы редакторской работе в издательстве «Детская литература». От всей души желаем Вам крепкого здоровья, больших творческих радостей».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

П. Ф. АБОЛИМОВУ — 70 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР направил Петру Федоровичу Аболимову приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас с днем Вашего семидесятилетия. Более тридцати лет назад Вы пришли в наше многонациональное советское искусство в качестве либреттиста и театрального критика. В содружестве с крупнейшими нашими композиторами Вами были созданы такие известные балеты, как «Медный всадник», «Доктор Айболит», «Берег счастья», «Сакта свободы», «Мирандолина», и другие. Ваши талантливые либретто и сценарии во многом определили успех балетных спектаклей, высоко оцененных театральной общественностью.

Желаем Вам доброго здоровья и новых творческих успехов на благо родного советского искусства».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

А. А. НАСИБОВУ — 60 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по детской и юношеской литературе направили Александру Ашотовичу Насибову приветствие, в котором, в частности, говорится:

«Более 20 лет Вы талантливо трудитесь в нашей юношеской литературе, создавая произведения, воспитывающие молодых читателей в духе беззаветной преданности Советской Отчизне.

Со страниц Ваших повестей и романов «Неуловимые», «Тайник на Эльбе», «Безумцы», «Возмездие», «След на дне» к нашей молодежи приходят образы сильных, мужественных людей, всегда готовых к борьбе за высокие идеалы. По мотивам некоторых Ваших книг созданы яркие кинопроизведения.

Свой литературный труд Вы сочетаете с большой общественной деятельностью.

От всей души желаем Вам здоровья, счастья и новых больших творческих радостей».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

В ГОРАХ, У ПАСТУХОВ...

В Киргизии, в стране гор, заповедных ореховых лесов и величавых озер, встречаются еще женщины, чье детство прошло у очага, в юрте или кибитке родителей-скотоводов. Осеванным пением, мягкостью, обаянием веет от них, не просто близких к природе, но с рожденья отождествлявших себя с ней — с ее травами и долинами, ветрами и травами, с током родниковых вод, бегущих начало в лесной глуши, с матерью-землицей, своей прародительницей, как о том говорилось в старых преданиях. Такова и Тенти Адышева — киргизская поэтесса. Став горожанкою, окончив университет и многие годы занимаясь профессиональным писательским трудом, она забывает о своей родине, горах — в них истоки ее поэзии.

...Каждую весну семья Джунушбая, отца Тенти, разбирала свой дом из легких деревянных решеток и ушла, садилась в седла и, ведя на поводу навьюченных домашним скарбом лошадей, откочевывала в горы, на летние пастбища. Вместе со всеми покидала зимнюю стоянку у озера и Тенти...

Имя Тенти — мужское. Почему же девочке дали мужское имя?

— Мое рождение, — рассказывает Тенти, — было желанным, так как до меня все появлявшиеся дети умирали. И мои родители мечтали о сыне — продолжателе рода. Но родилась девочка, и ее, то есть меня, решили растить как мальчика. Мне дали мужское имя. Я почти не играла в куклы, а если играла, то украдкой. Мужское имя обязывало, и я пристрастилась к мальчишеским играм: стреляла из лука, любила изображать в играх эпических богатырей, о которых много слышала от отца.

Бывало, по вечерам, собрав односельчан и нас, детей, он часами рассказывал сказки, вспоминая события давних дней и, аккомпанируя себе на комузе, пел строфы из «Манаса» или исполнял песни акынов. Я любила слушать его. Видимо, его увлеченность поэзией передалась и мне...

Знакомясь со стихами Тенти Адышевой, нельзя не почувствовать эту увлеченность поэзией, теперь уже испытанную временем и профессиональной работой над стихом. Ее книга «Водопад» в моих переводах на русский выходит скоро в издательстве «Советский писатель».

Юрий ГОРДИЕНКО

Тенти АДЫШЕВА

Вспоминая о матери...

Вспоминая о матери,
Из своего далека
Вижу в горной расселине
Чистый исток родника.
Над истоком склоняется
Женщины лик молодой —
Это мать умывает лицо
Ключевою водой.

Вспоминая о матери,
Из своего далека
Вижу травы джайлоо —
Высокие наши луга;
Где-то ржет жеребенок
Да коршун парит в синеве...
Неразлучная с матерью,
Следом иду по траве.

Вспоминая о матери,
Из своего далека
Слышу смех ее, вижу
Мелькание цветного платка
В редком ельнике высокогорном
Вдали от людей,
В неоглядном урочище горном
Сары-Кунгей.

Вспоминая о матери,
Из своего далека
Берег озера вижу,
Плывущие вдаль облака
И покрытые лесом
Снежные горы-гольцы —
Вижу землю мою,
Словно мать и земля —
близнецы.

Водопад

Как старик Саякбай-сказитель,
Обаятелен и суров,
На пиру, между юрт, в низине,
Низвергает потоки слов,

Так же, в блеске своем и пене—
Только брызги тебя слепят —
Бьется в каменные ступени
С тяжким грохотом водопад.

Он свивает жгутами воду,
Увлекая ее на дно;
Волны пляшут и на свободу
Вырываются озорно.

Он блестит серебром и чернью,
Как в броне с головы до пят.
Он много себе теченья
И не мыслит. Он — водопад!

Бьет он в скалы тяжелой
дланью,
Громыхающий и большой...
Смотришь ты, затаив дыханье,
И сливаешься с ним душой.

Аивиу ДАМИАН

■

Бери быка за крепкие рога,
бей бестолочь свободно, смело, вольно,
не допусти, чтоб времени рука
тебя ударила пребольно.

Ломай преграды, мненья, словеса
и повинуйся собственному зову,
в грядущий день гляди во все глаза,
срывай с него запоры и засовы.

Не бойся грани, за которой ты
не сможешь видеть, как летают пчелы,
как распускаются весной цветы,
как сладок смех у женщины веселой.

Не достигай своих пустынных дней,
когда, легко войдя в игру детей,
ты видишь, что тебя не понимают
и, расплетясь, их игры угасают.

Я не страшусь чужих и злобных глаз,
страшусь, чтоб не настал тот горький час,
когда цветок, овеянный пчелой,
не вызовет любви в груди больной.

Не забывай меня

Колючке в памяти твоей — не дам уснуть...
Нет, незабудка, словно небо, голубая.
Ты не забудь, ах, не забудь, ах, не забудь,
что я слеза твоих страданий огневая.

Как будто тень, я всюду следом за тобой,
иль как зола, что на руинах поселилась,
нет, как трава среди чужих камней, живой
я восхожу, чтобы ко мне ты наклонилась.

Пойми, когда ты забываешь обо мне,
не созревают даже грозди винограда,
молчит свирель, хлеб — камень, и в окне
темным-темно, и жить душа не рада.

Когда я забываю в шуме дня
твой облик, твою песню и движенья,
дожди камней нещадно бьют меня
и засыпает злой песок забвенья.

Истина

— Истина, — листве промолвил я, —
истина — любимая моя,
истина — ее надмирный взор,
неземной ее души простор.

Истина, что у калитки ждет,
истина, что злится и клянет,
истина, что всех она смелей,
истина, что страхи живы в ней.

Истина, что слабою рукой
нелегко ей справиться с судьбой,
истина, что нет сильнее рук,
если горе в дом нагрянет вдруг.

Истина мягка и жестока,
истина далеко-далека!
Я ищу ее, бегу вослед.
Я ее постигну или нет?

Перевела с молдавского
Лариса ВАСИЛЬЕВА

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

В. Ф. БОКОВУ — 60 лет

В связи с шестидесятилетием со дня рождения Виктора Федоровича Бокова секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Сердечно поздравляем Вас, известного советского поэта, автора талантливых, самобытных книг стихов и песен, с шестидесятилетием со дня рождения.

Крестьянский сын, прошедший школу заводского коллектива, выдвинувшего Вас в 1934 году как начинающего рабочего поэта на учебу в Литературный институт имени А. М. Горького, Вы сорок лет достойно трудитесь на ниве русской советской поэзии.

Одной из характерных черт Вашей творческой индивидуальности всегда была и остается по сей день глубокая, органическая связь с народным песенным и сказовым творчеством, душевная щедрость и напевная лиричность.

Ваши стихи и песни завоевали широкую популярность в нашей стране и во многих других странах социализма.

Ваше творчество отличается подлинной гражданственностью, проникнуто чувством советского патриотизма.

Широко известны Ваши песни «Оренбургский пуховый платок», «На Мамаевом кургане», «Лен, лен, лен», «На побывку едет», «Гляжу в поля просторные...», «Колокольчики» и другие.

Мы высоко ценим Вашу неутомимую общественную деятельность в Московской писательской организации. Большого уважения заслуживает Ваше активное участие в создании многих народных хоровых ансамблей и коллективов художественной самодеятельности.

Желаем Вам, дорогой Виктор Федорович, доброго здоровья и новых творческих свершений».

Поздравили юбиляра также секретариаты правлений Союза писателей РСФСР и Московской писательской организации.

■

Виктор Боков — удивительный поэт, всегда наполненный стихией стиха: «современности и соловья голосистый и звонкий подручный», он доставляет подлинное эстетическое наслаждение.

Его поэзия покоряет и искушенных читателей, и самых утонченных ценителей поэзии. В оценке поэзии Бокова сходились многие мастера нашей литературы.

Душевная щедрость, духовное здоровье, живой, меткий, истинно народный современный русский язык — вот что такое поэзия Бокова.

Его песни поются народом, они знаменуют собой новый этап русского советского песенного творчества.

Поэзия Бокова глубоко гражданственна, нравственной правотой позиции лирического героя она подсказывает решение сложнейших проблем реальной жизни. Лирика Бокова целомудренна и чиста.

А как он чувствует природу, землю! Как он пишет о ней! Солнечно! Кто из нас не улыбнется счастливо, прочитав:

Соловей мне крикнул:
— Витя!
Я хочу гнездо завить.
Я ответил: — Соловей.
Дело жизненное — вей!

Жизнь в движении, в работе, в горении пленяет поэта, и он любит ее активной, действенной любовью.

Окрыленный «волшебным ощущением жизни», как он сам точно определил это состояние, Боков много ездит по стране — и один, и в составе писательских бригад, встречается со своими читателями, отыскивает новые таланты — поэтов, композиторов, певцов, щедро отдавая им восторг своего сердца.

Он принимает активное участие в общественной жизни Союза писателей.

...Я люблю все многообразие нашей поэзии, в моей душе есть место и для широких эпических полей Александра Твардовского, и для властного классического современного стиха Ярослава Смелякова, и для шири Александра Прокофьева и многих других блистательных поэтов советской эпохи. Есть даже место для «электронных богатырей», «кибернетических гениев», чересчур перегруженных современным техническим словарем... Но особое место есть там для живого слога Виктора Бокова, которого молодой горьковский критик Леонид Безруков назвал витязем русского стиха.

От всей души поздравляю с 60-летием одного из богатырей современной российской поэзии, моего друга Виктора Бокова и желаю ему и дальше неиссякаемого духовного богатырства!

Михаил ЛЬВОВ

* * *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Разрешите через вашу газету выразить сердечную, искреннюю благодарность всем организациям, друзьям, товарищам, приславшим мне теплые поздравления в связи с юбилейной датой и высокой правительственной наградой.

Георгий ЛОМИДЗЕ

Сергей НАРОВЧАТОВ

«ТОЛЬКО ЧУТОЧКУ ПРИЩУРЬ ГЛАЗА...»

Приведу страничку из дневника:

«Куба. о. Пинос.
Четверг 13. VI. 74 г.

На берегу Карибского моря, флибустьерского, дальнего синего. В холле небольшого отеля, построенного еще американцами при Батисте, целую стену занимает грубоватая мазня, изображающая высадку пиратского экипажа во главе с одноногим Сильвером на берегу острова. Конечно, это позднейшая привязка истории к литературе. У Стивенсона ищут сокровища Флинта. Они, по легендам, погребены на одном из подобных островов. Пинос, судя по материалам местного музея, был одним из центров пиратских операций. Отсюда стрела, соединяющая стивенсоновский роман именно с этим островом. А Пинос впрямь подходит для развертывания действий его героев. И не только романа, а и паялокогановской «Бригантины»:

Только чуточку
прищурь глаза...

А море действительно синее, пальмы в уровень балкона топорщат свои веера, мерно шумит кондиционер в номере...»

Это — одна из сотой части кубинских наблюдений. Куба остается в памяти страной революционного энтузиазма, победоносного терпения, пламенного коммунизма. Романтика, а ею проникнут каждый шаг молодого государства, окрашена там в алые тона. Но при чем же здесь одноногий Сильвер, встающий дорожным знаком на всех перекрестках Пиноса? Почему музей в Новой Хирене заполнен репродукциями флибустьерских кораблей? Это просто память о далеком отрочестве острова. Отрочестве цветном и буйном, жестоком и кровавом. Такая же память, как каменные бастионы испанской крепости в Гаване. Кто из них был хуже — колонизаторы или флибустьеры? Одни других стоили.

Но это если к делу подходить всерьез. А так разве лишь твердолобых пуристов возмутят страницы Марка Твена, где Том Сойер именует себя «Черным Мстителем Испанских морей», а Джо Гарпер — «Грозой океанов». Смех и грех, но томсойеровщина живет до седых волос чуть ли не в каждом взрослом мужчине. Популярность приключенческого жанра — одно из постоянных тому свидетельств. Любительниц такого жанра среди женщин вы встретите очень редко.

«Бригантина» Павла Когана с неожиданной силой распустила свои паруса в конце 50-х годов над нашими градами и весями. Появились клубы, кафе, ансамбли под ее девизом. Апогей ее известности — середина 60-х. Повторяет знакомый мотив зубной врач над моим раскрытым ртом. В Феодосии репродуктор на площади азартно напоминает: «Надоело говорить, и спорить...». На лесовозе, когда мы идем из Усть-Камчатска на Командоры, судовое радио продолжает: «...и любить усталые глаза...». Бог знает что!..

Помнится, мы, сверстники и товарищи Павла, были несколько озадачены таким внезапным успехом давней песенки. После своего рождения она едва вышла за пределы дружеского кружка: ни МНФЛИ, ни Литинститут — вузы, где учился Павел, — не сделали ее своим гимном. Не стала она ни застольной, ни прощальной на Стромынке и Усачевке — в студенческих общежитиях той поры. А тут откуда что взялось...

Замечу, что поздний успех «Бригантины» оказался синхронным позднему успеху творчества Александра Грина. Здесь, конечно, легко нащупать соединительные звенья. И опять-таки показательно, что «Алые паруса» и «Бегущая по волнам» были обязательной страницей в романтических святках предвоенной молодежи, но страницей прочитанной и перевернутой. У «Бригантины» была примерно такая же участь, только в еще более сжатом кругу. Но время — ох, это время! — взяло вдруг и открыло перевернутые страницы и прочитало полузабытые слова молодыми, свежими голосами.

При своем появлении «Бригантина» была типичной песней студенческого «капустника». Поднимали ее над ним очевидно талантливые слова Павла Когана и очевидно талантливая музыка Жоры Лепского. И что-то еще неуловимое, давшее ей право на второе рождение. Под это «что-то» подставляются прежде всего поэзия и романтика.

Вот это «что-то» и заставило меня вспомнить в другом полушарии, на берегу тропического острова «Бригантину», а вместе с ней ее автора.

Павел Коган оставил прочный след в биографии поколения. Он был старше нас на год-полтора, а в ранней молодости даже такая возрастная разница играет свою роль. Первокурсник и десятиклассник говорят на разных языках. Но Павла выделяла среди товарищей в первую очередь сложившаяся поэтическая биография. Мы ее только нащупывали, а он уже шел по неторной дороге. Неторной? Нет, поначалу он часто попадал в следы, оставленные другими поэтами, но чем дальше, тем тверже ощущал он свою собственную тропу. Мы еще были неумелышами, а у него за плечами погрохатывала «Гроза» — программное стихотворение, давшее много лет спустя заглавие его первому посмертному сборнику. Я напомню его читателю:

Косым,
стремительным углом
И ветром, режущим глаза,
Переломившейся метлой
На землю падала гроза.
И, громом возвестив весну,
Она зеленела по траве,
С размаху вышибая дверь
В стремительность и
крутизну.
И аниз.
К обрыву.
Под уклон,
И воде.
К беседке из надежд,
Где столько вымокло
одежд.
Надежд и песен утекло.
Далеко,
может быть, в края,
Где девушка живет моя.
Но, сосен мирные ряды
Высокой силой раскачав,
Вдруг задохнулась
и в кусты
Упала выводном галчат.
И люди вышли из квартир,
Устало высохла трава.
И снова тишь.
И снова мир.
Как разнодушье, как овал.

Я с детства не любил овал,
Я с детства угол рисовал!

Сам он рассказывал о возникновении этого стихотворения так: однажды в дружеской компании каждый должен был графически изобразить свой жизненный путь. Кто нарисовал круг, кто овал, кто волнистую или зигзагообразную линию. Павел — двумя чертами острый угол.

Остроугольность действительно была в характере Павла. Непримиримость к чужим недостаткам, черная и белая краски без промежуточных тонов, одержимость в поэзии и жизни. Натура-то, в общем, тяжелая, но привлекавшая к себе какой-то суховатой страстностью. Будь ребята с ним чуть послабее, он бы сразу занял среди них атаманское положение. Но тут собрались уж настолько резкие индивидуальности, что после коротких или долгих стычек устанавливалось равновесие, где никто никому не давал наступить на ногу. И все равно ухо приходилось держать востро: совет мог неудержимо перерасти в диктат. Надо сказать, Павел знал свойства своего характера и сам старался окорачивать себя, друзей ему терять не хотелось.

Сошлюсь на запомнившийся пример. После полутора лет знакомства мне надоело слышать поучения, и я резко отдалился от Павла. К тому времени я уже сам начал писать стихи, с которыми не стыдно было показаться на глаза кому угодно. Павел забеспокоился: «Почему не заходишь?» — «Да все времени нет». Так продолжалось месяца три. И вот однажды вечером, когда я сидел у своей подруги, — звонок. Входит Павел с женой (он женился раньше всех нас). После коротких минут с павлокогановской категоричностью объявляется цель встречи: «Условимся, что мы пишем на равных, и начнем все от новой черты». Надо было знать гордыню Павла, чтоб оценить сделанный им шаг! Равным себе он считал тогда разве Пастернака и Сельвинского («Они, конечно, больше сделали», — сказал он мне однажды), но для милого дружка — сережка из ушка. Благоприятное условие было, естественно, принято мной, и бутылка вина скрепила новый договор.

Кстати, о вине. Предвосхищая наши теперешние нормативы, Павел терпеть не мог водку и очень не жаловал пьяных. Вино у него несло скорее романтическую службу: «На прощанье подымай бокалы...». Ну и опять-таки Хайям и Саади, Верлен и Блок. Несмотря на крупинку иронической соли, говорю это в похвалу. Пьянели мы тогда от стихов и любви, от романтики и героики.

Возвращаюсь к «Грозе». Это стихи молодого мастера. И Н. Н. Асеев не случайно обратил на них свое доброе и требовательное внимание. С Павлом он говорил о них так, как будто тот был его сверстником. В стихах, конечно, уже взрослый почерк. Среди романтических манифестов, провозглашавшихся поэзией, «Гроза» — один из наиболее определительных. Стих мускулистый, напряженный, резкий. Павел читал «Грозу» с напором, нагнетанием, рубя слова. И стихи запоминались с первого-второго чтения наизусть.

Познакомились мы с Павлом на поэтических смотринах, которые устраивались в МИФЛИ в начале сентября каждого года. Первокурсники читали стихи под оценивающими взглядами старших на собрании литкружка. Им руководил Эйзерман, ныне член-корреспондент АН СССР. Тогда, помнится, он был аспирантом филфака. Из полуторасот с лишним ребят, только что перешагнувших порог вуза, сочиняли стихи не меньше сотни человек. Но смелости выйти читать хватило у немногих. Костя Лашенко, Леша Кондратович и я оказались фаворитами прослушивания. Я читал, выражаясь студенческим жаргоном тех лет, откровенную муру. Читал я ее, однако, с невероятной самоуверенностью, акцентируя немногие выигрышные строки. Все же их набралось, наверное, достаточное число, чтобы состоялось первое знакомство с Павлом. В перерыве ко мне подошел невысокий парень с индейскими, как мне показалось, чертами лица, протянул руку и отрекомендовался: «Павел Коган». А потом с обезоруживающей откровенностью сказал: «Стихи пока что из рук вон, но поэт из тебя получится». Я, помнится, огрызнулся, но впервые заподозрил, что не все ладно в моем королевстве датском. Финал этого периода состоялся спустя месяца полтора у Асеева.

В очерке о Кульчицком я уже говорил, что, помимо учебы у старших поэтов, мы все время учились друг у друга. На первых порах неоценимая роль принадлежала здесь Павлу. Прежде всего он намного лучше нас знал поэзию. Каждый месяц расширялся круг поэтов, читаемых и комментируемых от корки до корки в его кругу. «Один сезон наш бог — Ван-гог, другой сезон — Сезанн». Затем Павлу была в высшей степени свойственна черта поэтического подвижничества. Биографии поэтов разбирались всегда именно под этим углом. Пафос бессребреничества одинаково владел нами, но у Павла он приобретал почти фанатический характер. К печатанию своих стихов мы долгое время относились пренебрежительно. Предполагалось, что наша поэзия рано или поздно явится непорожденной Афродитой в совершенстве законченных форм. А до тех пор — писать для себя, для друзей, для немногих слушателей, закладывать фундамент будущего здания. Святые дураки! — скажут в наш адрес ушлые ребята, штурмующие редакции чуть не с пеленок. Но, пожалуй, именно эти качества придали такую безоглядную искренность предвоенным стихам нашего поколения. Слова «Родина», «Советская власть», «коммунизм» для нас не были просто словами, мы вливали в них клятвенное содержание, и поэтому с такой силой они прозвучали в стихах Майорова и Кульчицкого, Суворова и Когана.

Подвижничество предполагает цель, во имя которой оно совершается. Эта цель виделась в создании Большой поэзии поколения, которому предстоит вынести на плечах тяжелейшую войну с фашизмом. Война мыслилась как нечто наперед заданное, неизбежное, непременное. Сначала интуитивно, а потом сознательно определились основы, опираясь на которые встанет поколение для решающей схватки. Патриотизм, интернационализм, партийность стали существом поэзии поколения, они и были искомыми и найденными ее основами.

Есть в наших днях
такая точность,
Что мальчики иных веков,
Наверно, будут плакать
ночью
О времени большевиков,
И будут жаловаться
милым,
Что не родились в те года,
Когда звенела и дымилась,
На берег рухнувши, вода.
Они нас выдумают снова —
Косая сажень,
твердый шаг —
И верную найдут основу,
Но не сумеют там дышать,
Как мы дышали,
как дружили,
Как жили мы,
как впопыхах
Плохие песни мы сложили
О поразительных делах.
Мы были всякими.
Любыми,
Не очень умными подчас.
Мы наших девушек
любили,
Ревнуя, мучась, горячась,
Мы были всякими.
Но мучась.
Мы понимали: в наши дни
Нам выпала такая участь,
Что пусть завидуют они.
Они нас выдумают мудрых,
Мы будем строги и прямы.
Они прикрасят
и припудрят.
И все-таки
пробьемся мы!..
И пусть я понажусь
им узким
И их всесветность
оскорблю,
Я — патриот. Я воздух
русский,
Я землю русскую люблю.
Я верю, что нигде на свете
Второй такой не отыскать,
Чтоб так пахнуло
на рассвете,
Чтоб дымный ветер
на песках...
И где еще найдешь такие
Березы, как в моем краю!
Я в сдох, как пес,
от ностальгии
В любом кокосовом раю.
Но мы еще дойдем
до Ганга,
Но мы еще умрем в боях,
Чтоб от Японии до Англии
Сияла Родина моя.

Юношеский максимализм «лирического отступления» отталкивается от трех опорных точек: «время большевиков» — партийность, «земля русская» — патриотизм, заключительные строки — интернационализм. Было бы глубоко неверным искать в словах о Ганге, Японии и Англии какой-либо завоевательный смысл. Это не что иное, как перешедшая по близкому наследству мечта 20-х годов о всесветном коммунизме. В нас все время бродила коминтерновская закваска:

О, мы языков не учили,
Зато известны были нам
От Индонезии до Чили
Вождей компартий имена.

И будущая война представлялась войной за коммунизм против фашизма.

Повторю, что Павел был человеком с поэтической биографией, сложившейся очень рано, еще до знакомства с нами. Лирико-романтические стихи, в том числе «Бригантина», были им сложены на пороге быстро наступавшей зрелости. Зрелость требовала стихов, осмыслявших время, и Павел с головой ушел в них, перешагнув свое двадцатилетие. Сердце тоже участвовало в головной работе, и ритм стихов повторял его удары.

Многие стихи Павла Когана удивляют своей прозорливостью. Не так давно у меня на квартире зазвонил телефон. Беру трубку. «В каком году погиб Павел Коган?» — «В 1942 году». — «А как же у него в стихах сказано: «Во имя войны сорок пятого года»?» «Так вот и сказано», — отвечаю «А это не позднейшая вставка?» Я положил трубку.

Действительно, теперь это кажется невероятным, так же как и «речка Шпрее», промелькнувшая у него в стихах:

Когда-нибудь
в пятидесятых
художники от муи
сопреют...
изобразят их,
погибших возле речки
Шпрее.

Задолго до начала космической эры была написана им «Ракета». В те дни она казалась нам зарифмованной страницей научно-фантастической повести.

Основным своим поэтическим делом Павел считал роман в стихах о Владимире Рогове. Он успел написать в сравнении с предполагаемым объемом не так уж много, но и это немногое было значительным. Роман носил автобиографические черты, и первые его главы были посвящены «поискам истины» молодым интеллигентом 30-х годов. Истина виделась в полном слиянии с народом, в решительном приятии всех его духовных интересов. Отдельные постулаты романа оказались не так аксиоматичны, как казалось тогда Павлу, да и всем нам. Время выдвинуло другие мерки. Но основная тенденция неоконченного романа остается верной до сих пор.

Тенденция опиралась на самосознание поколения, к которому принадлежал Павел. Мир в то время бурлил, клокотал, взрывался вокруг нас. Испания, Халхин-Гол, Мюнхен — это еще накануне второй мировой. Все это передумывалось, перечувствовалось, переживалось нами. Причем, должен сказать, трагичнее и сильней, чем об этом сообщали газеты и радио. Никаких разногласий с политикой государства у нас не было. Мы справедливо ее считали политикой народной. И здесь тенденция романа повторяла наше ощущение.

...Листались месяцы, я затем годы. После финской войны я перешел в Литинститут, а в НФЛИ остался на экстернате. Не помню, до меня или после перевелся в Литинститут Павел. За это время мы стремительно повзрослели. Некоторые из нас уже получили боевое крещение, другие и без него окрестились событиями и размышлениями. У Павла родилась дочка, жил он трудно, подрабатывал уроками в школе, преподавал, кажется, историю. Ходил он тогда в шинели, невесть откуда взявшейся у него, выглядел озабоченным не только поэтическими, а и житейскими делами.

Мы начали выступать перед более широкими аудиториями. Запомнился вечер трех поколений в Юридическом институте. Он состоялся еще до финской войны, осенью 1939 года. Председательствовал на нем Михаил Молочко, четко сформулировавший взгляд на своих сверстников: это те, кто будет делать поэзию 40-х годов. Вечер не ограничился чтением стихов, с ходу началась полемика, принявшая острые формы. Не скажу, чтобы они носили вполне парламентарный характер, Павел сцепился с Ароном Копштейном, выступавшим от «второго поколения». Он упорно именовал его «Бакштейном», бесцеремонно намекая на круглый сыр, с которым, на его взгляд, был сходен толстяк Копштейн. Нападали и огрызались мы весьма решительно, но и нам спуску не давали. «Надо вас свести с Сельвинским, — грозил Миша Матусовский, — он вас потопчет, как слон тростинки». Я не очень вежливо прошелся по адресу Маргариты Алигер, и, кажется, она долго не могла мне этого забыть. Аудитория была на стороне языкатых дебютантов, равных ей по возрасту, и в конце вечера мы торжествовали победу. Лучше всех из нас выступали Майоров, Луконин, Кульчицкий и Павел, но и остальные не могли пожаловаться на прием. С Сельвинским мы вскоре встретились, но мрачное предвещание Матусовского не подтвердилось. Илья Львович принял нас с распростертыми объятиями...

Очерк подходит к концу, но, перечитывая его, я вижу, что упустил нечто главное. Да, в установке основных величин предвоенной поэзии поколения Павел Коган сыграл серьезную роль. Он раньше других определил направление поисков по первостепенным линиям творчества. Как уже говорилось, партийность, патриотизм, интернационализм заговорили у него языком стиха, и мы, каждый идя своим путем, всегда помнили, что главную тему поколения составляли именно эти понятия.

Размах событий был огромен, и пуще всего мы боялись мельчить поэзию, чтобы она не выглядела их дробным отражением. «Мой стих не зеркало — но телескоп», — писал Кульчицкий, а Павел утверждал это каждым новым стихом. В этом не было гигантомании, такую позицию диктовало время. Ориентировка на большие темы, на большую поэзию, на героику времени оправдала себя. Об этом говорят лучшие стихи погибших на фронтах Великой Отечественной войны, об этом говорят лучшие стихи их товарищей, оставшихся в живых.

Но, кроме всего этого, говоря о Павле Когане, нельзя забывать о юношеской романтике, овевавшей серьезные понятия, взятые нами на вооружение. Выступая от имени «лобастых мальчиков невиданной революции», Павел Коган поместил за собой рядом с буденновскими клинками мачты стивенсоновско-гриновской бригантины. Причудливо колыхаясь и странно дополняя друг друга, они образовали неповторимый фон, на котором четко рисовались суровые и твердые стихи, написанные в предгрозье о будущей грозе. Окрещиваясь от романтики в последние годы своей недолгой жизни, Павел Коган остался романтиком до конца.

Начав с «Бригантины», я опять вспомню одну щемящую ее строку «Только чуточку прищурь глаза», и снова встанет Ленинградское шоссе предвоенных лет, комната пенальных размеров, наполненная табачным чадом и молодыми голосами, и сухощавый юноша с лицом индейского типа, рубящий отрывистые стихи.

Все ближе надвигалась война. Но в июне 41-го ее никто не ожидал, скорее рассчитывали на осень. Павел уехал на Кавказ и в первую военную неделю с трудом добрался оттуда до Москвы. Я встретил его по приезде, он был возбужден, решителен и неожиданно весел. «Предгрозье кончилось, — сказал он мне, — началась гроза. Выдержим?» И не дав ответить, закончил утвердительным повторением: «Выдержим!»

Моляния поразила его в разгаре грозы.

ЗА ЧТО РАСТЕРЗАЛИ ОРФЕЯ...

ТРУДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛЕГКОГО ЖАНРА

ДИАЛОГ

В «ЛГ» (№ 35, 1974) была опубликована статья Леонида Утесова «Эхо модных ритмов». Сегодня мы продолжаем обсуждение проблем легкой музыки, поднятых в этой статье.

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ,
народный артист СССР, лауреат Ленинской премии

Ин. ПОПОВ,
музыковед, главный редактор журнала «Музыкальная жизнь»

Ин. ПОПОВ. Нам предстоит сегодня говорить о том, что я назвал бы проблемами массового музыкального быта.

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. Мы сразу же, наверное, должны объяснить и читателям, и в первую очередь друг другу, что такое бытовая, легкая музыка. Как-то, будучи в Праге, я попал на заседание одной из секций чехословацкого Союза композиторов — секции композиторов, которые сочиняют специальную музыку для танцев и ресторанов. Ее-то они и называли легкой музыкой. А все, что за пределами танцплощадки и варьете, называли эстрадной музыкой, джазом и т. д. У нас же легкой музыкой именуют все: и массовые песни, и народные мелодии, и джаз, и танцевальную музыку в широком смысле слова.

Ин. ПОПОВ. Да, у нас это понятие шире, но не могу сказать, что точнее. В сущности, оно вбирает в себя все, что связано с массовым музыкальным бытом. Сам же музыкальный быт этот за последние годы очень усложнился. Структура его стала многослойной...

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. Мне ясно одно. Сейчас в этом виде музыкального искусства полный хаос. Нет договоренности относительно ряда важнейших проблем даже у нас, профессионалов. Может быть, начать с того, что у нас в Союзе композиторов проводить обсуждения проблем легкой музыки по жанрам — отдельно?

Ин. ПОПОВ. Вероятно, это принесло бы свою пользу. Но не кажется ли вам, Василий Павлович, что точнее говорить не о хаосе, а о сложном, интенсивно развивающемся, динамическом процессе?

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. Называйте это как угодно: динамическим процессом, музыкальным взрывом или еще как-нибудь, но под словом «хаос» я имею в виду стихийность, неуправляемость, что ли. Слабо мы еще воздействуем на массовый музыкальный быт.

Ин. ПОПОВ. Все жанры музыки, и так называемой легкой музыки в частности, переживают пору роста и вширь, и вглубь. Нередки в этой связи случаи, когда и в легком жанре возникает «недопонимание» композитора слушателями. Быть может, поставить во главу угла проблему эстетического воспитания?

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. Нет, дорогой Иннокентий Евгеньевич. Сначала надо «воспитать» композитора, помочь ему понять, что главное, решающее — вопросы художественного мастерства и борьба против ремесленничества. Бездумный штамп — вот что особенно опасно в легкой музыке, или, как вы говорите, в массовом музыкальном быте. И бороться против них можно и нужно.

Ин. ПОПОВ. Главное все же — требовательность художника к своему труду. Я лишь добавил бы, что и критика должна быть всегда бескомпромиссно требовательной и в то же время дружески заинтересованной. Применительно к музыке массового музыкального быта у нас еще очень часто высказывается «требовательность вообще». Да и самих рецензий и статей недостаточно. «Литературная газета», начавшая вновь статьей Леонида Утесова разговор об этих проблемах, нащупала слабость нашей музыкальной критики. Возьмем хотя бы те же формулировки: «пошлость», «ремесленный штамп». Употребляем мы их охотно по самым разным поводам, но тем самым выхолащиваем конкретное содержание. Они стали своего рода синонимами слова «плохо». Между тем по точному своему смыслу они означают бездумный — и чаще всего не к месту — повтор выразительного приема...

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. Вот именно. Я бы сказал, пошлость порождают конкретные причины. Первая — бесконечные вариации одних и тех же тем, образов, эмоций.

То, что у классиков, в народных песнях и в лучших образцах советской массовой песни становится высокой поэзией, в нашей эстрадной музыке при массовом «тиражировании эмоций» оборачивается пошлостью. Очень быстро стирается, в частности, та грань, за которой высокое чувство оказывается слезливой манерностью. Вспомните, как великолепно чувствовали эту грань Чайковский или мастера так называемого бытового романса — Алябьев, Варламов, Гурилев! Десятая, двадцатая, сотая песня, эксплуатирующие раз найденное удачное и неповторимое, — это и есть пошлость.

Вторая причина — засилье танцевальных ритмов в эстрадной музыке. Оно сковывает, обедняет легкую музыку. Где песни-баллады, песни-монологи? Где песни лирические без повторов одних и тех же тем и образов? Где песни героические без стандартных штампов одних и тех же выразительных приемов? Их явно недостаточно. Они тонут в море однообразной танцевальной ритмизированности всего и вся.

Ин. ПОПОВ. Но быть может, композиторы в этом случае выполняют «заказ» молодежи, которая жаждет именно танцевальных ритмов? Ведь нельзя сказать, что у нас нет лирической песни. Но часто и она сочиняется с расчетом на то, что ее будут танцевать, потому что в этом случае она быстрее завоюет признание.

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. Еще одна — уже третья — причина пошлости: откровенная вульгарность. Разве можно выносить на танцевальную площадку, которую оккупировали отнюдь не лауреаты конкурса бального танца, интимные, любовные чувства, выраженные в хороших лирических песнях? Этот жанр (я имею в виду лирическую песню) всегда был достоянием камерного пения. Теперь же интимные чувства «обсуждают на миру»: под ритмизованную лирическую песню во время весьма нескромного танца. Она же звучит в ресторане, под стук вилок и ножей. Мне на днях рассказывали, что даже под «Журавлей» Я. Френкеля и Р. Гамзатова уже танцуют в ресторанах...

Ин. ПОПОВ. Так вы против танцев?

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. Я не против танцев, но давайте сделаем социальный заказ на танцевальную музыку. У нас много композиторов, которые блестяще справятся с этой задачей. Песня есть песня, и она не может быть универсальной, пригодной на все случаи жизни. Это ведет к девальвации жанра, к пренебрежению со стороны исполнителей, да и слушателей тоже. Уже социологи и музыковеды начинают писать о том, что музыка, увы, стала у нас просто «фоном», звуковым «наполнителем» пространства.

Ин. ПОПОВ. Вы выдвигаете интересную и в общем убедительную концепцию проникновения пошлости на эстраду. Я бы акцентировал еще вот что: важно не только как разговаривать со слушателем, но и о чем вести с ним разговор. Далеко не безразлично, какие именно мысли, чувства выражает музыка, окружающая повседневно современного человека.

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. Это бесспорно... И все-таки я хотел бы задать откровенный вопрос: нужна ли теперь массовая гражданская песня? Или она уже выполнила свою общественную и эстетическую роль и ушло ее время? Массовая песня — это то, что сочиняли И. Дунаевский, В. Лебедев-Кумач, В. Захаров, братья Покрасс. Она создавалась с другими целями, нежели теперь создается модная популярная песня. Песню «одну на всех» мы могли сочинять во время войны, например, когда каждый гражданин Советского Союза был солдатом. Так их и называли — гвардейцы фронта и гвардейцы тыла. И любая песня о солдате, коль скоро она была художественно яркой, становилась массовой, а композитор-песенник был оратором, который выступал перед всем обществом. А теперь интересы слушателей как будто «расслоились».

Ин. ПОПОВ. То есть вы считаете, что в жанре массовой песни предложение теперь не рождает спроса?

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. Отнюдь нет. Когда появляется песня, обращенная к массам, точно фиксирующая эмоции слушателей, общество не остается равнодушным. Помните, с каким увлечением в начале 60-х годов пели «Тревожную молодость» А. Пахмутовой? Спрос есть, но мы не часто можем его удовлетворить.

Ситуация, на мой взгляд, парадоксальная. С одной стороны — несметное количество песен, а с другой — ничтожно низкий процент выдерживающих испытание временем, остающихся в памяти народной. Как объяснить эти «ножницы»?

Ин. ПОПОВ. А не виноваты ли в этом средства массовой информации? В любой момент с помощью радио, телевидения, транзистора, магнитофона мы можем услышать любую музыку. Но именно услышать. Наш живой, непосредственный творческий исполнительский контакт с песней теряется.

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. Да, молодость предпочитает теперь смотреть и слушать. Мой внук не отрывается от телевизора, когда транслируют хоккей. Но попробуйте дать ему клюшку и выгнать на лед! Не захочет. Зачем? Так удобно: сидеть дома и вроде бы «заниматься большим спортом». То же самое и с музыкой. Зачем петь, если «споет» магнитофон!

Ин. ПОПОВ. Сама функция песни в обществе изменилась. Раньше человек мог воспроизвести понравившуюся ему песню, только исполняя ее сам: вспомнил и спел. И, в общем, наше представление о массовой песне связано с массовым ее исполнением. Массовая песня — теперь та, которую все с удовольствием слушают. Идут сложные, динамичные процессы изменений функций музыки в жизни современного человека. И мы очень отстаем с их аналитическим исследованием. А отсюда и наши просчеты в творческой практике.

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. Многое меняется. Не лучше ли спросить прямо у заказчика, чего он хочет? Многие тысячи молодых людей поехали на огромную стройку — БАМ. Конечно, им нужны песни. Но какие?

Ин. ПОПОВ. В ближайших номерах нашего журнала «Музыкальная жизнь» будут опубликованы ноты и слова нескольких новых песен. Среди них, на мой взгляд, удачная песня О. Фельцмана и Р. Рождественского.

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. Вы назвали неплохую песню о БАМе. Я знаю ее. Но достигнут ли другие своей цели? Будут ли их петь около костра по вечерам? Есть ли в них теплота и задушевность, объединяющая людей?

Ин. ПОПОВ. Это общая беда. Многие песни проходят мимо слушателей, я бы сказал, «по касательной», потому что в них «погашены» большие чувства и эмоции. Поэтому молодежь, часто не поет песен, которые создали для нее профессиональные композиторы и поэты, а творит свой собственный студенческий и иной «костровый» фольклор, который мы, к слову говоря, знаем плохо.

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. В том-то и беда, что знаем плохо. И мало делаем для того, чтобы узнать лучше запросы молодежи, запросы рабочих и колхозников.

Ин. ПОПОВ. Да и кадры поэтов-песенников пополняются медленно. Песенная поэзия требует особого дарования: столь трудно достигаемая простота высокого мастерства здесь непременное условие.

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. Иннокентий Евгеньевич, попробуем взглянуть на эту проблему в сугубо профессиональном, «технологическом» плане. Чем был ценен в роли партнера композитора такой, например, поэт, как А. Фатьянов? Он постоянно обогащал ритмически свою палитру, а очень многие поэты пишут все в одном излюбленном ими ритме.

Кроме того, в песне не должно быть «затемненной» мысли. Она должна быть прежде всего ясно и внятно выраженной. Если я читаю стихи, то могу сделать паузу, акцент на том или ином слове. В песне же мысль стихотворная разворачивается вместе с мелодией.

Песня — одна из самых сложных музыкальных форм. Не подумайте, что я пристрастен. Даже в лирической песне композитор и поэт останутся ораторами. Что, о чем, как говорят они — все это крайне важно. Создать хорошую песню труднее, чем отгадать все шесть номеров в спортлото. Кстати, мало у нас проводится за последнее время содержательных песенных конкурсов. А они могли бы значительно оживить творческую мысль, привлечь к созданию песен талантливых молодых композиторов и поэтов. Причем мне кажется, что конкурсы нужны не только всеобщие, как теперь, а локализированные по жанрам и темам. Скажем, на песню, посвященную той или иной профессии.

У нас сложилась традиция ежегодно отмечать дни металлургов, шахтеров, учителей, нефтяников, авиаторов и многих других профессий. В эти дни Всесоюзное радио и телевидение организуют большие праздничные концерты по заявкам трудящихся этих профессий. Как хорошо было бы, чтобы они услышали в этом концерте яркую песню о себе, песню, которая открывала бы программу и стала бы традиционной! Вот вам тематика для целой серии конкурсов.

Ин. ПОПОВ. Ну, это несколько спорно.

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. Но в споре рождается истина.

Ин. ПОПОВ. Обилие конкурсов легко может привести к их девальвации. Мне думается, важнее сконцентрировать усилия на нескольких, но наиболее творчески и общественно значимых конкурсах-фестивалях. Здесь мы явно отстаем от таких стран, как Польша, Болгария, ГДР, которые сумели сделать свои традиционные песенные фестивали событием международного масштаба. Наши сочинские фестивали вызвали к себе разное отношение, а нужно было не опускать рук, превратить их в традиционные. Кстати, на таких фестивалях выявляются не только лучшие песни, но и лучшие исполнители. Согласитесь, что в исполнительской практике у нас тоже немало просчетов.

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. В народе говорят, что на одном колу плетня не сплетешь, из одного полена костра не сложишь. Без исполнителей песня мертва. Я сравнил бы композитора с архитектором: тот также рисует, проектирует дом, но строят его другие, и от них, строителей, в конечном счете, зависит — стоять зданию или нет. Наши «инженеры-строители» — исполнители. Даже в рифму получилось.

Ин. ПОПОВ. От исполнительской манеры, от вкуса эстрадных певцов зависит многое, вы правы. И многое здесь за последние годы не удовлетворяет. Повсюду на эстраду пришел микрофон. И это естественно. Странно было бы отказываться от этого крупнейшего технического достижения. По идее, по существу своему микрофон должен помочь певцу расширить исполнительскую палитру, ярче и полнее раскрыть свою творческую индивидуальность. На деле часто оказывается наоборот...

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. Пользоваться им мало кто умеет. А если говорить о мастерстве исполнителей! Возьмем, например, Клавдию Шульженко, вспомним песни, которые она пела. В нашем представлении возникнет мир тонких, интимных чувств. Мы идем ее слушать и знаем заранее, что не разочаруемся, потому что это певица с большим вкусом, с индивидуальным подходом к лирической песне. Если мы идем слушать Утесова, то опять-таки перед нами предстает мастер высокого класса, обладающий неотразимо яркой индивидуальностью. Я не случайно ударился в историю. В старые времена исполнители годами пробивались на большую эстраду, а теперь радио, телевидение, грампластинки молниеносно создают артистам эстрады не всегда заслуженную популярность.

Ин. ПОПОВ. Мне довелось прослушать, начиная со второго тура, почти все вокально-инструментальные ансамбли, участвовавшие в прошлогоднем Всероссийском конкурсе артистов эстрады. Выступало немало одаренных коллективов. Но меня почти не покидало ощущение того, что зал Московского театра эстрады забит, переполнен звуками. Как правило, использовались нюансы лишь от фортиссимо и еще громче. Именно эта крайняя форсировка звука стирала, делала неразличимой индивидуальность исполнителей. Она же лишала песню поэтического образа.

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. Кто-то очень хорошо сказал, что сила шума, который способен воспринять человек, обратно пропорциональна его умственным способностям.

Ин. ПОПОВ. Шум, постоянный, подавляющий все эмоции шум! Я не случайно беру существительное не из музыкального лексикона. Пора отнестись с полной серьезностью к этой тенденции гипертрофированных звучаний вокально-инструментальных ансамблей.

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. Часто музыка превращается в изощренную пытку шумом. А может быть, мы, люди старшего поколения, просто отстали, не способны понять новое?

Ин. ПОПОВ. Нет, Василий Павлович. Проблема эта из эстетической переросла уже в медицинско-физиологическую.

Несколько лет назад в зарубежной прессе была опубликована интересная таблица, предложенная доктором Розеном из США. Он подсчитал, что по количеству децибел звучание авангардистского джаза равно взлету реактивного самолета и уступает лишь удару грома и старту космической ракеты. Но удар грома — это секунды, ракета быстро улетает, а авангардистский джаз гремит несколько часов подряд.

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. Восприятие музыки требует сосредоточенности, внимания, часто поэтического, лирического настроя.

Мы же привыкли к звучащему фону и... отвыкли от музыки. Если я вдруг замечаю, что нахожусь в абсолютной тишине, мне кажется это уже странным.

Вспомните миф об Орфее. Он укрощал диких зверей, передвигал горы, пользуясь выразительной силой поэтичной песни, кантиленного пения.

Ин. ПОПОВ. Ну, уж если вспоминать сегодня миф об Орфее, то наиболее актуально звучит его финал. Как вы, вероятно, помните, в варианте Овидия Назона, дошедшем до нас, Орфей в конце концов был растерзан вакханками, которым не понравилось его пение. Как бы нам всем не оказаться в переносном смысле в положении античного мифического героя.

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. Месть была бы в какой-то мере справедливой.

Ин. ПОПОВ. Мы упрекаем молодежь за дурной вкус, забывая, что многое в легкой музыке предназначено именно для нее. Значит, она вправе требовать.

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. Так что же вы предлагаете — безоговорочно ориентироваться на ее вкусы?

Ин. ПОПОВ. Нет. Просто «изобрести» какие-то конструктивные меры по воспитанию молодой аудитории, не ограничиваясь обвинениями в пристрастии к «ритмам».

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. Мы к этой проблеме во время нашей беседы все время подходили или пытаемся подойти с разных сторон. Есть в ней много и эстетически невыясненного. Как вы, например, отнесетесь к такой формулировке: вкус — это ограничение слушательских устремлений определенными рамками? В условиях чрезвычайной усложненности структуры нашей легкой музыки, или, как вы говорите, массового музыкального быта она вполне имеет право на существование.

Ин. ПОПОВ. Не совсем так. Не ограничение слушательских устремлений...

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. Почему бы и нет?

Ин. ПОПОВ. Потому что невозможно «заключить в рамки» диапазон транзистора. Не стоит ограничивать — надо сконцентрировать внимание на лучших, эстетически наиболее содержательных произведениях музыки. А всегда ли, например, целенаправленно используется вся мощь массовых каналов информации?

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. Мне думается, это от нас, профессионалов, и первую очередь зависит. Мы должны быстрее договориться о достоинствах и недостатках той или иной новой песни и затем, придя к определенному решению, последовательно пропагандировать.

Ин. ПОПОВ. Вот именно. Во многих зарубежных странах, кстати говоря, продюсеры телевидения, радио, фирм звукозаписи быстро договариваются о том, какую эстрадную песню «сделать шлягером». Здесь нам оперативности явно недостает.

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. Ну, знаете, такой оперативности нам и не нужно.

Ин. ПОПОВ. Наши радио, телевидение, фирма «Мелодия» делают очень многое для воспитания эстетического вкуса массового слушателя.

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. Да, но в сфере музыки серьезной.

Ин. ПОПОВ. В области же так называемой «легкой музыки», о которой мы ведем речь, дело обстоит по-иному. Оперативности все-таки не хватает. Особенно это сказывается в работе фирмы «Мелодия». От создания песни до тиража пластинки с ее записью проходит несколько лет.

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. Вот здесь я с вами совершенно согласен.

Ин. ПОПОВ. Кино может очень активно влиять на массовую аудиторию. Музыкальные фильмы всегда идут с аншлагом: они в зримой форме раскрывают сущность песни.

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. Раньше кинорежиссеры требовали, чтобы для фильма была написана песня, которую обязательно бы запел народ. А теперь? Они мало взволнованы тем, чтобы песня с экрана вошла в быт. Вот и получается, что в лучшем случае из кино песня «убежит» на эстраду, а в народ — редкий случай.

Ин. ПОПОВ. Например, песни М. Таривердиева из «Семнадцати мгновений весны».

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. А еще?

Ин. ПОПОВ. Трудно вспомнить.

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. А ведь кинофильм, телефильм — один из самых мощных факторов формирования эстетического вкуса. Сейчас вкус этот порой формируется стихийно. В быту чего только не услышишь.

Ин. ПОПОВ. Это очень важная и совсем незатронутая — ни создателями, ни пропагандистами — область музыки. Именно поэтому, в частности, я все время подчеркиваю, что надо ввести новый, более широкий термин — «массовый музыкальный быт».

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. Взять музыку, которая звучит в кафе и ресторанах, на стадионах, в парках. Это же тоже огромная область, в которой царит полный беспорядок. Ресторанный и эстрадный репертуар смешался в неразличимое целое. Правда, в Прибалтике, например, очень внимательно относятся к музыке в ресторанах. Там создаются специальные концертные программы, которые надо не только слушать, но и смотреть. И есть специальные перерывы для танцев. В программах принимают участие прекрасные певцы.

Можно сказать, что в быту музыка «выдается» в принудительном порядке. Если бы я знал заранее, что в таком-то месте играет бит-группа, то с удовольствием предоставил бы свое место за столиком поклоннику этого направления, а сам пошел бы туда, где пианист, может быть, даже и невидимый посетителям, слегка наигрывает джазовые импровизации. Я не могу даже понять, от чего идет пренебрежительное отношение к этим музыкальным формам? Это же быт! Здесь тоже определяется уровень вкуса, о воспитании которого мы столько говорим. А пока мы пожинаем плоды собственной нерасторопности. Как теперь восстановить престиж русской народной песни «Шумел камыш»? Не ждет ли такая же участь и некоторые другие прекрасные песни, опошляемые чудовищной аранжировкой и бестактным исполнением не к месту? Надо научить людей обращению с музыкой. Нельзя все сваливать на то, что молодым нравятся танцевальные ритмы, и только. Мелодия никогда не умрет, и попытка заменить ее — лишь временное отступление. В начале 30-х годов тоже мало песен пели, в основном это были строевые, я бы сказал, аскетические песни. И только когда появился Дунаевский с его пышной, нарядной оркестровкой, народ запел. Мы стоим, как мне кажется, накануне нового толчка, перелома в песенных жанрах.

Ин. ПОПОВ. Я думаю, что у нас есть композиторы и поэты, способные это сделать.

Конечно, многое в области легкой музыки еще не решено, не прояснено. И тем не менее, дорогой Василий Павлович, мы с вами невольно оба впали в излишне пессимистичный тон.

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. Я и не впадал!

Ин. ПОПОВ. Не так уж плохо обстоит дело с легкой музыкой! Каждый год рождается немало ярких произведений. А Пахмутова, О. Фельцман, Э. Колмановский, М. Таривердиев, недавно скончавшийся А. Островский — все это признанные мастера жанра, если говорить только о песне. Легкая музыка становится с каждым годом все более многонациональной. Очень существенно, что ряд крупных мастеров-симфонистов систематически обращается к легкой музыке, создавая произведения, равно доступные знатокам и простой публике, сохраняя традиции Д. Шостаковича, Т. Хренникова, А. Хачатуряна. Его «Танец с саблями», как вы, конечно, помните, вот уже несколько десятилетий абсолютный чемпион мира по репертуарности исполнения... Успешно развивают эстрадную музыку Андрей Эшпай, Родион Щедрин, Андрей Петров. Примеры эти нетрудно продолжить.

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. Вы, как опытный полемист, опередили меня. Я как раз собирался назвать эти имена и прибавить к ним еще несколько ленинградцев, чье творчество заслуживает высокой оценки.

Ин. ПОПОВ. Но рождению новой песни и, главное, утверждению ее во многом должна способствовать и пропаганда, в первую очередь, конечно, средства массовой информации: радио, телевидение, кино, газеты и журналы. Следует всячески поддержать инициативу «Литературной газеты», которая за последние годы уже не в первый раз поднимает серьезный вопрос о роли музыки во всех сферах человеческого бытия.

В. СОЛОВЬЕВ-СЕДОЙ. Тут я полностью с вами согласен.

Запись диалога
Л. ПОЛЬСКОЙ

ЛЕНИНГРАД

ИЗ ПОЧТЫ

ДИСКУССИИ

ОТ 17 ДО 50

Уважаемый Леонид Утесов!

Ряд был прочитать в вашей статье «Эхо модных ритмов» аса 100 процентов собственных мыслей о современной музыке. И мама заботят иные молодые любители «легкой» (облегченной) музыки. И меня удивляет то, что у некоторых молодых людей полностью отсутствует ощущение самой музыки — мелодического рисунка — и они увлекаются ритмами, боюсь, что это во многом определяется недостатками эстетического воспитания. И еще я беспокоюсь, что такое обеднение музыки (музыкального вкуса) есть следствие обеднения души.

По профессии я инженер-электроник. Но никогда я не допускал мысли, что полупроводники и лампы могут вытеснить из моей жизни красоту и гармонию. Мне 52 года, но, слушая иной раз нудное дребезжание, а такт которому молодые люди с азартом хлопают себя по ляжкам, я считаю себя моложе их и не думаю, что так уж устарело старое танго, в котором, кроме ритма, мелодии и гармонии, есть душа.

Ю. ДРУЖИНИН

ИЖЕВСК

■

Меня очень затронула статья «Эхо модных ритмов» («ЛГ», № 35). Я перешла в 10-й класс, год назад закончила музыкальную школу. Люблю классическую музыку, но не представляю наш дом и без эстрадной. И прежде всего прошу извинения у Леонида Осиповича Утесова за то, что позволяю себе спорить с ним. Сразу оговорюсь: очень люблю слушать и «Замаяную», и «Катюшу», и многие из песен композиторов — продолжателей традиций И. Дунаевского и В. Соловьева-Седого. И полностью согласна с Леонидом Осиповичем, что советская песня развивается соответственно времени.

Но виноват он молодой человек, что песни на его кассете — всего лишь однодневные шлягеры? Был ли у него выбор? Не спорю, сейчас много хороших песен, но ему нравятся, например, современные ритмы, под которые можно танцевать современные танцы. Как же быть, если «настоящих» песен на основе танго ритмов единицы (и то начали появляться лишь в последнее время)? И вот тут я присоединяюсь к призыву Леонида Осиповича Утесова. Напомню, он приглашал поэтов писать слова, которые достигли бы сердца слушателей, повлияли на вкус. И хочу добавить от себя: пишите побольше таких слов для современных песен с модными ритмами, и тогда, я уверена, гораздо меньше будет «однодневок».

Думаю, что старинные народные напевы и песни сегодняшнего дня, с «заводными» ритмом могут сосуществовать так же, как классическая и эстрадная музыка. Я — за создание НОВЫХ песен на основе народной мелодии... с модным ритмом. Да, я — за такое сочетание нового с новым, я не за обработку старинных песен. Так что это не бегство в прошлое, а заимствование. Из прошлого надо взять лучшее, способное обогатить современную музыку. И если уж обработка, то профессиональная и безупречная.

Но может быть, увлечение ритмами шейка зашло в тупик?

Нет, у них есть будущее! Это те самые электрические, электронные ритмы, которым Леонид Осипович Утесов противопоставляет песню «Ромашки-лютики». Электронная музыка создаст совершенно необычные и новые музыкальные формы. Ведь электронную музыку породили электронные ритмы. Так ли уж губительно действует мода на развитие эстрады?

Во всем же остальном я согласна с Леонидом Осиповичем. И хочу, по его примеру, призвать: не отвергайте музыкальную моду (время есть время), управляйте ею! Композиторы и поэты, напишите больше именно современных хороших песен, способных воспитывать и волновать!

Наталья ВАСИЛЬКЕВА

СВЕРДЛОВСК

■

Не совсем разделяю озабоченность Леонида Утесова по поводу «иных молодых любителей «легкой»... музыки» и тем более не согласен с термином «облегченная музыка», сказанным вроде бы в широком смысле слова.

Популярная музыка — у всех она магнитофонных лентах? Да, у многих. Это, на мой взгляд, особая тема, и я позволю себе остановиться на ней подробнее, тем более, что являюсь представителем «магнитофонного» поколения, как порой называют двадцатилетних.

Молодым людям такая музыка нравится своей динамичной, оригинальностью, темпом. Под нее хорошо танцевать.

Другое дело, что нельзя увлекаться только такой музыкой. Но и отрицать это направление в музыке середины XX века нельзя. Нельзя просто заявить: «Опиум моды губительно действует на развитие эстрады, на поиски новых во музыкальных форм».

Совершенно согласен с Леонидом Осиповичем в том, что у нас почти нет хороших в полном смысла этого слова ансамблей, нет индивидуальностей.

Недавно я был на концерте в кинотеатре «Октябрь». Первое отделение состояло из выступления молодых исполнителей Слободкина и Пугачевой. Макары их были неестественны, а в репертуаре не было ни одной из тех песен, которые Утесов назвал в конце своей статьи. Лично я запомнил два песни: «Давай поговорим», которую я слышал часто раньше, и «Два души», поскольку музыка ее сильно напоминала арию одной из популярных на Западе бит-опер.

Не согласен я со следующим критическим абзацем: «...масса музыкально и словесно невнятных произведений пасмурного жанра, которые мусолят на тысячу ладов одно и то же: придет — не придет, первая встреча — последняя встреча, любите красивых — не любите красивых».

Не спорю, есть лирические песни о любви, которые, что называется, не получились у их авторов. Но сколько мы знаем отечественных и зарубежных песен и мелодий, которые бумаленно вызывают слезы на глазах! Это знаменитые магомаевские «Не спеши», «Прощение», «Благодарю тебя», «Мелодия», песня из фильма «История любви», музыка из фильмов «Генералы песчаных карьеров» и «Мужчина и женщина». Другое дело — «серия» так называемых шуточных песен на тему любви. Мне кажется, подобные вещи не должны заполонить нашу эстраду, и уж во всяком случае не в таком количестве.

Нужны песни не только для сердца и ума, но и для работы ног, поверьте, Леонид Осипович!

Игорь ЛОБОВСКИЙ,
студент

МОСКВА

СВИДЕТЕЛЬСТВО ОЧЕВИДЦА

ЗА ЧАС ДО СМЕРТИ

На улицах Сантьяго в встречаю людей, с которыми успел подружиться во время своих прежних поездок в Чили, и первое, о чем они просят меня, — это чтобы я поскорее уничтожил свой блокнот, где записаны их имена, адреса, а иногда и номера телефонов. Они говорят, что если меня задержит полиция, то уже одного факта, что они знакомы с иностранным журналистом, достаточно, чтобы их посадили за решетку.

Тюрьмы города переполнены, основной метод допроса — пытки. В стране все еще не отменено военное положение и царит террор. Повсюду — следы угнетения, насилия и нищеты.

Да, в витринах магазинов появились товары, которые исчезли год тому назад в результате саботажа коммерсантов и политики финансовой блокады, проводившейся с 1970 года крупнейшими международными фирмами и банками. Но покупать некому. По сравнению с сентябрем 1973 года покупательная способность средней чилийской семьи сократилась в пять раз. В одной из газет я прочел объявление, призывающее покупать поношенную обувь. Один номер журнала «Ке паса», например, стоит 600 эскудо, но не всякая семья получает такую сумму за целый рабочий день. На медных рудниках дежурят патрули «карабинеросов» с автоматами наизготовку — эта мера «способствует повышению производительности труда». На предприятиях и в учреждениях продолжается сокращение рабочих и служащих. Недавно правительство сообщило о предстоящем сокращении еще ста тысяч служащих государственных учреждений.

В Сантьяго друзья помогли мне встретиться с тщетно разыскиваемым полицией бывшим сенатором-коммунистом, а ныне одним из организаторов подпольной партийной работы. Он сказал: «Только силой можно вынудить диктатуру изменить свои планы. Под силой мы подразумеваем борьбу масс, укрепление единства чилийцев. Сейчас нужно добиться прекращения пыток, чтобы арестованные доживали до суда, а не гибли в тюрьмах». Иногда заключенным, приговоренным к смертной казни, удается передать на волю весточку о себе. Вот одно из таких писем. Человека, написавшего его, звали Хосе Сампсон Окоранса. 29-летний Окоранса был секретарем общины Иккике. В дни путча он находился в Сантьяго, где перенес операцию. Его арестовали и отправили в концентрационный лагерь Писагуа, где и расстреляли вместе с чиновником таможни Хуаном Антонио Руисом, секретарем организации социалистической партии провинции Тарапака Фредди Таберной и профессором университета Умберто Лисарди Флоресом.

Вот это письмо:

«Писагуа, сентябрь 1973 г. За час до смерти.

Дорогие мои старики, простите меня за страдания, которые я вам причиняю. Если бы я мог, то постарался бы вас от них избавить. Надеюсь, что это письмо вам передаст один знакомый священник... Жаль, что я не совершил того, в чем меня обвиняют. За себя я не боюсь, мне только вас очень жалко. Надеюсь, настанет такой день, когда вы увидите нашу родину свободной. Я знаю, что малыши и Хуана найдут у вас приют и помощь. Настанет день, и товарищи продолжат мое дело. Сегодня, больше чем когда-либо, я сознаю, что наше дело правое. Но почему нас убивают?

Тебе, мой старик, я хотел бы сказать так много. Хорошо бы выпить с тобой стаканчик в нашем клубе...»

И. МОРЕТТИ,
итальянский журналист
САНТЬЯГО

(Перепечатывается с сокращениями из журнала «Темпо»)

С МЕСТА СОБЫТИЯ

СТИРЛИНГ ХОЧЕТ СТРЕЛЯТЬ...

Он заучно щелкнул каблуками и отчеканил:

— Малколм Хендерсон, заместитель председателя. Что вам угодно?

Этот человек с военной выправкой быстрее всех откликнулся на сигнал «SOS», переданный аахтером в телефонную трубку: «Пришел русский журналист...» Спустя несколько секунд я оказался в плотном кольце плечистых парней.

— Я хотел бы поговорить с полковником Стирлингом.

— Он сейчас стреляет в Шотландии,—ответил Хендерсон.

— Стреляет?!

— Я хотел сказать, охотится...

Символичная оговорка! Завзятый охотник Дэвид Стирлинг в последнее время все чаще выражал желание «пострелять дичь покрупнее». Он предлагал свои услуги расистскому режиму Родезии и феодальным правителям ряда государств Персидского залива: могу, мол, сформировать армию наемников для борьбы с «контрреволюционерами». А с середины нынешнего лета занялся созданием организации «Великобритания-75». Ее задача — борьба с массовыми выступлениями трудящихся. Потому-то такой переполох вызвало появление в штаб-квартире новой организации советского корреспондента.

Я обнаружил здесь проспект, который в конфиденциальном порядке рассылается будущим штурмовикам. Из него явствует, что подготовка военизированных отрядов начнется в специальных лагерях с середины октября. Молодчиков будут перебрасывать на вертолетах в районы забастовок. Они должны захватывать заводы, фабрики, электростанции (чтобы работать на них штрейкбрехерами), арестовывать бастующих — в общем, как подчеркивается в проспекте, «восстанавливать законность и порядок».

Однако планы полковника значительно шире. «Необходимо, чтобы юноши 15—16 лет в общенациональном масштабе вместо учебы в школе в течение года проходили специальную подготовку по борьбе с забастовщиками»,— говорится в проспекте. Читаю этот бред и вспоминаю высказывание английской газеты «Морнинг стар» по поводу программы Стирлинга: «Так начинался нацизм».

В последний месяц на Британских островах все громче раздаются нацистские лозунги, все больше активизируются реакционные элементы. Бывший главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО в Северной Европе генерал Уокер в начале сентября заявил, что его «армия патриотов», получившая название «гражданская помощь», насчитывает уже свыше 100 тысяч «добровольцев», готовых немедленно «взяться за дело». Под «делом» Уокер имеет в виду «спасение Англии от коммунистов и профсоюзов». Генерал призывал «создать ячейки «гражданской помощи» во всех городах и поселках страны». Рвутся в бой и две другие ультраправые организации, которые откровенно проповедуют расистскую, антикоммунистическую идеологию: так называемый «национальный фронт» и «мванди клаб», кстати, состоящий в основном из членов консервативной партии.

Почему же именно сейчас подняли голову английские неофашисты? В значительной степени это связано с обострением экономического кризиса, неуклонным ростом инфляции и безработицы в стране. Исторический опыт показывает, что именно в такие моменты усиливается опасность распространения нацизма.

Реакция пользуется этим и сознательно нагнетает обстановку, пытаясь запугать рабочий класс Англии, который развернул решительную борьбу за свои права. Кроме того, она пытается повлиять на результаты всеобщих выборов, ожидаемых в ближайшие недели.

...Выхожу на улицу. У подъезда штаб-квартиры полковника Стирлинга собралась большая группа юношей и девушек. В руках у них плакаты: «Нет — нацизму!», «Наша сила — в единстве!». Англичане не намерены мириться с вылазками реакции, они хорошо понимают, что успешный отпор фашизму можно дать только сплоченными и решительными действиями.

М. ОЗЕРОВ,
корреспондент ТАСС — специально для «Литературной газеты»
ЛОНДОН. (По телефону)

СЕМЬ ДНЕЙ В СЕНТЯБРЕ...

С МЕСТА СОБЫТИЯ

«ОПАСНЫЕ СВЯЗИ»

Те, кто стоял у истоков этого «дела», скорее всего сами не предполагали, какой оборот оно примет. А между тем происшедшая история достаточно симптоматична для нынешней обстановки в ФРГ.

Началось с того, что в последних числах августа «сенат вольного и ганзейского города Гамбурга» (так по традиции называют гамбургский муниципалитет, приравненный в правах к земельному правительству) отказал двум педагогам-коммунистам в приеме на работу в городские учебные заведения. Дискриминация членов ГКП на основе печально известного «указа о радикалах», принятого под давлением ХДС/ХСС премьерами земель ФРГ еще в 1972 году, стала в стране обычным делом. Бесподобный этот циркуляр, как известно, закрывает коммунистам путь к службе в учреждениях и школах, то есть, по сути дела, лишает их гарантированного конституцией права работать по профессии.

В данном случае речь идет об учителе Уве Посте, который к тому же возглавляет одну из первичных организаций Союза социалистической немецкой рабочей молодежи, и учительнице Зигрид Гент, участвовавшей в работе съезда Германской коммунистической партии. В силу таких «отягчающих обстоятельств» «отцы города» были единодушны в своем отказе, не предвидя никаких осложнений.

Правда, профессор Клюк, возглавляющий в Гамбурге ведомство юстиции, выразил свое несогласие с решением. Этот известный юрист, деятель СаДП, заявил, что, по его мнению, членство в ГКП — легальной политической партии — не дает ни малейшего основания для недопущения к работе в учебных заведениях. Сенаторы пренебрегли особым мнением Клюка.

Однако уже на следующий день собралась фракция свободных демократов в гамбургском городском собрании и единодушно поддержала позицию Клюка. Заместитель председателя фракции Герхард Вебер прямо заявил, что решение сената по делу Гент и Поста является нарушением Основного закона ФРГ. «Мы, — сказал Вебер, — похоронили «холодную войну» не для того, чтобы вновь создавать внутри страны антикоммунистический фронт». И добавил, что он принципиально и категорически против преследования людей за их убеждения.

Тут-то и началась свистопляска. День спустя правые газеты, и прежде всего пресловутая «Бильд-цайтунг», под аршинными заголовками поведали читателям о том, что «Вебер подозревается в опасных контактах с Востоком» и что он «представляет собой угрозу для политической безопасности» вольного города. Шпрингеровские газетчики сообщили, будто местное отделение ведомства по охране конституции накопило на Вебера соответствующий «компрометирующий материал». Кто же он такой, этот человек?

42-летний Герхард Вебер— известный в Гамбурге общественный и политический деятель. Еще во времена «холодной войны» он открыто выступал за улучшение отношений с Советским Союзом. С начала 60-х годов Вебер возглавляет западногерманский филиал «Христианского союза молодых людей» — международной либеральной организации, поставившей своей целью укрепление дружбы между молодежью разных стран. По его инициативе тысячи жителей Гамбурга побывали в Советском Союзе, а многие молодые ленинградцы посетили западногерманские «ворота мира», как с гордостью называют гамбуржцы свой родной город. Фракция СаДП в городском собрании выдвинула Вебера после мартовских выборов на пост заместителя председателя. Он возглавляет созданное в Гамбурге Общество западногермано-советской дружбы.

Травля Вебера вызвала возмущение в широких слоях западногерманской общественности, а гамбургская организация СаДП единодушно потребовала от сената полной его реабилитации. «Отцы города» стоят перед выбором — либо сдать свои позиции, либо обосновать выдвинутые обвинения фактами. Сделать первое они не хотят, а второе не могут. Мучительная дилемма! Между прочим, в беседе с вашим корреспондентом Вебер не без юмора заметил, что инкриминируемые ему прегрешения, по-видимому, представляют собой столь важную государственную тайну, что даже ему самому в гамбургском ведомстве внутренних дел отказались что-либо сообщить по этому поводу.

Нельзя не заметить, что такая, с позволения сказать, позиция городских властей весьма слабо согласуется с провозглашенной правительством ФРГ политикой поощрения контактов между Западом и Востоком.

Н. ПОРТУГАЛОВ,
собственный корреспондент АПН — специально для «Литературной газеты»
БОННН. (По телефону)

ПЕРЕД СОВМЕСТНЫМ ПОЛЕТОМ. Командир «Аполлона» Т. Стаффорд и командир «Союза» А. Леонов во время тренировки.

ВРЕМЕНИ ВОПРЕКИ

КОСМИЧЕСКИЕ ОПУСЫ ФОЯ КОЛЕРА

Подготовка к совместному советско-американскому космическому эксперименту идет нарастающими темпами. Обмены делегациями специалистов, совместные тренировки космонавтов, технические испытания становятся все интенсивнее.

Однако не всех радует подобная перспектива. Определенные круги США сейчас были бы рады бросить тень на этот этап научного сотрудничества, очернить предстоящий совместный эксперимент — именно потому, что он совместный, что он способствует установлению нормальных отношений между странами, пробуждает интерес и симпатии рядовых американцев. При этом используются все средства — от газетных статей до «исторических исследований».

Вот одно из них. Центр перспективных исследований университета Майами недавно выпустил книгу «Американо-советское сотрудничество в космосе». Предисловие к ней написал бывший посол США в Советском Союзе Ф. Колер.

Авторы книги Д. Харвей и Л. Сиккорити утверждают, что они стремились сделать книгу как можно более «документальной». Однако что же это за документы? В свое время, занимаясь изучением политических и социальных аспектов национальной космической программы США, я ознакомился с множеством соответствующих официальных документов и работ американских специалистов. Тем отчетливее бросается в глаза до предела тенденциозный подбор материалов в книге. Хорошо известно, что можно, ловко манипулируя источниками, доказать, что белое — это черное. Авторы это и делают. Так, они утверждают, что между СССР и США не было сотрудничества в первые годы космической эры из-за «нежелания советской стороны».

Однако истина в другом. Официальные заявления Советского правительства, высказывания лидеров США, и в первую очередь президента Кеннеди, свидетельствуют о том, что попытки найти те или иные формы сотрудничества между двумя странами в значительной степени сводились на нет противодействием определенных американских кругов. Тот же Ф. Колер, вернувшись в конце 60-х годов из Москвы, вместе с другими «исследователями» своими крикливыми выступлениями внес немалый вклад в разжигание атмосферы недоверия к Советскому Союзу. Именно из-под их пера выходили статьи, содержавшие истерические призывы не к сотрудничеству, но к соперничеству в области космонавтики (можно напомнить о таких статьях в журналах «Орбис», «Сайенс», «Эйр форс» и других).

Время идет вперед. Место конфронтации все больше занимает сотрудничество. В советско-американских отношениях происходят знаменательные перемены. А бывший посол в Советском Союзе и его единомышленники не желают замечать происходящего, цепляются за свою позицию. Они не видят даже находящегося по соседству космодрома на мысе Канаверал, где полным ходом идет подготовка к старту «Аполлона» для последующей стыковки с «Союзом».

Ф. Колер пытается заранее опорочить результаты предстоящего совместного эксперимента, утверждая, что в области, связанной с разработкой техники для сближения и стыковки, Советский Союз «испытывает наибольшие трудности». Нужно ли напоминать столь «компетентному» автору подобных «открытий», что технические руководители проекта «Аполлон» — «Союз» с американской стороны и сами американские космонавты дали высокую оценку техническому оснащению советских космических кораблей, тренажеров и лабораторий? Он все равно будет уверять, что Советский Союз выбрал в качестве объектов для совместных проектов «именно те области, в которых США уже имеют неоспоримое техническое преимущество». На первый взгляд это звучит парадоксально: зачем же «отсталому» Советскому Союзу кидаться в области, где его отсталость станет видна всему миру? Но Колер знает, что говорит: он хочет внушить мысль, будто советские космонавты и не космонавты вовсе, а «технические шпионы», которые имеют единственную цель: выведать секреты американских кораблей.

Бессмысленно также приводить авторам этой книги мнение ученых и руководителей космической программы США, которые считают международное сотрудничество наиболее эффективным методом реализации крупных космических проектов. Авторы и так знают, что руководитель отдела программ исследования Луны и планет НАСА Р. Кремер заявил: от четверти до трети всех запусков к планетам в 70—80-х годах мыслятся как международные проекты. Кремер считает весьма вероятным совместный советско-американский эксперимент по исследованию Марса автоматическими аппаратами в 1984 году. А директор НАСА Дж. Флетчер назвал международное сотрудничество «единственным реальным средством реализации таких грандиозных замыслов, как создание крупной станции на околоземной орбите, научной базы на Луне или экспедиция космонавтов на Марс».

Авторы все это знают, но замалчивают. Ибо их цель — перенести «холодную войну» с земной поверхности, где она, по-видимому, выдыхается, в космос. Авось там климат окажется более подходящим!

В заключение стоит отметить, что выводы «исследователей» из университета Майами не вызывают, увы, понимания у широкой американской общественности. Лаконичный бюллетень службы Харриса свидетельствует: 81 процент всех опрошенных рядовых американцев высказались недавно за дальнейшее тесное взаимодействие двух стран в космосе.

Г. ХОЗИН,
старший научный сотрудник Института США АН СССР

С МЕСТА СОБЫТИЯ

ЖАРКОЕ ЛЕТО ПОРТУГАЛИИ

В первые же дни после свержения диктаторского режима в Португалии можно было видеть, как известные своими правыми взглядами реакционеры демонстративно щеголяли по улицам с красной гвоздикой в петлице — символом событий 25 апреля. Однако прошло некоторое время, и стали проявляться сначала осторожные, а потом все более настойчивые и наглые попытки реакции перейти в контрнаступление, подорвать процесс демократизации общественно-политической жизни в стране. Возрождаются прежние политические организации, хотя и под новыми «невинными» названиями, вроде «партии прогресса», «партии социал-демократического центра» и тому подобное. Стали выходить газеты, которые открыто ведут антиправительственную пропаганду, атакуют «Движение вооруженных сил», не брезгуя при этом никакими средствами.

Правые элементы среди офицеров составили даже некий «манифест», который распространялся в войсках и имел целью, как пишет газета «Республика», «создать обстановку, благоприятную для возникновения правого уклона в Движении 25 апреля». Организаторы кампании старались всячески очернить и оклеветать офицеров, наиболее отличившихся во время событий 25 апреля. Так, отмечает «Республика», клеветники обвинили офицеров из координационной комиссии «Движения вооруженных сил», которым страна обязана своим освобождением от фашизма, в том, что те якобы «попали под влияние определенных левых политических течений». Нетрудно догадаться, о чем идет речь.

Попыткам расколоть вооруженные силы и скомпрометировать их достойных представителей был дан решительный отпор. В своем выступлении по телевидению два влиятельных деятеля «Движения вооруженных сил» — министр без портфеля майор Мелу Антуниш и член координационной комиссии капитан третьего ранга Витор Крешпу — разоблачили клеветников. Начальник генерального штаба генерал Кошта Гомеш потребовал, чтобы все военнослужащие «сохраняли бдительность в отношении происков реакции, разоблачали их и давали им отпор».

«Излюбленный» мотив реакции сегодня — это старая песенка о «коммунистической угрозе». Ее исполнители не жалеют денег на изготовление и распространение клеветнических плакатов и надписей: многие здания в Лиссабоне буквально залеплены подобной пачкотней. Недавно полицией в центре столицы, у здания министерства обороны, была арестована группа молодчиков из «португальского народного движения», занимавшихся расклейкой антикоммунистических плакатов. Печать подчеркивает, что все они родом из «состоятельных семей, известных своими связями в прошлом с фашистским режимом».

Молодой португальской демократии приходится вести борьбу и против случаев экономического саботажа, которые участились в последнее время.

Несколько дней назад реакционеры пошли на прямую диверсию: крушение железнодорожного поезда на севере Португалии, которое лишь по счастливой случайности не привело к человеческим жертвам.

Тот факт, что перемены в стране и ее бывших колониях встречают отчаянное сопротивление реакции, подтверждают и события в Мозамбике.

Как известно, в ночь с 7 на 8 сентября группа белых «ультра» численностью около сотни человек ворвалась в помещение «Радиоклуба Мозамбика» в Лоренсу-Маркише и захватила его. Бунтовщики также овладели контрольной башней аэропорта. Другая группа мятежников освободила из местной тюрьмы более двухсот сотрудников бывшей фашистской политической полиции ПИДЕ. Через захваченную радиостанцию реакционеры постоянно подстрекали жителей Мозамбика к неповиновению португальским властям в Лиссабоне, которые «предали их интересы», и к выступлению против ФРЕЛИМО.

В первые дни они держались весьма нагло, заполняя эфир отчаянной клеветой на португальское правительство и ФРЕЛИМО, но затем агрессивный тон их радиопередач начал понемногу спадать, особенно когда они убедились, что не пользуются широкой поддержкой населения и что мятеж обречен на провал.

Пока еще не опубликованы подробные данные о том, кем и как был организован этот бунт «ультра». Однако уже известно — и об этом пишет лиссабонский еженедельник «Семпре Фише», — что он стал возможным в результате попустительства со стороны отдельных португальских «ответственных лиц» в Лоренсу-Маркише, которые заранее знали о готовящемся мятеже. Еженедельник называет, например, имя местного комиссара полиции Сегураду, работавшего в прошлом в ПИДЕ.

За спиной заговорщиков в Лоренсу-Маркише стояла и некая организация или по крайней мере несколько влиятельных политических деятелей, которые обещали им активную поддержку и «гарантировали» успех. Когда же бунтовщики уже начали действовать, их покровители в Лиссабоне неожиданно отступили. Это вызвало у руководителей «ультра» приступ бешенства и отчаяния. Лидер бунтовщиков Гомеш душ Сантуш воскликнул: «Что ж, значит, в Лиссабоне так и не произошло никакого государственного переворота?!»

Лишенные поддержки, заговорщики капитулировали. Но перед тем, как бежать из страны, они призвали своих сторонников «продемонстрировать силу». Молодчики из числа «ультра» на машинах ворвались на окраину Лоренсу-Маркиша, где проживает негритянское население, и устроили там настоящую резню, спровоцировав кровавые расовые столкновения, приведшие к многочисленным жертвам.

События «жаркого лета», как пишет в своей передовой газета коммунистов Португалии «Аванте», указывают на то, что речь идет о согласованных, заранее запланированных и осуществляемых по единой команде действиях реакционеров. Вынужденная отступить, реакция стремится сохранить свои силы, с тем чтобы в удобный момент перейти в контратаку. Со всей решительностью, подчеркивает «Аванте», надо проводить чистку государственного аппарата, бороться против экономического саботажа, запретить фашистскую контрреволюционную пропаганду. «Быть начеку, сохранять бдительность, разоблачать все происки и заговоры реакции» — этими словами заканчивается статья.

«Фашизм не пройдет!» — эти слова стали сегодня лозунгом всех португальских демократов.

Э. КОВАЛЕВ,
собственный корреспондент ТАСС — специально для «Литературной газеты»
ЛИССАБОН. (По телефону)

ШТРИХИ

КЛИМАТ ПЛАНЕТЫ

Примерно с 1960 года метеорологи все больше убеждаются в том, что во всей системе погоды на земном шаре что-то разладилось: по их мнению, климат на Земле начинает меняться; симптомы такого изменения специалисты обнаружили не только в Европе, но почти во всех районах земного шара.

В период между 1890 и 1945 годами ученые отмечали постепенное потепление земного климата. Среднегодовая температура на земном шаре повысилась за это время приблизительно на 0,7 градуса, а поблизости от полюсов стало теплее даже на несколько градусов по Цельсию.

Такого, на первый взгляд, незначительного повышения температуры оказалось достаточно, чтобы существенно сократились ледяные поля, покрывающие 6 процентов поверхности Земли. Общая площадь плодородных земель на земном шаре в эти годы постоянно увеличивалась. В Западной Европе климат приобретал все более континентальный характер.

Однако в середине 40-х годов, с появлением атомной бомбы (но, конечно, не из-за нее) развитие пошло в обратную сторону. Все чаще можно было встретить в литературе вопрос: не наступит ли в ближайшем будущем новый ледниковый период?

Специалисты с озабоченностью наблюдают за изменением климата в мире не в последнюю очередь потому, что климат меняется главным образом в тех широтах, которые заселены особенно густо и где производится основная часть продовольствия. Если климат будет и дальше ухудшаться, предостерегает американский ученый Рейд Брайсон, директор Института изучения окружающей среды при Висконсинском университете, то вскоре, возможно, «все человечество попадет в беду».

Конечно, большинство климатологов и метеорологов, в силу своей профессии проявляющих осторожность в том, что касается долгосрочных прогнозов, относятся скептически к подобным предсказаниям. Однако пессимисты рекомендуют уже сейчас принять меры предосторожности.

«Шпигель» (ФРГ)

События в Эфиопии, приведшие к низложению императора Хайле Селассие I, произошли на фоне широкого движения трудящихся страны, требовавших коренных социальных изменений.

На снимке: демонстрация в Аддис-Абебе. Ее участники выступили под лозунгами увеличения заработной платы и проведения реформ.

Фото из газеты «Пэзе сера» (ИТАЛИЯ)

Сегежский ордена Ленина целлюлозно-бумажный комбинат — одно из крупнейших предприятий отрасли — в нынешнем пятилетии вдвое увеличивает свою мощность.

Фото С. МАНСТЕРМАМА (ТАСС)

ОДНАКО НЕ БУДЕМ ТЕРЯТЬ ОПТИМИЗМА...

ЕЩЕ РАЗ О ЗЛОКЛЮЧЕНИЯХ БУМАЖНОГО РУЛОНА

ОТСЧЕТ времени в этой истории можно, пожалуй, начать с даты 10 ноября 1960 года. Группа известных писателей — Л. Леонов, Г. Марков, С. Михалков, А. Салынский, К. Симонов, С. Щипачев и другие — выступила тогда в «Литературной газете» со статьей о бумаге для газет и журналов. «Почему, — спрашивали авторы, — наший бумажники так плохо упаковывают свою бумагу, что рулоны приходят в типографии в изуродованном виде, вызывая огромные, ничем не оправдываемые потери?»

Серьезный вопрос был выдвинут на суд общественности. Что дальше?

Очевидно, скажет читатель, проверить спустя некоторое время: как реагировали на выступление газеты заинтересованные ведомства?..

Так мы в свое время и поступили.

Совместно с Ленинградской писательской организацией «ЛГ» провела специальный рейд. Нас интересовало, как хранят бумагу на базах, складах и типографиях города, в каком виде доставляется она в Ленинград, как разгружается, на каких перевозится машинах. Цитируем из статьи писателя З. Дичарова, написанной по материалам рейда («Товарищ Рулон», «ЛГ» от 29 ноября 1967 года):

«Мы стоим перед рулем (так величают рулон полиграфисты), глядим на его изодранную чуть ли на в клочья оболочку, на глубокие раны, которыми зияют и торцы, и поверхность. Человек с линейкой в руках измеряет: «Восемь, девять, десять сантиметров срыва. Остальное — в печать!..» «Срыв» — это десятки, а то и добрая сотня килограммов отличной, первосортной бумаги... Пользуются обычными электропогрузчиками с «рогалями» — прямыми подкватами, которые, поддевая рулон, сплошь и рядом врезаются в него, рвут упаковку, повреждая верхние слои рулона».

Лишь на Охтинской товарной станции, обнаружилось в тот рейд, за десять месяцев пропала бумага, на которой можно было напечатать несколько книг по десять авторских листов тиражом 30 тысяч экземпляров.

5 декабря 1967 года наша газета опубликовала интервью с министром лесной, целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности СССР Н. В. Тимофеевым. Напомним...

«Да, нужны специальные вагоны, специальные автомашины, специальные механизмы для погрузки и разгрузки, — сказал в интервью министр. — Трижды подчеркиваю слово «специальные», потому что бумага требует обращения с собой «на Вы». Ее следует перевозить только специализированным транспортом — и по железной дороге, и по шоссе. А у нас — правы участники ленинградского рейда — возят рулоны в неприспособленных вагонах и машинах, рвут их при погрузке «рогалями». Наша машиностроительная промышленность в состоянии произвести все то оборудование, которое нужно для транспортировки бумаги. Надо лишь, чтобы уважением к бумаге прониклись и те, кто планирует задание машиностроителям, да и сами они. Мы же, со своей стороны, готовы дать точные расчеты, сколько и чего требуется...

Словом, я полностью поддерживаю выступление «Литературной газеты».

Какой следующий шаг вы назвали бы логичным? Если министерство готово немедленно дать точные расчеты, сколько и чего требуется?.. Если, как выяснилось, наши машиностроители в состоянии произвести все, что нужно?.. Если дело стоит лишь за тем, чтобы проникнуться уважением к бумаге?..

Итак, какой же шаг?

Шесть лет спустя после ленинградского рейда, прошлогодним летом, мы провели повторный рейд в городе на Неве. И обнаружили там прекрасные машины для перевозки, погрузки и разгрузки бумаги — как раз то, что нужно! Это был впечатляющий парад техники и технологии. Особый транспорт для Его Величества Рулона! Причем и железнодорожный, и автомобильный. Механические и электрические грузчики с нежнейшими захватами на любой вкус. И даже «индпошив» — особые футляры для ролей. Остается только добавить, что все это благоденствие обнаружилось... на международной выставке «Интербуммаш-73», по стечению обстоятельств развернувшейся в Ленинграде как раз в дни нашего повторного рейда.

А что же увидели участники его за пределами выставки? На городских товарных станциях, пристанях, складах и на типографских дворах? Оказалось, что шесть лет спустя после первого рейда хотя и есть некоторые перемены к лучшему, тем не менее проблема не решена, как говорится, ни «в основном», ни «в главном», ни «в принципе». В новой публикации «Как самочувствие, товарищ Рулон?» («ЛГ» от 12 сентября 1973 года) участники рейда сообщили о великих муках, выпадающих на долю «роля» в тяжком пути от поставщика на печатные фабрики... Бумагу поднимают, сбрасывают, укладывают штабелями, нередко просто под дырявые навесы или под брезент... Специальных погрузочно-разгрузочных машин и механизмов практически нет... Рулоны возят по городу в тех же грузовиках, что и кирпич, песок, металл... Вывод:

«Прошло шесть лет после публикации интервью в министром, а многое ли реально сделано? С оптимальными вариантами транспортировки и хранения бумаги мы все еще, увы, вынуждены знакомиться не на собственных предприятиях, а на международных выставках. Дико!»

Может быть, тогда обратиться к ученым, специалистам? Выяснить, какие же трудности технического, экономического, управленческого характера мешают нам решить столь затянувшуюся проблему?

Мы обстоятельно беседовали с различными специалистами — бумажниками, транспортниками, снабженцами, наконец, ответственными работниками ведомств. Их мнения опубликованы в «ЛГ», № 37 за 1973 год. Резюмируя коротко беседы с экспертами, можно сказать следующее. По мнению авторитетов, потери бумаги из-за отсутствия специального транспорта и погрузочно-разгрузочных средств велики. Специальные вагоны? До сих пор с ними никакой ясности нет, одни специалисты пытаются приспособить под бумагу вагоны, созданные для перевозки тонколистовой стали, другие доказывают, что это отнюдь не выход. Столь «плодотворные» споры ведутся уже с 1969 года, когда случайно (это не ирония, а точный факт—именно случайно) Минбумпром обнаружил, что металлурги обзаводятся новым транспортом, который, как показалось тогда, пригоден для бумажников.

Специальные автомобили? Задание предусматривало выпускать их серийно также с 1969 года. Через год сделали 9 машин, еще через год — 47, в прошлом году — 100. И это при всем при том, что только лишь для системы Минбумпрома нужно по 400 штук ежегодно. А ведь есть еще море разливанное других транспортных предприятий и издательств, которые, как мы помним, возят бумагу на тех же машинах, что и цемент.

Что теперь предпринять? Посмотреть, что же все-таки изменилось за эти двенадцать месяцев?

Мы провели рейд.

Корреспонденты «ЛГ» Э. Агаев (Баку), М. Байджиев (Фрунзе), Е. Габис (Ленинград), К. Григорьев (Киев), Э. Елигулашвили (Тбилиси), Р. Казра (Таллин), П. Кейдошюс (Вильнюс), Г. Маларчук (Кишинев), В. Пономарев (Минск), Н. Самохин (Новосибирск), В. Тюриков (Ташкент), Ю. Шапорев (Алма-Ата), П. Шестаков (Ростов-на-Дону) по заданию редакции недавно побывали в различных причастных к бумаге организациях своих городов. Что же они увидели, услышали, узнали?

Бакинское издательство «Коммунист» за полугодие получило 8,5 тысячи тонн бумаги, и около 120 тонн из них добрались до азербайджанской столицы сильно израненными, непригодными для печати. Один из опытнейших руководителей полиграфии республики, директор издательства «Азернешр» (Госиздат) А. Ханбабаев рассказал: «Шофер не рассчитал нескольких сантиметров, и лапы погрузчика вспарывают рулон. Бумагу возим на открытых, бортовых машинах. Выгружаем дедовским способом — рулон сбрасывается на автомобильные покрышки (бывает — мимо). Склад издательства находится на окраине города в старой мечети, а есть типографии («Красный Восток», имени 26 комиссаров и другие), где бумагу вынуждены хранить во дворе, под брезентом».

Наш киевский корреспондент узнал в Госкомиздате УССР, что ежегодные сверхнормативные потери составляют «около 600 тонн бумажного срыва». Если сказать проще, это брак транспортировки. Кстати, из 600 тонн бумаги можно сделать около трех миллионов школьных учебников. Рулоны часто перевозят в вагонах из-под угля. Все остальное — как я повсюду: при погрузке и разгрузке по старинке пользуются ломами, крюками, тросами, в лучшем случае — вилочным электропогрузчиком, который, мы знаем, не годится для операций с таким деликатным грузом, как бумага.

Корреспондент поинтересовался, есть ли у товарища Рулона крыша над головой. И услышал от начальника Главснаба Госкомиздата УССР А. Д. Чередниченко: «На 58 складских помещениях полиграфических предприятий республики полезная (общей площадью 15 400 квадратных метров) непригодна для хранения бумажного сырья и продукции на бумаге».

Начальник отдела бумаги Госкомиздата Молдавии Л. Г. Леонтьев рассказал, что хуже всего мы относимся к дорогой бумаге — той, что делается «за морями — за горами». Самые большие потери — до 5 процентов — касаются импортной бумаги.

Вместе с представителями Госкомиздата Белоруссии и заместителем директора полиграфического комбината наш минский корреспондент присутствовал при разгрузке очередной партии бумаги. Четырнадцать рулонов оказались с повреждениями при транспортировке и погрузочно-разгрузочных операциях (глубина повреждений до 4,5 сантиметра), три рулона — с помятыми втулками. Цитируем сообщение корреспондента:

«На станции Степянка рулоны — сотни килограммов — сбрасывают с высоты полутора-двух метров. Даже когда действуют погрузчики, то первые рулоны из плотно набитого вагона вырывают из середины, а верхние летят вниз. Тяжкое зрелище».

Пожалуй, фактов такого рода достаточно, чтобы, не повторяясь, сделать определенный вывод: несмотря на то, что проблема давным-давно уже осознана и общественным мнением, и учеными, и специалистами всех заинтересованных ведомств — несмотря на все это, воз с места не движется. Который уже год не движется! Выразимся точнее: почти не движется, ибо кое-какие факты в сообщениях корреспондентов «ЛГ» все же радуют. Построен, например, новый склад для хранения бумаги в Таллине — все работы там механизированы, рулоны чувствуют о себе заботу; есть некоторые сдвиги к лучшему и в других городах. И тем не менее общая картина тревожна. Даже учет потерь толком не ведется.

«Каковы потери бумаги при транспортировке, каковы они в целом по республике? — ответа на эти вопросы нет: и в республиканском комитете по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, и в Узглавлесбумснабсбыте говорят, что такого учета не ведут», — передает ташкентский корреспондент «ЛГ».

«Сколько бумаги теряется при транспортировке и при хранении в Казахстане? — вразумительного ответа никто дать мне не смог ни в Госплане Казахской ССР, ни в Главснабе при Совете Министров республики, ни в ЦСУ Казахской ССР» — это телефонограмма нашего корреспондента из Алма-Аты.

Таков результат самой последней проверки, предпринятой редакцией совсем недавно. Мы начали свой отсчет, помнится, от статьи писателей — с ноября 1960 года. Четырнадцать лет миновало, не перечесть, сколько раз выступала по этому поводу газета, а вопрос из той статьи сегодня звучит столь же актуально, как тогда: почему рулоны приходят в типографии в изуродованном виде, вызывая огромные, ничем не оправдываемые потери?

ХЛЕБ КУЛЬТУРЫ

Продолжая разговор об экономии бумаги, мы публикуем сегодня обзор материалов о том, как перевозят и хранят рулоны, отклик на статью А. Рубинова «Целковый за макулатуру» и официальный ответ Госкомиздата Азербайджанской ССР.

РЕЗЕРВЫ ПОДЛИННЫЕ И МНИМЫЕ

В УСЛОВИЯХ невиданного роста духовных потребностей советского человека, стремительного развития научно-технической революции проблема совершенствования издательской деятельности и всей работы с книгой имеет принципиальное значение. Она волнует не только людей, причастных к созданию и распространению книги, но и самые широкие круги советской общественности.

Это находит свое выражение в многочисленных письмах читателей, любителей книги в издательства, в книготорговые организации, в редакции газет. Авторы таких писем нередко ставят серьезные вопросы, высказывают справедливую критику, вносят конструктивные предложения с целью улучшения практики издания, тиражирования, распространения книг, более экономного расходования бумаги.

Такого рода письма и обзор мнений читателей опубликованы, в частности, и в «ЛГ», № 34. Товарищи Ю. Кабиков, А. Крылов, В. Трауба, Г. Бантровский, В. Савченко и другие проявляют озабоченность по поводу недостатков в организации перевозки и хранении бумаги, элементов излишества, допускаемых при оформлении отдельных книг, неоправданного увлечения суперобложками, фактов неэкономного использования площади бумаги при художественном и техническом редактировании; вносятся предложения по изысканию более эффективных путей вторичного использования бумаги и т. д.

Столь деловой подход к проблеме, глубокая заинтересованность в совершенствовании работы издательств, полиграфических предприятий, книготорговых организаций заслуживают всяческой поддержки.

Много критических замечаний в адрес издательств, работников книжной торговли высказано и в статье А. Рубинова «Целковый за макулатуру», опубликованной в том же номере «ЛГ». Ее автор поднял очень важный вопрос — о тиражировании книг, о правильном определении на них читательского спроса. Суть критики, высказанной им в адрес издательств и книготорговых организаций, состоит в том, что часть тиража, особенно это касается научно-технических изданий, не найдя читателя, с прилавков магазинов отправляется в макулатуру.

Никто не оспаривает, что ныне особенно важно, чтобы каждая выпущенная книга непременно находила своего читателя, чтобы по-хозяйски расходовался каждый килограмм бумаги. Вместе с тем я не могу согласиться с рядом положений и выводов автора и тоном статьи.

Прежде чем дать необходимые пояснения, которые помогли бы читателю получить более объективное представление, поставим перед собой вопрос: все ли в издательской практике, в том числе в организации тиражирования, благополучно? Конечно же, нет.

В стране издается ежегодно более 80 тысяч названий книг и брошюр. Определение тиражей при таких масштабах издательской деятельности с точностью до экземпляра — задача огромной сложности, и очевидно, что отдельные просчеты возможны. Ведь речь идет о том, чтобы примерно за год-полтора до выхода книги в свет составить точный прогноз: сколько покупателей захотят ее приобрести. Государственный комитет Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, республиканские издательские органы за последние годы предприняли ряд конкретных мер для того, чтобы до минимума сократить эти просчеты.

Списание любой книги — даже в малом количестве — акция нежелательная, тем более для тех, кто создавал или издавал книгу. Необходимость списания или уценки остатков тиражей отдельных книг заставляет издателя размышлять над самим фактом просчета, анализировать его причины, продумывать меры, предотвращающие потери в большом и сложном книгоиздательском процессе.

Год от года обогащается опыт издательской деятельности. Разработана и совершенствуется система координации издательских тематических планов, направленная на ликвидацию дублирования и параллелизма в изданиях, в эту систему вводится электронно-вычислительная техника, из планов исключаются малоактуальные, узковедомственные издания, не имеющие практической ценности, устраняются излишества в объемах книг, увеличивается емкость печатного листа. Тематические планы формируются в тесном контакте с творческими союзами, научными и общественными организациями, с министерствами и ведомствами, а также на основе обсуждения с различными группами читателей.

И не случайно, что за последние годы значительно сократились остатки нереализованных изданий. Установленный для книготорговой сети фонд в размере 2 процентов к розничному товарообороту на возмещение потерь от списания устаревших изданий расходуется не полностью, а в магазинах Москниги этот фонд используется в среднем в размере 0,9 процента.

Совсем иное положение рисует статья «Целковый за макулатуру». В подтверждение своих доводов автор статьи приводит ряд фактов.

Рассмотрим некоторые из них.

В статье приводится такой пример: «ликвидирован... 71 экземпляр «Укрупненных сметных норм на здания и сооружения». В этом факте упущена одна деталь: серия изданий осуществлялась 15 лет назад 40 выпусками тиражом до 40 тысяч экземпляров каждый. Значительная доля тиражей реализована через магазины Москниги. И только отдельные выпуски были частично списаны.

«Московский книжный магазин № 170 за одну расчистку складов, — пишет автор, — уничтожил 153 189 изделий, главным образом, нарядно напечатанных на добротной, чуть ли не атласной бумаге цветных плакатов, ценой по 20 копеек штука». А сколько продано? Цифры таковы: за последние 8 лет московский магазин № 170 получил для реализации около 60 миллионов экземпляров технических плакатов. За все эти годы было лишь одно списание — в 1974 году. Остатки тиражей некоторых плакатов составили 0,23 процента от всего количества реализованных.

Справедливости ради следует отметить, что, несмотря на удовлетворительные цифры реализации плакатов в целом, по отдельным названиям, выпущенным Стройиздатом, действительно были допущены просчеты в тиражировании, и это стало предметом специального рассмотрения.

Можно было бы проанализировать и другие факты списания отдельных изданий. В большинстве случаев речь идет о незначительной части непроданных по разным причинам книг, к тому же, как правило, эти издания были выпущены тогда, когда отсутствовала централизованная система управления издательствами и книготорговыми организациями.

Есть и другой аспект проблемы. В наше время бурного развития науки и техники многие научно-технические издания быстро стареют. Это естественный процесс. Совершенствуются техника и технология, пересматриваются государственные стандарты, технические условия и правила безопасности, осваиваются научные открытия и теоретические разработки — все это требует новой научно-технической информации, новых учебников, справочников, производственно-технических пособий. Продажа устаревших в научно-техническом отношении изданий — плохая услуга читателю. И в этом плане списание части тиража отдельных изданий возможно, а иногда даже необходимо. Не случайно книготорговым организациям страны установлен строго обоснованный норматив на эти цели.

Говоря о книгах прежних лет издания, автор статьи не делает различия между книгой списанной и книгой, еще не реализованной. Он пишет: «А в московских магазинах вдобавок намечают к раздаванию очередные партии нераспроданных пачек «Высшей школы»: 16494 книги — за 1970 год, 43 888 — за 1971-й...» Совершенно несправедливо пишет автор и о продукции издательства «Наука»: «Ее (следует понимать: «макулатуры») ...собралось 200 000 книг...»

Есть необходимость проанализировать и эту информацию.

Начнем с «Высшей школы». Приведенные в статье цифры наличия книг в Москве являются итогом ежегодно проводимой инвентаризации и означают, что на момент инвентаризации в книготорговой сети имеется столько-то книг таких-то издательств. Но это вовсе не значит, что их собираются уничтожить. Эти книги находятся в продаже и продолжают удовлетворять спрос на учебную литературу. Следует заметить, что наличие в магазинах страны 853 тысяч книг «Высшей школы» на общего числа поступивших в них за 1969—1971 гг. более 43 млн. экземпляров свидетельствует лишь о том, что книги пользуются большим спросом. Из всех изданных книг в продаже осталось около 2 процентов. Справедлива ли оценка издательства «Высшая школа» как «крупнейшего поставщика макулатуры»?

«Кандидатами на списание» называет автор и книги издательства «Наука». Здесь следует иметь в виду, что многие из этих книг, являющиеся результатом многолетних исследований ученых, рассчитаны на сравнительно узкий круг читателей и продолжительные сроки реализации.

Столь же «непочетное» место отводится в статье и менее крупным издательствам — Стройиздату, «Недрам», «Финансам». Говоря об учебнике для студентов вузов «Технологические измерения и приборы» (издательство «Недра»), автор ставит под сомнение его тираж: «Может быть, нужно даже не две тысячи, хватит тысячи?» А книга-то разошлась в количестве 7334 экземпляра (при тираже 8000 экземпляров!), и впереди еще несколько потоков будущих студентов, которым она потребуется (в ближайшие годы ее переиздание не планируется).

Несколько слов о рекламных материалах. В 1973 году Стройиздатом был издан рекламный буклет о плане выпуска плакатов тиражом 30 тыс. экз. «По моим представлениям, — пишет автор статьи, — здесь на свалке и были все 30 тыс. бесплатных книжек...». Ну, а если проверить этот «факт»? На самом деле 24 тысячи экземпляров буклета были разосланы сетям организаций и предприятий, кроме того, буклеты как рекламный материал распространялись на многих книжных выставках, ярмарках. Стройиздатом получено заказов более чем на два с половиной миллиона экземпляров плакатов! Значит, реклама сработала. Примерно так же распространялся бланк заказов на диафильмы, выпущенный, кстати, не «Союзкнигой», а студией диафильмов Госкино СССР.

Уточняя некоторые факты из названной статьи, мы ни в коей мере не хотим сказать, что в издании и распространении литературы нет промахов. Иногда работники книжной торговли определяют заказ на книгу или пекут без достаточного изучения реальной потребности, а издательства подчас механически принимают этот заказ к исполнению. В ряде случаев тиражи изданий размещаются по районам страны без необходимого учета их экономических особенностей и не всегда своевременно перераспределяются.

Так, например, упоминавшееся в статье А. Рубинова издательство «Недра» в 1971 году выпустило «Правила разработки газовых и газоконденсатных месторождений». Часть тиража этого издания в количестве 70 экземпляров до сих пор находится в магазинах Кировограда. Наверное, работники книжной торговли этого города допустили ошибку, закажав ее в большем количестве, чем это нужно, — ведь в Кировограде нет таких месторождений, и вполне понятно, почему книга осела на полках магазина.

А вот пример другого рода. В том же издательстве «Недра» в 1974 году вышла книга «Энергетические ресурсы и нефтегазовая промышленность мира». При плановом тираже 5000 экземпляров с учетом заказа книготорговых организаций тираж был установлен 1800 экземпляров. И, несмотря на то, что книга вышла совсем недавно, уже поступают запросы о ее переиздании. Перечень таких примеров, к сожалению, можно было бы продолжить.

В определении тиража большая роль отводится работникам книжных магазинов. Именно они формируют заказ на ту или иную книгу для магазина, района, области. Работа эта нелегкая, требует знаний, опыта. При условии, что ее приходится выполнять в крайне сжатые сроки по десяткам тысяч названий различных книг, ошибки в заказах возможны. Этот вопрос был предметом специального рассмотрения коллегии Госкомиздата СССР. Начиная с 1975 года для центральных издательств, независимо от их ведомственной подчиненности, установлены дифференцированные сроки сдачи аннотированных планов в книготорговую сеть; значительно увеличен общий срок для их проработки. Несомненно, это создаст более благоприятные возможности для изучения планов, предотвращения неточностей при определении тиража.

Подобная работа проводится по различным направлениям, во всех звеньях книгоиздательского хозяйства.

Экономить бумагу можно не только за счет разумного тиражирования изданий, совершенствования системы и методов распространения литературы. Есть и другие, не менее эффективные пути. Один из них, например, это выбор оптимального формата книги и повышение емкости печатного листа. Так, только по центральным научно-техническим издательствам за последние два года средняя емкость печатного листа составила 44,2 тысячи знаков при нормативе 40 тысяч. Это значит, что практически было сэкономлено более 5500 тонн бумаги, из которой дополнительно напечатано около 30 млн. экземпляров книг.

Трудно оставить без внимания и такой тезис автора: «...издательства, не обремененные финансовой ответственностью, вольны портить бумаги столько, сколько им вздумается».

Каждое списание остатков тиража того или иного издания серьезно обосновывается, решение о нем предваряется консультациями с научными учреждениями и ведомствами. Ни книготорговые организации, ни издательства не могут осуществлять такую акцию по произволу, ибо каждое из них несет не только моральную, но и материальную ответственность, установленную постановлением Совета Министров СССР от 2/VII 1964 года, пункт 3 которого гласит: «В целях повышения материальной ответственности издательств за содержание выпускаемой литературы и за распространение ее установить, что начиная с 1964 года 50 процентов книг и других изданий, не проданных в торговой сети и утративших свое значение, списывается (по утвержденным в надлежащем порядке спискам) за счет торгующих организаций и 50 процентов—за счет соответствующих издательств. И это положение, как правило, применяется на практике.

Радикальное решение проблемы тиражирования книжной продукции автор статьи видит в матрицировании. Такая практика существует не первый год. Особенно часто она применяется в издательствах, выпускающих книги большими тиражами. По заказам книготорговых организаций нередко допечатываются тиражи учебников, справочников, различных пособий и других видов литературы. Однако широкое применение матрицирования малотиражных изданий привело бы к значительным дополнительным затратам и экономически не обосновано.

И еще одно предложение автора: перейти на комиссионную продажу книг. Такая форма реализации литературы применяется у нас пока лишь в исключительных случаях, так как повсеместное ее использование потребовало бы увеличения штатов книготорговых работников. Вместе с тем в порядке эксперимента комитет планирует перевод нескольких издательств на такую систему распространения литературы.

Автор статьи пишет: «В больших тиражах заинтересовано издательство. Это сулит ему повышенную рентабельность». Что ж, в повышении рентабельности заинтересовано каждое предприятие, в том числе и издательства, находящиеся на хозяйственном расчете. В этом нет ничего плохого. Но, по нашему убеждению, ни одно научно-техническое издательство не ставит на первый план коммерческие интересы. Их основная задача — максимальное удовлетворение спроса читателя на хорошую книгу.

Разумеется, в этой статье мы не могли рассмотреть много других важных аспектов рационального использования бумаги.

На основе серьезного обобщения опыта лучших коллективов, анализа недостатков издателями и работниками книжной торговли ведется постоянный поиск наиболее эффективных методов планирования выпуска книг, их тиражирования и распространения. И внимание советской печати, в том числе и «Литературной газеты», к проблеме бережного отношение к бумаге, рационального ее использования, конструктивные предложения читателей, несомненно, помогут совершенствованию книгоиздательского дела в стране.

В. ЕЖКОВ,
главный редактор Главной редакции научно-технической литературы Госкомиздата СССР

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТВЕТ

«КНИГИ БЕЗ ЧИТАТЕЛЯ»

Редакция получила первое официальное сообщение о принятых мерах по материалам рейда корреспондентов «ЛГ», опубликованным в № 25 под заголовком «Книги без читателя». Нам, вероятно, помнит читатель, в этом новаторском выступлении корреспондентов из восьми городов рассказывалось о фактах сдачи в макулатуру непроданных книг, о случаях издания литературы избыточным тиражом.

Ответ пришел из Баку — от председателя Государственного комитета Совета Министров Азербайджанской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли тов. Назарова. Сообщается, что упоминавшееся в газете издание «Атлас Азербайджана» объемом 28 печатных листов предпринято было в 1963 году по заказу Института географии Академии наук республики. Тираж «Атласа» на азербайджанском языке — 10 000 экземпляров — реализован. Однако тираж на русском языке — 20 000 экземпляров — до сих пор не распродан. На складах и в магазинах лежит значительная часть тиража — 8 275 экземпляров. «Указанный «Атлас», — пишет тов. Назаров, — предназначен не для массового читателя, а для научных учреждений, институтов специалистов, поэтому наш издательство, так и Книготорг должны были установить тесную связь с ними и принять меры для полной реализации «Атласа». Однако это ими не было сделано». Книга «На афро-азиатских офтальмологических конгрессах» издана тиражом 5 тысяч экземпляров по заказу Азербайджанского медицинского института. Весь тираж институт взял себе. Две тысячи экземпляров были переданы на комиссию Книготоргу Госкомиздата. Однако за год продана лишь одна тысяча экземпляров. Что касается упоминавшейся в газете книги «Лунная теория болезни кожи», то из трех тысяч выпущенных экземпляров осталось реализовать 184 экземпляра (шесть процентов).

Статья «Книги без читателя» была обсуждена в Госкомиздате республики, намечены меры по реализации остатков тиража книг, упоминавшихся в статье.

ПИСАТЕЛЬ ЧИТАЕТ ПОЧТУ

Б. РЫМАРЬ

ОТКУДА БЕРУТСЯ НЕУДАЧНИКИ?

«Не складывается жизнь моего сына, а ему уже 34 года. Почему прежние перемены и на в одной из них радости для себя на нашел. Нет у него ни и чему призвания, он мечется, а прозябает. Ну а чем тут причина? Натура? На то гены? Я много читала о неудачниках — рассказы Шукшина, произведения Владимова, Трифонова, но из этих книг точно не поняла, в чем все же причина. И думаешь, думаешь о своем сыне...»

В редакцию поступает немало писем о людях с неудавшейся судьбой, без ясной цели в жизни, словно погруженных в туман, в неопределенность. Этой теме посвящено и письмо бухгалтера Татьяны Васильевны К., с которого я начал эту статью.

Скажу сначала, что я и сам многого не понимаю в некоторых художественных произведениях, названных в письме. То есть я, конечно, понимал, читая, скажем, роман «Три минуты молчания» Г. Владимова, что показаны в книге метания молодых людей, невероятная сбивчивость их устремлений — можно работать на флоте, а можно служить и где-то на берегу, можно гнаться за большими заработками, а можно и не гнаться, обойтись, можно любить вот эту женщину, а можно и вон ту. Все это я уразумел. Но почему такое творится с персонажами — такая неразбериха чувств и поступков, где тут причины общие и причины частные, я никак не мог взять в толк. Даже многие великолепные рассказы Василия Шукшина, убеждая силой изображения характеров, подчас диковатых, часто странных, поведения причудливого, какого-то изломанного, вызывают в мыслях сумятицу: отчего да почему? Может, и впрямь категория причинности чужда подлинному искусству?

Однако же корифеи литературы не только создавали образы, характеры, но и концепции этих характеров. Мы все понимали и понимаем, почему мечется душа Пьера Безухова, и какие причины и обстоятельства изломали жизнь Раскольникова, и как получилось, что Григорий Мелехов прожил так неудачно отпущенные ему годы.

Вот так же хочется понять наших современников, в особенности те внутренние пружины, которые иной раз так закрутят человека, что разрываются в его представлении связи между причинами и следствиями. Не удается жизнь, а отчего? Процитирую еще два письма, чтобы после попытаться привести описываемые разнородные ситуации и какому-то общему знаменателю, или, напротив, убедились бы мы, что нет тут общего решения.

Из письма харьковчанина Юрия Левченко:

«...С гениями все ясно. У них выдающийся талант, к тому же своей невероятной целеустремленностью они еще и сами «себя делают». А вот как быть мне, человеку со средними способностями (да еще поди разберись, в чем они заключаются, ведь они не яркие, а глаза не бьют)? Мое занятие в нашей строительной конторе — бумаги, графики составлять, все они, как близнецы, и единственное мое удовольствие, как у гоголевского Акакия Акакиевича, — подсмеиваться, подмигивать и помогать себе губами, когда пишешь. А жизнь идет, проходит».

Выдержка из письма калининградца Анатолия Гладкова:

«Не стану указывать вам, какая у меня специальность. Какая бы она ни была, она не соответствует моему призванию. Почему? Обстоятельства оказались сильнее меня и моего призвания (скульптура). В общем, от призвания я был вынужден отказаться. Вот в чем все дело».

Три неудачи на жизненном поприще. Причины несходные, а результат один, и проблема как будто бы одна: трагедия человека, не нашедшего или не реализовавшего своего призвания.

ТАЛАНТ И ПРИЗВАНИЕ

Увы, гениальность, выдающийся талант — это все же некая редкость, и нам, людям со средними способностями, приходится склонить голову перед этим фактом. Но лишь склонением головы мы ничего в своей судьбе не решим. Как же быть?

Я опросил своих знакомых, выбрал самых мудрых, спрашивал их: «Можно ли говорить применительно к акробату, что он работает по призванию?» Мне ответили: несомненно, если он одаренный акробат. «Ну, а в отношении какого-нибудь третьеразрядного оркестранта или певицы с крохотным дарованием?» Мне ответили: да, они работают по призванию, величина таланта значения не имеет. «А такое призвание есть — строить мосты?» Опять был дан утвердительный ответ: да, может быть такое призвание. «А если человек строит склады или бетонорастворные узлы?» Возникла тягостная пауза, и наконец был дан ответ: такого призвания не имеется, а есть лишь такое занятие.

С паузой или без паузы, но ответы прозвучали достаточно категорично: строить бетонорастворные узлы или склады — нет такого призвания, а если малоталантливый скрипач извлекает звуки из скрипки или акробат крутит сальто на эстраде городского парка — это призвание. И крепко я задумался. Только в строительстве занято 10 миллионов человек, и насчитывается там примерно 150 специальностей. Сколько же из этих профессий можно отнести к разряду работ по призванию? Неужели могло такое стрястись, что многие из монтажников, машинистов башенных кранов, техников, прорабов — это в сущности люди, которым пришлось от своего настоящего призвания отказаться?

На эту пугающую мысль навел меня философ Александр Ципко, когда он в «ЛГ» (№ 27, 1974) выступил в дискуссии «Люди и вещи» со статьей «Разочарованная душа». Причину мучительной раздвоенности многих молодых людей А. Ципко видит именно в вынужденном отказе от дела всей своей жизни, поскольку общество в состоянии предложить им лишь «обычную» работу. До того дошло, что даже ученики пятого класса, предвидя такую свою долю, испытывают острое разочарование. Я не стану иронизировать по данному поводу, хотя и не вполне понимаю, как удалось двенадцатилетним мальчикам и девочкам установить в своем малолетстве, что именно должно было стать делом всей их жизни, а перейду к более серьезным вещам.

В статье, на мой взгляд, смещены, сдвинуты со своего естественного места весьма важные понятия. Нить разочарования, оказывается, вот откуда тянется: жизненные ценности молодых людей сориентированы на определенную иерархию престижа специальностей, и как раз престижные специальности могут оказаться для них не всегда доступными. Спорить не стану, есть и такая ориентация. Но только при чем тут вынужденный отказ от призвания, от дела всей жизни? К тому, что «престижно», можно тяготеть и не имея никакой большой духовной мечты, а, напротив, находясь во власти самого обыденного прагматизма. Молодой карьерист или белоручка тоже тянется к престижной профессии, и если ему с нею не повезет, он испытает жгучую боль разочарования. Так что не каждому разочарованному и посочувствуешь. Как сказали бы в старину: тут уж больных. Оно-то и есть вещество гениальности». Тут уж я совершенно напугался. Что же будет с нами, подагрой не болеющими, то есть с большинством? Неужто наши шансы интересно прожить свою трудовую жизнь так малы?

Более утешительной выглядит перспектива, которую нарисовал доктор философских наук, профессор Н. Аитов в статье «Без зеленых очков!» («ЛГ», № 33, 1974). Профессор предлагает исключить из производства все скучное, все монотонное, создать такую технологию, такие орудия труда, работать с которыми было бы радостно. Разумеется, все мы охотно проголосуем за такое развитие научно-технической революции. Но замена одних технологий другими, одних орудий труда другими на десятках тысяч производств — дело, по меньшей мере, очень долгое. А как быть сегодня? Как на нашем веку решить проблему «скучных работ»? И тут я подумал: в реальной нашей нынешней жизни люди эту проблему как-то решают. Так, может, надо попристальнее на реальность взглянуть?

ПРИГЛЯДИМСЯ К РЕАЛЬНОСТИ

Общая картина очень пестрая. Одни нашли в своей работе удовлетворение и даже наслаждение, другие в своих занятиях ни особой радости, ни печали для себя не видят, третьи же, работая по той или иной специальности, считают себя неудачниками. Откуда была не мечта-с, а расчетец.

Совсем все темно стало после чтения недавно вышедшей книги «Тайны памяти», написанной доктором биологических наук Б. Сергеевым. Из этой книги я узнал, что более всего шансов следовать своему призванию и даже стать гениями имеется у больных подагрой. Цитирую: «Какова связь между подагрой и гениальностью? Основная причина болезни — значительное повышение уровня мочевой кислоты в крови дом, хотя Злобин занят нелегкой физической работой, а Келдыш занимается тончайшими процессами, какие только может предложить человеку интеллектуальный труд. Если взять за исходное суммарный опыт многих, попытаться, скажем, составить список профессий бессчетного ряда людей, прославивших себя трудом радостным и блистательным, то наверняка увидим в этом списке все виды работ — от обыкновеннейшей до необычной, от той, которую делает продавщица магазина или слесарь, до той, которой занят во льдах Антарктики полярный исследователь.

Так только ли о призвании надо говорить, ища счастья в труде? Не в степени ли совершенства исполнения любого дела вся суть заключена, и не в этой ли реальной сути надо искать — будет в труде радость или будет маета? Совершенство исполнения, компетентность исполнителя — вот, кажется мне, та реальная система координат, с которой начинается восхождение от элементарных или полуэлементарных занятий ко все более сложным, все более увлекательным и достигаются глубины, дали-дальние сложного. Берусь утверждать, и этому меня научила жизнь: при всех обстоятельствах, есть яркий талант или нет яркого таланта, выбрана ли профессия по призванию или случайно, компетентность выручит. Она сыграет роль в успехах человека нисколько не меньшую, чем его прирожденное влечение к чему-то, а может, эта роль будет еще и побольше. Я такая пестрота ситуаций? И какая, собственно, работа способна дать человеку радость? Физическая, умственная? Легкая, тяжелая? Ручная, механизированная, автоматизированная? И как тут судить?

Если взять за исходное опыт жизни отдельных лиц, известных всей стране, допустим, жизнь бригадира-строителя Н. Злобина и жизнь президента Академии наук СССР М. Келдыша, то убедимся, что оба они увлечены своим трудом нахожу подтверждение этому в близких мне словах академика Н. Амосова: не стоит преувеличивать роль так называемых врожденных способностей: огромное значение имеет для человека тренированность.

Компетентность! Тренированность! Эти прозаические слова хочется наделить музыкальным звучанием, такой же гармонией, какой обладает в нашем представлении слово «призвание» или «талант». Именно компетентность, совершенство исполнения превращает труд из необходимости в удовольствие. Так или иначе, здесь видится мне разделительная линия, по одну сторону которой находятся счастливые в труде, а по другую — скучающие, мающиеся.

Вот написал письмо в «ЛГ» Филиппов из Северодвинска (своего имени он не указал):

«Радость решения доступна только тем, кто решает. Другим, ничего в труде не решающим, это непонятно, как глухому соната».

Для Филиппова это аксиома. И для писателя П. Павленко это было аксиомой, когда в романе «Счастье» и в прямой связи с проблемой счастья он писал: «Без человеческих рук, и рук толковых, здесь не обошлось». И для писателя Д. Гранина все это аксиоматично, когда во многих своих произведениях он развивает концепцию познания и самоутверждения в труде, концепцию счастья «наивысшей пробы». И для множества других людей это аксиома.

Да только не для всех. Но где причина? Мне очень хотелось бы докопаться до той черты в натуре человеческой, которая более всего мешает личности стать компетентной в труде, а значит, мешает и высокие радости узнать. На эту тему гораздо лучше моего напишут психологи, а я лишь одно знаю: в чем бы эта черта ни заключалась, выражается она в нежелании затрачивать «избыточные» усилия. Не могу удержаться от того, чтобы не рассказать хотя бы вкратце историю жизни человека, с которым давно знаком. Его имя, допустим, Н.

Вот уж кому было не занимать способностей! Обладает Н. живостью ума, завидной памятью, кипучей энергией, богатырской силой, располагающей внешностью. Он мог бы стать в любом деле фигурой. Ну кем бы он мог стать? Инженером мог быть в любой технической области, моряком, администратором, тренером по физкультуре, геологом, оператором автоматизированного цеха, да мало ли кем! Он все схватывал и запоминал на лету. Но так никем и не стал.

Он схватывал, но не изучал. Запоминал, но не вникал. Ему было недосуг. Ему счастье было нужно немедленно, тотчас, а если не счастье, то наслаждение, если не наслаждение, то хотя бы удовольствие. За этим и гнался, а должности занимал самые пестрые — то служил где-то по снабжению, то уходил на лето в шабашники, а то вдруг оказывался актером, снимался в массовке на киностудии. И всегда он в неизменно хорошем расположении. «Как живешь?» — «Лучше всех!» Всегда высоко поднятая голова, твердая поступь, взор, устремленный к горизонту, как бы к высотам духа. Казалось, он счастлив, хотя и бесплоден.

Лет восемь мы с ним не виделись, а недавно он позвонил, сказал, что хотел бы потолковать со мной. Постаревший, поседевший, Н. лежал на диване, слушал «Реквием» Моцарта. Кивнул мне, сказал: «Сейчас помолчим, хорошо? Дослушаем». Я сел и тоже стал слушать скорбную музыку. Затем мне почудилось, что в комнате что-то происходит, какое-то движение. Я оглянулся. Все тело Н. сотрясалось от сдерживаемого плача. Он приподнял голову, сказал: «Видите, что со мною творится? Обидно, что в жизни так разбросался».

Вот он как истолковал — разбросался. А он ни за одно дело никогда и не принимался. И ни разу не изведал той радости, которую Даниил Гранин так выразительно назвал счастьем наивысшей пробы.

СЧАСТЬЕ КОМПЕТЕНТНОСТИ

Меня однажды пригласили быть на обсуждении двух проектов какого-то здания. Я пошел и пожалел, что согласился. Сколько ни выступали тамошние специалисты, а к определенному мнению прийти не могли. И вдруг до меня дошло, в чем незаурядность возникшей ситуации. По одному проекту здание имело цилиндрическую форму, по другому проекту оно представляло собой полусферу, и трудность выбора между двумя вариантами состояла в том, что каждый из них был шедевром инженерной мысли. А выбирать надо было, и предстояло найти, докопаться, чем одно безукоризненное сочетание свойств уступает другой такой же идеальной совокупности. Решить задачу выбора можно было, только учтя все.

Вас, читатель, судьба когда-нибудь ставила перед трудным решением? Вам удалось, решая, учесть все? На том обсуждении это не удавалось, спор стал безнадежным. И тут попросил слова плотный, уже в годах человек столь обыкновенного вида и повторяющегося типа, что ну никак нельзя было бы его отличить в толпе и запомнить. К тому же ораторских способностей он не имел, экал и мекал, так что поначалу слушали его невнимательно. А затем воцарилась тишина. Будничного вида человек словно не видел вдруг вонзившихся в него глаз, часто делал паузы и склонял голову набок, как бы слушая отзвук своих слов и проверяя их истинность.

Проекты он сопоставлял по десяткам параметров: вес здания в первом случае и во втором; надежность конструкций по одному варианту и по второму; расход металла в первом случае и расход во втором случае; форма здания и ее влияние на полезную величину диаметра помещения; форма здания и ее влияние на красоту общей композиции.

И так — без конца, и для разбора этого бессчетного ряда параллелей нужна была вершинная компетенция. Не заглядывая ни в какие бумажки, пожилой мужчина выводил на доске формулу за формулой, расчет за расчетом. И все завершилось. Из двух совершенств этот человек выбрал совершенство сферической формы здания, и грянули аплодисменты, он удовлетворенно улыбнулся, и все мы понимали, что в эту минуту он испытывает чувство бескорыстного наслаждения.

***

Вполне допускаю, что в споре, настойчиво подчеркивая значение одних обстоятельств и пренебрегая другими, я мог впасть в грех крайностей и тогда не приближался к истине, а отдалялся от нее. Ну что ж, разговор о работе по призванию и без призвания, о работах скучных и не скучных, надеюсь, будет продолжен.

РЕЗОНАНС

«В ТАЙГЕ»

Не часто выступление газеты вызывает такой огромный резонанс, какой выпал на долю судебного очерка А. Борщаговского «В тайге» («ЛГ», № 32). Среди сотен откликов много коллективных писем, много сообщений о состоявшихся обсуждениях в учреждениях и на предприятиях. Это — взрыв возмущения по поводу жестокого преступления, совершенного подростками Петуховым и Рубовым. Это — волна искреннего соболезнования и сочувствия семье Черешнева. В центре внимания читателей два вопроса: достаточна ли мера наказания, определенная судом преступникам, и справедливо ли освобождение от уголовной ответственности тех взрослых, которые могли остановить, но не остановили руку убийц? Этим вопросам и посвящены публикуемые ниже материалы.

Александр БОРЩАГОВСКИЙ

УРОК ОТЦА

ПИСЬМА читателей (а я прочел все) отмечены высокой мерой общественной сознательности, ощущением личной ответственности за развитие жизни. Мысль не замыкается на единичном факте, она устремляется дальше, доискивается ответа на важные вопросы, она видит отдельную судьбу в сложном переплетении многих судеб.

Нужно ли говорить о том, что читатели единодушны в отрицании зла и насилия, в требовании вести неукоснительную борьбу с преступностью, в том числе и с преступлениями подростков? Многие находят, что несовершеннолетние убийцы Андрея Черешнева — Петухов и Рубов (именно Рубов, а не Рубцов, как ошибочно напечатано) — понесли заслуженное наказание, крайнее, какое могут нести не достигшие совершеннолетия преступники. И тем не менее — об этом надо сказать без обиняков — большинство авторов писем требуют большего: «хирургических» мер даже и к несовершеннолетним преступникам. То и дело читаешь в письмах слова о том, что «мягок закон», что суду, мол, следовало бы «не придерживаться буквы закона» и т. д. «Следует пересмотреть закон о наказании подростков и их родителей, — пишет один читатель. — Надо ужесточить, насколько возможно, закон о наказании подростков».

Я понимаю все то внезапное, непредвиденное, эмоциональное, что толкает к крайности суждений. И однако... Не все в этих письмах объясняется эмоциями, непосредственностью гнева или горестного сочувствия. Кое-что приходится и на сложившийся взгляд, на убеждение, на опасное заблуждение, с которым я хочу спорить и не могу не спорить.

Как бы там ни было, письма читателей открыты и откровенны. Все в них искренне, и я, перед тем как начать этот трудный спор, должен сказать о важном тоже напрямик и откровенно. Я никогда не писал судебных очерков и, вероятно, их писать не буду — это делают и лучше, и увереннее иные мои товарищи по перу. Я писал этот очерк дольше, чем самые большие из своих рассказов, исписывал страницы, и рвал, и снова садился к столу, пытаясь работать. Личное горе в таких случаях плохой помощник. Слезы мешают писать не только буквально, они пресекают мысль, слова, строку. А мое горе, пусть и несравнимое с родительским, было все же большим: речь шла о семье, которой я дорожил и дорожу. Такого рода «материал» вообще не может быть сторонним для журналиста, для меня же он глубоко личный, ранящий, не отпускающий сердца вот уже скоро год. Я пишу об этом для того, чтобы никто из всех, с кем я резко не соглашусь в требовании ужесточения закона, не посчитал мою позицию умственной, рассудочной, «академической» или равнодушной. Мол, самого не прижало, вот он и философствует. Нет, это и позиция отца трех дочерей, позиция деда, позиция человека, который видел Андрея и в сердце сохранил его, как мы умеем хранить и однажды увиденных малышей.

И зная все это, зная все тяжкие подробности дела, зная сегодняшнюю ничтожную, черную цену Петухову и Рубову, я говорю без малейшего колебания: суд не мог, не смел, не должен был казнить не только по «букве» закона, но и по всем человеческим и, как говаривали в старину, божеским законам и установлениям. Доказательство тому и урок отца...

В нескольких письмах выражалось сомнение в том, правильно ли воспитывал Александр Черешнев своего сына, не растил ли он Андрея слишком инфантильным, неспособным к отпору, к активности в отстаивании самого себя и других. Я обязан сказать, что такое сомнение, быть может, законное по прочтении моего очерка, нисколько не основательно. Черешнев и сам был воспитан отцом хорошо и круто, и отлично, по-спартански растит сыновей. Но так уж случилось — я уже писал об особых свойствах натуры Андрея, — что старший его сын отличался почти болезненной мягкостью, добротой и доверчивостью к людям. Можно сожалеть об этом, вздыхать, но тут нет повода для упрека ни вслед Андрею, ни живому отцу. Удар на этот раз пришелся по самому мягкому, доброму и уступчивому.

Я ощущаю необходимость хотя бы коротко сказать об Александре Черешневе и его семье, которым отдали столько сочувствия авторы писем в «ЛГ». Сведения эти, пусть самые короткие, крайне важны, как я понял, для существа дела, чтобы развеять малейшее подозрение в «непротивленчестве» отца или в атмосфере мягкотелости и морального всепрощения. В большом сравнительно недавнем письме от 19 июля сего года Александр Черешнев напомнил мне о своем детстве и воспитательных принципах, чтобы и у меня не было заблуждений на этот счет.

«Был случай, — писал он, — кстати, в Старолетове, на лужайке перед домом, мимо которого Вы обязательно проезжаете по пути на Москву в Кузьминское, если едете на автомобиле. Во втором от дороги доме и жил в детства Ваш покорный слуга. Здесь умер мой отец, отсюда нас с сестренкой увезли в Солотчинский монастырь, где в то время был детский дом. Однажды перед домом сочинилась драка. На меня навалились пять мальчишек, из которых двое были явно сильнее. Мой отец сидел на террасе, читал газеты, видел, конечно, происходившее — мне на было предостаточно, — но не шевельнулся, ничем не проявил желания помочь своему чаду, как я теперь понимаю, любимому. Я, ошеломленный превосходством сил противника, потрясенный коварством и предательством приятелей, кинулся искать защиты у отца. Он опустил на колени газету, поднял на лоб очки, оглядел меня внимательно и сказал совершенно спокойно: «Тебя бьют? Ты и защищайся. Вон сам. И не плачь». Я ему верил: если отец сказал, значит, это так, только так, и с такой самозабвенной простью бросился в драку, что дух «врагов» надломился... За мной утвердилась слава отчаянного, безудержного в гневе. Чувство СПРАВЕДЛИВОСТИ не позволило мне стать забитой и драчуном, в жизни я дрался редко, но всякий раз жестоко. Выпадов против себя безответно не допускаю поныне».

Таков он, мой друг, Саша Черешнев. Таким его воспитали рано умерший отец, а затем детский дом и шахта, и труд всей жизни, и стройки, на которых он работал. Пусть ни у кого не будет на этот счет сомнений.

И вот еще одно доказательство, быть может, самое удивительное или, скажем, непривычное. Черешнев прочитал мою книгу, а в письме ко мне, ничего не сглаживая, не обходя острот, резко спорит с почудившейся ему — а может быть, и действительно, не мне судить, — мягкостью автора, с недостаточной активностью в моих героях добра.

«Вода в том, — утверждает Черешнев, — что добро очень часто пассивно, беззубо, ложно к жертвенности, к извинению зла. Добро высшего качества непобедимо, но его нередко путают со злом, потому что оно умеет драться беспощаднее, жестче зла. К великому сожалению, Андрюша наш был человек слабый, но это уж не его вина. Его обидела природа».

Критикуя одного из героев моего рассказа, Андрея Шилова, а меня — за снисходительность к нему, Черешнев писал:

«Сильный человек тем и силен, что при любых обстоятельствах не сламывается, остается самим собой. Даже свитый с ног, придавленный к земле, он не сдается, копит силы, чтобы встать. Или гибнет с честью, а не отравляет свой ум и сердце водной. Я не терплю пьющих «с горя», от обиды».

Я мог бы заполнить газетные страницы отрывками из писем Александра Черешнева, и каждый их абзац — невольное свидетельство силы духа и характера. (Он хорошо пишет о младших — это уже в последнем письме: «Ваня и Павлик растут, развиваются. Мальчишки самобытные, оба с характерами. Ваня — книгочий, Павлик — воин. Радостные. С работы придешь — гвалт: «Ур-а-а!» Обнимают. Виснут. Но и скандала хватает».)

И вот беда пришла в дом этого человека, менее всего повинного в попустительстве злу.

Александр Черешнев прошел через тяжелейшие душевные катаклизмы, через немыслимые душевные сломы, через жажду мести, через исцеляющее и с течением времени отчаяние. В первом же письме, которое я уже цитировал, он писал о двух других своих сыновьях: «Может быть, лучше учить их бить и убивать первыми? Расти их жестокими, агрессивными?» И тут же, несмотря на огромность горя, он добавлял: «От такой беды не диво душевно ослепнуть». А спустя долгие месяцы, стоя перед судом, изможденный, на себя непохожий, Александр Черешнев скажет и о своем отношении к будущему приговору: «Как следует наказать их — я не знаю. Если бы у них были хоть небольшие моральные устои, то хватило бы и воспитательного наказания. Но таких устоев нет вовсе, и необходимо суровое наказание. Если бы они были взрослыми — то уместно было бы уничтожение физическое». Ничто не давило на Черешнева: ни страх перед кем бы то ни было, ни книжное (заранее) знание закона, ни душевная усталость. Ничто не умеряло его страдания — напротив, в судебном заседании прошлое встало перед ним с небывалой силой. Он просто оставался человеком, мыслящим, несмотря на боль, справедливым, вопреки мучительно стиснутому сердцу. Могут ли быть менее человечными народный суд и наш закон? Менее человечными, чем отец, лишившийся сына?

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТВЕТ

В связи с опубликованным в «ЛГ», № 32 очерком А. Борщаговского «В тайге» сообщаю, что уголовное дело по обвинению Петухова А. А. и Рубова А. В. Красноярским краевым судом проверено в порядке надзора.

Председатель краевого суда внес протест на частное определение Шушенского районного народного суда, в котором суд ограничился применением к Молчанову, Гурьянову, Павлушкину и Жданову мер общественного воздействия.

Постановлением президиума Красноярского краевого суда от 29 августа 1974 года протест удовлетворен — частное определение отменено, а дело направлено прокурору края для расследования и решения вопроса о привлечении указанных лиц к уголовной ответственности за неоказание ими необходимой помощи потерпевшему Черешневу Андрею.

С. КОКШАРОВ,
председатель Красноярского краевого суда

КОММЕНТАРИЙ УЧЕНОГО

Судебный очерк Александра Борщаговского «В тайге» привлек внимание не только остротой и драматизмом ситуации, ставшей предметом писательского исследования, но и нравственно-правовой коллизией, заложенной в «сюжете». Я прежде всего имею в виду вопрос, который вполне закономерно волнует многих читателей, откликнувшихся на публикацию этого очерка: какова мера ответственности взрослых, которые могли оказать помощь избитому Андрею Черешневу и не оказали ее?

Самим фактом привлечения к уголовной ответственности ряда непосредственно виновных в неоказании помощи Андрею людей Красноярский краевой суд — применительно и данному конкретному делу — ответил на этот вопрос: да, в подобной ситуации равнодушно пройти мимо, не оказать помощи терпящему бедствие человеку, тем более подростку, — это преступление. И вполне правильно, в точном соответствии с законом поступила судебная надзорная инстанция, признав, что ограничиться лишь мерами общественного воздействия было бы недопустимо ни с нравственной, ни с правовой точек зрения.

Равнодушие к судьбе другого человека противоречит нормам коммунистической морали. Если на твоих глазах терпит бедствие человек и ты можешь оказать помощь, но не оказываешь ее, — это не просто безнравственно, но и преступно! Единственное условие, которое может оправдать в подобной ситуации человека, — это серьезная опасность для себя или других лиц, возникающая в случае оказания помощи.

Мы с полным основанием называем героями и окружаем почетом тех, кто с риском для своей жизни и здоровья спас от беды другого человека. Но нельзя этого требовать под угрозой уголовной ответственности.

Однако и в этих случаях закон не позволяет людям оставаться безразличными к судьбе другого.

Если кто-либо не может сам оказать помощь человеку, находящемуся в опасном для жизни состоянии, он обязан немедленно сообщить надлежащим учреждениям (пожарной охране, спасательным станциям, милиции, медицинским учреждениям) о том, что помощь необходима. Не сделав этого, он совершает не только аморальный поступок, но и противоправное действие: таков точный смысл ст. 127 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующих статей уголовных кодексов союзных республик.

Ответственность по этой статье наступает вне зависимости от того, к чему привело преступное равнодушие: погиб ли оставленный без помощи или остался жив. Самый факт бездействия образует состав преступления. Поясню это примером, почерпнутым из судебной практики. Во время парусных гонок на водохранилище опрокинулась прогулочная лодка с ребятишками, один из которых плохо умел плавать и стал тонуть. Ближайшая к месту происшествия яхта прошла мимо. Следовавшее за ней судно изменило курс и спасло тонущего мальчика. Как говорится, все кончилось счастливо, но тем не менее рулевой первой яхты вполне обоснованно был привлечен к ответственности за неоказание помощи ребенку.

Тогда почему же в судебной практике ст. 127 УК РСФСР применяется не слишком часто? Из сообщений печати известно, что происходят несчастные случаи в горах, тайге, на воде и т. д., когда гибнущим людям не была оказана необходимая помощь очевидцами трагического события и при этом уголовной ответственности никто не понес. Вряд ли во всех подобных случаях такая снисходительность оправданна и законна.

А. ИГНАТОВ,
доцент, зав. сектором Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР

ЗАБЛУДИВШИЕСЯ ПОЕЗДА

За последние четыре года объем услуг, предоставляемых туристско-экскурсионными организациями профсоюзов, вырос почти в четыре раза. В одном только 1974 году будет обслужено 20,3 миллиона туристов и 107,2 миллиона участников экскурсий. Таким образом, чуть ли не каждый десятый житель страны стал «организованным» путешественником, почти каждый второй — экскурсантом. Чем больше становится армия отдыхающих, чем больше услуг ей предоставляется, тем выше требования, которые предъявляют туристы к тем, кому поручено заботиться об их полноценном отдыхе. Удовлетворяются ли эти, большей частью справедливые требования? Не всегда.

Нерешенным проблемам туристского отдыха была посвящена статья «Скажите спасибо...», опубликованная в № 42 «Литературной газеты» за прошлый год. Она вызвала многочисленные читательские отклики. Рассказывая о мерах, которые принимаются для того, чтобы путешествия оставляли не тягостные, как нередко бывает, а радостные впечатления, первый заместитель председателя Центрального совета по туризму и экскурсиям ВЦСПС В. Смирнов в официальном ответе редакции («ЛГ», № 16, 1974) писал: «Центральный совет по туризму и экскурсиям рассматривает выступления «Литературной газеты» как серьезную помощь в решении многоплановых и сложных вопросов развития туризма и экскурсий и организации туристско-экскурсионного обслуживания трудящихся. Вместе с тем было бы очень неплохо, если бы «Литературная газета» обратила внимание отдельных министерств и ведомств на необходимость повышения ответственности их предприятий и учреждений за выполнение договорных обязательств».

Наш корреспондент отправился по одному из предложенных адресов — в Министерство путей сообщения СССР.

Виль ДОРОФЕЕВ,
специальный корреспондент «Литературной газеты»

В 1960 ГОДУ в путешествия по стальным магистралям страны отправились первые туристско-экскурсионные поезда. Тогда лишь две тысячи человек рискнули воспользоваться новым видом отдыха. В прошлом году услугами железной дороги воспользовались восемь с половиной миллионов туристов. Огромный скачок! К сожалению, далеко не всегда за этим количественным ростом поспевает качество обслуживания отдыхающих.

Обратимся к фактам.

Эта история похожа на старый железнодорожный анекдот, заканчивающийся вошедшим в обиход выражением: «И вообще мы едем не в ту сторону». Но, к сожалению, все в ней абсолютно достоверно.

В один из майских дней к дежурному Казанского вокзала в Москве обратился человек: «Я из туристского поезда «Томич», отстал в Рязани. Наш поезд следует на Кавказ. Ваши коллеги в Рязани сказали мне, что состав ушел на Вязьму. Помогите догнать...»

Вначале дежурный решил, что незадачливый турист несколько «перебрал» в пути: надо же такое придумать — на Кавказ через Вязьму! Однако посетитель был трезв, безропотно выслушал сообщение о том, что он не знает географии, а когда ему русским языком объяснили, что на юг поезда никогда не следуют по западной магистрали, согласно покивал головой и дипломатично ответил: «Бог с ней, с географией. Помогите догнать поезд». Дежурный по вокзалу позвонил в Министерство путей сообщения. И тут выяснилось: путешественник прав, «его» поезд, вышедший по маршруту Томск—Адлер, действительно держит путь к берегам Балтики. Зато состав с туристами из Челябинска вместо Вильнюса уверенно следует на юг. Понадобился весь мощнейший аппарат оперативной транспортной связи, чтобы мчащиеся «не в ту сторону» поезда (один состав поймали под Вязьмой, другой — под Волгоградом) наставить на путь истинный. Так относительно благополучно, по мнению работников Министерства путей сообщения, окончилась «история с географией».

Благополучно ли? Ведь в каждом поезде находилось 392 туриста, которые заплатили за экскурсии, посещения памятных мест и музеев, развлечения, а вовсе не за лишние тысячи километров. Кто подсчитал их потери?

Случай? Конечно. Думаю даже, что ввиду своей полной нелепости он войдет в конце концов в число железнодорожных анекдотов. Зато другие неприятности, которые портят настроение туристу, решившему провести отдых в пути, встречаются куда чаще. В новогодние дни начиналось путешествие по маршруту Ижевск — Киев — Одесса — Севастополь — Херсон... Последний день уходящего года туристы должны были провести с столице Украины. Должны были, но, можно сказать, не провели. Беды начались еще в Удмуртии. Состав был подан с опозданием на час. При этом в двух вагонах вышло из строя отопление. Температура держалась устойчивая: 12 градусов мороза. Пока меняли вагоны, пока устраняли другие неполадки, наступило 31 декабря. Поезд опоздал на 5 часов. Программа пребывания в Киеве была сломана. Ни в чем не повинный Совет по туризму уплатил за аренду автобусов, ресторанов и кафе крупную неустойку, а главные виновники — представители железной дороги — предложили выдать туристам... справку о том, что поезд и в самом деле опоздал...

НЕРАВНЫЙ БРАК

Еще несколько лет назад, когда затухал отпускной период, на железной дороге наступали унылые времена. Огромный парк пассажирских вагонов простаивал на запасных путях в ожидании беспокойных дней. Поэтому, когда Центральный совет по туризму предложил использовать вагоны для экскурсионных поездов, железнодорожники очень обрадовались. Выгода была очевидной для всех. Кто-то из руководящих работников МПС даже заявил сгоряча, что туризм на транспорте совершит некую революцию.

Поначалу, когда дело с туризмом только разворачивалось, железнодорожники высоко держали свою марку. Они даже предложили обеспечивать туристов, которые должны, скажем, совершить пеший переход по Закарпатью, а живут в Новосибирске, железнодорожными билетами заранее. «Уж если сервис, так сервис», — провозгласили работники Министерства путей сообщения.

Но время шло. Поток туристов нарастал, возиться с ними становилось все более хлопотно. И кривая энтузиазма железнодорожников начала снижаться. Тут им на помощь пришел их собственный устав. Это он оградил железнодорожников от всякой материальной ответственности перед любым пассажиром, в том числе и перед туристом, заменив ее бесполезной справкой, удостоверяющей факт опоздания. При этом любопытна такая деталь: если вы отправили по железной дороге какой-либо багаж — ну, скажем, чемодан — и тот не прибыл вовремя на станцию назначения, вам без колебаний согласно уставу уплачивают штраф. Если же не вовремя доставили вас самих, никто никаких штрафов никому не платит. Выходит, чемодан поставлен в лучшие условия, чем человек? Выходит...

Работа по обслуживанию туристов должна строиться на согласованном приказе между Министерством путей сообщения и Центральным советом по туризму, подписанном 2 февраля 1972 года заместителем министра П. Лемещуком; его именуют: приказ № 6/ЦЗ. Однако практика показала, что и этот документ основательной юридической силы не имеет, поскольку ответственность железнодорожников не подкреплена материальными гарантиями.

«ТРИ МИНУТЫ МОЛЧАНИЯ»

Как известно, на железной дороге не существует, как у моряков, обычай слушать на определенной волне клич о помощи. Но практически каждый день Центральный совет и МПС получают телеграммы — простые и срочные — о бедственном положении туристов на разных станциях нашей страны.

Вот некоторые из них:

«Турпоезд из Волгограда 18 февраля находился в Кишиневе без подзарядки холодильников. Продукты портились. Нет угля и воды. Обращались к местным железнодорожникам: в Одессе — к Донцу, в Москве — к Потапенко. Не помогли. В Кишиневе ресторанов не пользуюсь. Туристам необходимы тепло и вода. Директор турпоезда Панишев».

«25 февраля. Турпоезд «Одесса» плохо обслужен Куйбышевской дорогой. Опоздал в Уфу на 4 часа. В Куйбышеве не было света, воды, угля. Загрузку продуктами задержали на 4 часа. Маневры без согласования. Нарушение техники безопасности. Директор турпоезда Мусиченко».

Это телеграммы из числа зимних, когда на железной дороге царит относительное затишье и туристы в большинстве своем — основные пассажиры железнодорожного транспорта.

В летние месяцы поток таких «SOS» набухает подобно горным рекам. Я выбрал наиболее выразительные из тех, что поступили с мест в июле.

«В июля. Турпоезд «Армения» согласно утвержденному расписанию должен отправляться в 12 часов 34 минуты. Закавказская дорога изменяет время отправки. Оповестить об изменении расписания всех туристов невозможно. Путевки реализованы по республике. Наши многократные обращения в МПС и и Закавказской железной дороге остаются без внимания».

«Свердловск, 5 июля. Во исполнение приказа 6 ЦЗ дана заявка на проездные билеты для 62 человек из Нижнего Тагила — Москва — Батуми 8 июля. От Москвы до Батуми Московское управление железной дороги в билетах отказало. Путевки реализованы, отпуска трудящимся оформлены. Просим помощи! Карлагин».

«10 июля. Ярославские железнодорожные кассы постоянно нарушают приказ Министерства путей сообщения номер 6 ЦЗ. На отправленную в ваш адрес телеграмму от 21 июня за номером 805/839ж до сих пор нет ответа.

Группа туристов в составе 50 человек выезжает 13 июля в Бердянск, не имея на руках билетов на обратный проезд. 20 июня запланирован выезд группы туристов в количестве 30 человек в Жданов, билетов туда нет. Группе туристов в Севастополь на 27 июля предоставили места в общем вагоне. Для выезда в Клайпеду 12 августа дали места в общем вагоне. Заезды под угрозой срыва. Просим срочно оказать помощь. Зам. председателя Ванюшин».

На всех этих телеграммах, помимо Центрального совета по туризму, есть второй адрес — «Главное пассажирское управление МПС. Зайцеву». Это начальник управления. Кроме того, Борис Павлович Зайцев еще и член президиума Центрального совета по туризму и экскурсиям ВЦСПС...

Прочтя столь горестные призывы о помощи, я позвонил Б. П. Зайцеву, чтобы выяснить его точку зрения на проблемы туристского сервиса. Вот дословная запись нашего разговора по телефону:

— Борис Павлович, не могли бы вы ответить на ряд вопросов, связанных с обслуживанием туристов на железной дороге?

— Что вас интересует конкретно?

— Нарушения расписания, изменения маршрутов туристских поездов, плохое оборудование вагонов, несвоевременное обеспечение туристских групп билетами.

— По этим вопросам вам надо обратиться за разъяснениями к заместителю министра товарищу Павловскому. Что еще?

— Но многие телеграммы по этим вопросам адресованы вам.

— Я же сказал, у меня другие заботы. К туристским делам никакого отношения не имею. Что еще?

— Нам хотелось бы выяснить вопрос о строительстве стоянок для туристских поездов.

— Это вам надо обратиться в отдел капитального строительства. Что еще?

— Еще вагонный парк. Зачастую вагоны для туристов предоставляются старые, плохо оборудованные.

— Обратитесь за разъяснениями к начальнику вагонного хозяйства товарищу Шовскому. У вас все?..

У меня действительно было «все», хотя передо мной лежал приказ Министерства путей сообщения СССР от 2 февраля 1972 г. за № 6/ЦЗ, отпечатанный типографским способом тиражом 3000 экземпляров, из одиннадцати пунктов которого четыре начинаются словами: «Начальникам главных управлений: пассажирского тов. Зайцеву...» Причем речь шла об ответственности как раз за все неполадки, неувязки, недоработки, о которых я безуспешно пытался побеседовать с тов. Зайцевым.

24 июля, когда состоялся этот телефонный разговор, в Центральный совет по туризму и Главное пассажирское управление МПС поступила телеграмма из Львова:

«По сообщению директора, турпоезд «Москвич», отправленный из Москвы 18 июля по Закарпатью, следует не по расписанию. Срываются плановые экскурсионные мероприятия. Туристы выражают серьезное недовольство. Просим принять меры, обеспечивающие следование турпоезда строго по расписанию».

В приказе № 6/ЦЗ есть такие строчки: «Утвердить план формирования специальных пассажирских составов для использования их при назначении дальних и местных туристско-экскурсионных поездов на период 1972—1975 годы.

Составы формировать преимущественно из вагонов постройки последних лет, обеспечить надлежащую их экипировку...»

Но вот письмо от 5 февраля 1974 года, присланное в Центральный совет по туризму из Киева:

«Украинский республиканский совет по туризму и экскурсиям информирует о том, что в течение 1973 года в наш адрес поступило многочисленное количество предложений, заявлений и жалоб трудящихся, путешествовавших в туристско-экскурсионных поездах.

...Туристские поезда формируются, как правило, из вагонов постройки 1956—1958 гг., которые имеют многие неисправности.

Так, 27 февраля в 20-дневное путешествие по республикам Средней Азии и 7 мая в 19-дневное путешествие по Урало-Сибирскому маршруту пассажирская служба и вагонное хозяйство в городе Киеве сформировали состав из старых вагонов, во многих из которых не работали отопительная система, радио, окна были не утеплены, а купе недоставало подставных лестниц, разбиты ночные светильники, двери во многих вагонах и туалетах не закрывались.

С аналогичными недостатками были сформированы и отправлены в 20- и 16-дневные рейсы туристско-экскурсионные поезда из Одессы 4 апреля, 30 и 16 ноября из Николаева.

Купе вагонов туристских поездов не укомплектовываются новринами, а коридоры — ковровыми дорожками. Одеяла выдаются старые, не пригодные для пользования...»

Плохо? Да, уж не очень хорошо. Но на Украине хоть не отказываются возить людей, которые много месяцев назад заплатили деньги за билет. А вот начальник Азербайджанской железной дороги тов. Багиров вообще отказался предоставить на июнь—июль 1974 года составы под запланированные 12 месяцев назад туристско-экскурсионные поезда.

Поначалу, когда железнодорожный туризм начинался, кое-кто мечтал о создании специальных вагонов для длительных путешествий, в которых был бы улучшенный обзор и прочие комфортные «мелочи». Но прошло время, и эти разговоры прекратились. Хорошо, когда своевременно дают обычные вагоны. Зато в программе пребывания на некоторых стоянках, например в Чарджоу, вместо осмотра города для туристов запланированы коллективные посещения... бани.

Вообще, по мнению железнодорожников, туристы — народ с претензиями. Они, например, не хотят ехать из одного конца страны в другой в неприспособленных для длительного путешествия вагонах, предпочитают непременно останавливаться в наиболее известных городах, осматривать достопримечательности, просто гулять. Но для этого необходимы специально оборудованные стоянки с комплексом бытовых услуг, подключением состава к городской энергосети и водопроводу. Между тем 29 городов, представляющих безусловный интерес для пассажиров туристско-экскурсионных поездов, закрыты именно из-за отсутствия оборудованных стоянок. Железнодорожным туристам, например, пока не суждено увидеть автогигант в Горьком и побывать в домике Кашириных, где родился великий писатель. Они не могут осмотреть крупнейший город Урала — Свердловск и столицу каспийских нефтяников Баку. Для них закрыты старинные русские города Владимир и Рязань, уютный Петрозаводск и средневековый Выборг. Туристские поезда практически не принимают в Крыму: в Симферополе, Евпатории, Феодосии и городе-герое Севастополе.

В том же приказе № 6/ЦЗ от 2 февраля 1972 года есть и такие слова: «Начальнику Московской железной дороги т. Карпову решить вопрос об открытии пункта длительной стоянки туристско-экскурсионных поездов на одной из станций Московского железнодорожного узла». Прошло два года, но и сегодня Москва не принимает ни одного туристского поезда. Правда, работники МПС винят в этом Мосгорисполком, который якобы не может выделить место для строительства.

Было время, когда министерство чуть ли не по дням расписало порядок работ на строительстве специализированной стоянки для туристских поездов в Волгограде. В нынешнем году волгоградские железнодорожники принимают в сутки лишь один поезд с экскурсантами, да и то лишь на очень короткое время, с множеством ограничений, например без права пользования вагоном-рестораном и проживания в вагонах. Поезд прибывает в город-герой, туристов просят выйти, вагоны запирают, и проникнуть в них можно лишь за 30 минут до отправления. Целый день ни передохнуть, ни переодеться, ни рук помыть. На таких же условиях принимают поезда с экскурсантами в Таллине и Каунасе, Вильнюсе, Кишиневе, Полтаве и других городах. Странно все это, особенно если учесть, что некоторые путешествия по железной дороге стоят примерно столько, сколько путевка в первоклассный санаторий.

На строительство специальных стоянок ВЦСПС начиная с 1968 года перечислил МПС около семи миллионов рублей. На будущий год железнодорожникам переведено еще 3 миллиона. Какова будет эффективность этих вложений?

СВОЙ РАКУРС

Опытные фотографы знают: современный высотный дом можно снять так, что в кадре он будет выглядеть небольшим строением. И наоборот, низкая развалюха предстанет монументальным сооружением. Все зависит от того, с какой точки, под каким углом «увидит» тот или иной объект человек с фотоаппаратом. Нечто подобное происходит и с проблемой отдыха. Все, кто так или иначе соприкасается с обслуживанием туристов, видят проблему «под своим углом».

У работников МПС уже давно испарилось восторженное мнение о туризме как средстве, способном совершить на транспорте некую революцию. Сегодня они заявляют, что, конечно, туристско - экскурсионные поезда — дело нужное, но и хлопотное. Кроме того, по их мнению, для железной дороги все эти составы — лишь капля в море куда более важных забот: о перевозке сырья, грузов, оборудования, наконец, обычных пассажиров.

КОГДА я встретился с заместителем министра путей сообщения П. К. Лемещуком, то выяснилось: о тех бедах, с которыми то и дело сталкиваются обслуживаемые министерством туристы, он даже не знает. Я передал тов. Лемещуку содержание некоторых телеграмм, приведенных выше, он помолчал, а потом сказал, что МПС будет этим заниматься и виновные будут строго наказаны.

Но дело, наверное, не только в наказании виновных. Лето 1974 года подошло к концу. Напряжение на стальных магистралях постепенно спадает. Но уже сегодня работники Центрального совета по туризму и экскурсиям ВЦСПС составляют рабочие планы на следующее лето. По этим планам услугами железной дороги в будущем году воспользуется свыше 12 миллионов организованных путешественников. Получат ли они, заранее заплатив МПС деньги, обещанный сервис?

И последнее наблюдение. Совет по туризму — организация, обладающая большими средствами. Почему же сама она часто оказывается в положении туриста, который, выкладывая деньги из собственного кармана, не получает обещанных услуг и все время слышит: «Скажите спасибо и за это...»? Не пора ли — с помощью юридических и экономических мер — сделать Центральный совет хотя бы равным партнером тех ведомств, с которыми он заключает деловые договоры?

ЕСЛИ БЫ ДИРЕКТОРОМ БЫЛ Я...

...то непременно выпустил бы «Справочник клиента», в котором были бы собраны выдержки из законодательных актов и всякого рода правила, инструкции, типовые договоры, касающиеся взаимоотношений с работниками сферы обслуживания. Желательно сделать это после завершения работ в соответствии с предложениями, внесенными «Литературной газетой» и одобренными соответствующими ведомствами.

В. ВОЛКОВ
МОСКВА

...то взялся бы за издание малоформатного советского энциклопедического словаря. Изучающие французский язык хорошо знают «Petit Larousse» — однотомный энциклопедический словарь, выходящий ежегодно во Франции со второй половины XIX века. Он не больше обычной книги, несколько толще. Состоит из трех разделов: толкового и энциклопедического словарей, перечня наиболее употребляемых латинских и иностранных выражений. «Larousse» включает более 70 000 статей. Каждый школьник считает обязательным иметь этот словарь. Кстати, есть издания «Larousse» для каждой школьной ступени с учетом учебных программ. При каком-либо споре у французов стала обычной фраза: «Consultons Larousse» — «Справимся по Ларуссу».

Наш могучий русский язык давно перешагнул рубежи. Сейчас трудно найти на земном шаре место, где к нему не проявляют интереса, не изучают. Массовый энциклопедический словарь, подобный французскому и его собратьям в других странах, может и должен стать спутником людей всех возрастов и профессий, помощником в походе за чистоту и культуру русского языка.

С. СИНИЦЫН
ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ

...то предложил бы градостроителям для удобства пешеходов запретить делать ограждения газонов, клумб, тротуаров под острыми и прямыми углами. Они мешают движению, нарушают его ритм.

Пешеходу, как и всякому живому существу, свойственны повороты плавные, по кривой, а не под углом. Надо, чтобы пешеходы сначала просто протаптывали дорожки, как им удобно, а потом эти дорожки асфальтировать.

В. КАРИЕНКО
ХЕРСОН

...то обязательно добилась бы, чтобы на Ленинских горах, там, где начинается склон к Москве-реке, поставили памятник Герцену и Огареву. Ведь именно здесь они дали друг другу свою знаменитую клятву.

Г. ЕГОРОВА,
ученица 8-го класса
МОСКВА

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТВЕТ

«ВНИМАНИЕ: АДЖИМУШКАЙ...»

В «Литературной газете» (№ 24 от 12 июня 1974 года) была опубликована статья А. Рябикина «Внимание: Аджимушкай...», в которой говорилось о том, что этот уникальный памятник времен Великой Отечественной войны нуждается в государственной и общественной охране.

Редакции отвечает секретарь Керченского горкома Компартии Украины тов. И. Мордвина:

Статья «Внимание: Аджимушкай...» обсуждалась в Керченском горкоме Компартии Украины.

В настоящее время принимаются меры по увековечению легендарного подвига воинов подземного гарнизона Аджимушкайских каменоломен в годы войны.

Героическим прошлым Аджимушкая занимаются поисковые группы комсомольцев, пионеров и школьников города.

Решением исполкома городского Совета депутатов трудящихся Аджимушкайские каменоломни объявлены заповедной зоной. Принимаются меры по предупреждению самочинных раскопок на территории каменоломен.

По ходатайству Керченского горкома Компартии Украины и исполкома городского Совета депутатов трудящихся Совет Министров Украинской ССР принял постановление о сооружении в 1974—1975 годах мемориального ансамбля «Герои Аджимушкая» в городе Керчи».

«ПО СКЛОНАМ, НЕЖНОЙ ЗЕЛЕНЬЮ ПОКРЫТЫМ...»

Фотоочерк А. ХРУПОВА

Пусть нельзя прийти на землю дважды —
Все-таки чудесно, что могу
Я сдержать, услышав голос жажды,
Скакуна на мшистом берегу.

Эти строки родились в горах Ала-Тоо, где их автор — один из лучших чабанов колхоза «Заветы Ленина» Кантского района Маштай Кудаев — нашел свое призвание. Член Союза писателей СССР, Маштай Кудаев выпустил уже шесть поэтических сборников, его стихи переведены на многие языки народов нашей страны.

ГОВОРИТЬ ЛИ БОЛЬНОМУ ПРАВДУ?

Врач А. Гаврилов поднимает одну из сложнейших проблем врачебной этики и медицинской деонтологии. Эта проблема затрагивается в статье американского журнала «Харперс мэгэзин», которую мы публикуем с некоторыми сокращениями, а также обсуждается в беседе нашего корреспондента с известным советским специалистом.

ТРУДНЫЕ СЛОВА

Было подозрение на опухоль. Мы сказали больной, что у нее язва желудка и предложили оперироваться. Она колебалась. Боялась операции. Потом пришла ко мне. Потребовала, чтобы ее тотчас же выписали из больницы. На работа будто бы осложнения, которые требуют ее присутствия, да и с домашними делами семейству без нее не управиться.

Я пытался ее убедить. Сказал: незаменимых работников нет, в семейные трудности чаще всего кажущиеся и преходящи. Она обещала вернуться в больницу, как только почувствует себя хуже. Но мы знаем, возвращаются обычно только тогда, когда мучения становятся невыносимыми и помочь уже трудно... Объяснил, что окончательный диагноз можно поставить только на операционном стола, что даже самое точное обследование не дает уверенности, что характер язвы в какой-то его части не изменился.

Она категорически требовала выписать.

Я собрал все свое терпение. Разумеется, если больная минут изменения, они могут развиваться очень быстро без болей и в таком случае с операцией можно запоздать. Она оставалась глуха ко всем моим доводам.

И тогда мелькнула эта мысль. Сказать ей правду. Почему мы боимся говорить больным правду? Может быть, тогда она изменит свое решение?

Во многих других странах люди, попавшие в больницу, знают, что с ними. Точно знают, как называется их болезнь. Им показывают рентгеновские снимки и говорят о размерах и характере опухоли, разъясняют возможности лечения. Ясно, почему. Потому что врач не хочет для себя недоброй славы. Не хочет, чтобы его обвинили в плохо сделанной операции, потом, когда появятся метастазы и больной обратится уже к другому врачу.

И когда теперь против меня сидела эта женщина и там настойчиво и раздраженно требовала выписки, я чувствовал, что должен любой ценой задержать, остановить ее в больнице, добиться согласия на операцию. Тем более что сейчас для нее перспективы самые благоприятные.

Я сказал ей настоящий диагноз.

Она смолкла. Не знаю, сколько длилась эта тишина. Но она казалась бесконечной.

Меня охватило чувство, будто я отнял у нее что-то большое и ценное, что-то незаменимое и самое дорогое. Отнял свет...

Она как-то сжалась, будто стала меньше ростом, тоньше, будто согнула ее какая-то внутренняя боль.

Я долго ждал ответа. Мне нечего было больше сказать, совершенно нечего.

Вдруг она встала, поблагодарила за откровенность и сказала, что все-таки остается при своем решении.

Я отдал распоряжение о ее выписке. Она уйдет завтра.

Так надо ли было отнимать у нее надежду?

Александр ГАВРИЛОВ,
онколог-хирург

ТАЛЛИН

ЦЕНА ОТКРОВЕННОСТИ

Диалог американского врача и пациента

Дж. БЕННЕТ. Д-р Стэнли Сэгов — мой лечащий врач. Именно к нему я обратился с жалобой на непрекращающиеся боли в горле.

С. СЭГОВ. Джон Беннет пришел ко мне и пожаловался на трехнедельные боли в горле и слегка затрудненное глотание. Мое первое впечатление о нем, подкрепленное дальнейшим собеседованием, свелось к тому, что это осторожный человек, внимательно следящий за своим физическим и духовным состоянием. Он старается описывать замеченные им симптомы так, чтобы помочь своему лечащему врачу. Осмотр не выявил отклонений от нормы.

Джон Беннет вернулся ко мне через месяц с рядом зловещих изменений в его состоянии. Глотание стало более затрудненным, а боль переместилась в правое ухо. Он потерял семь фунтов. Я вновь осмотрел его, обратив особое внимание на более глубокую, более недоступную часть его гортани и языка. Тогда я заподозрил возможность опухоли, хотя при обследовании все еще не мог ее найти.

Пользуясь более совершенным инструментарием, д-р Сэндерс, отоларинголог, обнаружил небольшую опухоль в корне языка.

ОЖИДАНИЕ

Дж. БЕННЕТ. Наутро после моего первого визита к д-ру Сэндерсу моя жена Фэй и я, как и было задумано, отправились в пятидневное путешествие, чтобы отметить там свою серебряную свадьбу. Я ей ничего не сообщил об опасениях д-ра Сэндерса.

В дни отдыха я пытался представить себе, что меня ждет. Я пришел к выводу, что должен подготовиться к худшему и одновременно делать все ради наилучшего исхода дел. Худшее, что я мог себе вообразить, была последняя стадия рака, сопровождаемая болями и унизительными подробностями, связанными с пользованием подкладным судном и прочими атрибутами медленного умирания. Я осознал, что никогда не задумывался над обстоятельствами смерти.

Вернувшись в университет, я приступил к своим обычным обязанностям на факультете. Решено было провести биопсию, чтобы выяснить, не злокачественная ли у меня опухоль. В понедельник в конце дня д-р Сэгов позвонил мне на работу и попросил зайти к нему. Это был долгий-долгий путь, хотя он отнял не более трех минут. Шагая сквозь ноябрьские сумерки, я по-настоящему волновался. Мне было необходимо то вдумчивое и серьезное отношение к больному, какое всегда отличало д-ра Сэгова. Он получил заключение патологоанатома. Оно гласило: карцинома, то есть рак с тяжелым прогнозом.

Как я записал в своем дневнике, Стэнли Сэгов «обстоятельно и деликатно объяснил мне, что это может означать. Он назвал мне возможный, по его мнению, вариант лечения — лучевую терапию; ее побочными эффектами могут быть тошнота, депрессия и раздражение кожи. Мы поговорили о моем отношении к смерти. По моей просьбе он покажет меня врачу-гипнотизеру. Сказал мне о своей готовности встретиться с Фэй или поговорить с ней по телефону».

Я позвонил Фэй, рассказал ей об этом визите и отправился домой. В передней под дверью лежала почта — циркулярное письмо «Массачусетского мемориального общества», организации, стремящейся наживаться на похоронах. Когда Фэй вернулась домой, мы с ней немного поплакали. Затем я ей рассказал все, что сам узнал, и подтвердил свою решимость излечиться от рака.

ДИАГНОЗ

С. СЭГОВ. 6 ноября мне дали заключение патологоанатома.

Я должен был немедленно сообщить моему пациенту о прогнозе. Рак языка — очень серьезная вещь: по статистике различных лечебных центров мира, число больных с таким диагнозом, живущих после окончания лечения более пяти лет, составляет всего лишь 12—30 процентов. Давать больному информацию подобного рода можно только при соблюдении максимального такта. Врачи пользуются различной тактикой проведения этих тягостных собеседований.

Я лично полагаю, что в наше время врачи больше не должны утешать и лечить больных, создавая вокруг них атмосферу покровительственной таинственности и всего того, что якобы понятно лишь посвященным. Наши научные достижения сделали для нас и возможным, и желательным давать подавляющему большинству пациентов точный и подробный отчет о наших заключениях относительно диагноза и лечение. Больные часто жалуются на то, что с ними разговаривают «сверху вниз», что их оставляют в неведении, недостаточно информируя о происходящем в их же организме и мозгу. Джон Беннет, видимо, относится к числу людей, которым необходимы прямые, ясные и исчерпывающие ответы на все вопросы, детальное разъяснение и интерпретация различных аспектов диагноза и лечения.

Я также считаю, что врачу иной раз полезно признаться больному в своей неуверенности, даже в неведении. Таким признанием своей погрешимости он завоюет доверие пациента, который увидит в нем доступного, симпатичного и человечного специалиста. Ни олимпийское спокойствие, ни чванливая самоуверенность не способствуют подлинно глубокому подходу к тем проблемам, с которыми сталкиваются и врач, и больной.

Таким образом, вопрос, по-моему, не в том, надо ли сказать, а в том, как сказать. Пациенту надлежит заявить, что ему или ей будет дано столько информации, сколько он или она в состоянии усвоить. Самый же характер подобного разговора, его «качество» и продолжительность определяются в зависимости от личности пациента.

После недолгих раздумий я вызвал Джона. Его реакция на мои откровенные замечания убедила меня в необходимости подробного разговора. Он задавал мне множество вопросов, на которые я пытался точно отвечать. Если ожидаемые результаты того или иного вида лечения представлялись мне неопределенными, я все же высказывался оптимистически, однако не мешал ему свободно излагать свои мрачные предположения и предчувствия. К концу беседы я почувствовал, что он пытается как-то совладать с поразившим его драматическим шоком и приступает к действенной мобилизации своих психических сил. Джон просил меня быть с ним всегда откровенным.

ЛЕЧЕНИЕ

Дж. БЕННЕТ. Я проходил курс лечения в отделении радиотерапии. После нескольких процедур у меня сложился определенный режим. Позавтракав, я отправлялся в госпиталь, а после облучения шел на факультет и приступал к работе.

Ежедневно я уделял четыре-пять минут гипнотическому самовнушению. Хорошо овладев этой простой техникой, я иногда пользовался пятиминутной паузой в вагоне метро для сеансов самовнушения. Снова и снова я повторял про себя свою решимость добиться душевного покоя, быть сильным, радостным и исцелиться.

Мы договорились с Фэй быть совершенно откровенными во всем, что касалось моей болезни и моего лечения. Условились не делать из рака большей тайны, чем из любой другой болезни. Нас не пугало слово «рак», и без колебаний мы говорили, что я прохожу курс лечения по поводу рака. В результате мы встретили поддержку и симпатию со стороны друзей и моих сотрудников.

Говоря со мной о лучевой терапии, д-р Сэгов предостерег меня, что это лечение может повлечь за собой тошноту и депрессию. По мере продолжения процедур мое горло становилось все более сухим и все сильнее болело. Одновременно стала угасать моя энергия. Но мне удалось избавиться от тошноты и депрессии, равно как и от приступов боли в ухе.

Успокаивали меня беседы с д-ром Сэговом, которого я посещал раз в неделю или чаще, если нуждался в его поддержке. Он буквально поражал меня своими комментариями по поводу течения моей болезни. А если меня надо было «защитить» от его коллег, он немедленно, а порой даже агрессивно вступал с ними в спор.

В дополнение к этому профессиональному лечению меня непрерывно поддерживала жена. В те дни уже одно ее присутствие действовало на меня целебно. Она с любовью и нежностью шла во всем мне навстречу. Мне это было прямо-таки позарез необходимо, однако, будучи сдержанное Фэй, я едва ли стал бы просить ее об этом. Ее сила духа позволяла нам откровенно говорить о будущем, имея в виду время до и после моей возможной смерти. В результате я стал внутренне сильнее. Стала сильнее и наша взаимная супружеская привязанность.

Консультации, процедуры, профессиональные обязанности — все это полностью заполняло мое время в ноябре и декабре.

ОБЗОР ВРАЧА

С. СЭГОВ. Сочетание злокачественной опухоли с многонедельной лучевой терапией зачастую вызывает депрессивно-тревожное состояние, а также физический дискомфорт. Поэтому я решил направить Джона к психиатру.

Насколько раз я беседовал с Фэй (при личных встречах и по телефону) о его лечении. Фэй, естественно, очень тревожилась и испытывала потребность говорить с врачом своего мужа. Она почему-то чувствовала себя виновной перед ним, говорила, что «Джон такого не заслужил», что она «на такой хороший человек, как он» и уж лучше, мол, пусть бы она заболела раком, только не он. Она хотела помочь Джону и просила моих советов. Я сказал ей, что эмоциональная поддержка, дух оптимизма и умение разделять его тревоги помогут им обоим.

К этому времени мои опасения по поводу допущенных мною ошибок на первоначальной стадии лечения Беннета достигли кульминации. Несколько дней кряду я размышлял, не мог ли я поставить этот диагноз пораньше. Я высказал Джону свои сомнения. Он ответил, что вполне доверяет моей медицинской выучке и полностью признает меня своим основным врачом. Этот разговор внес ясность во все, и я перестал сомневаться в самом себе.

Если не считать какой-то загадочной боли в груди, длившейся около двух недель, семинедельное лечение прошло нормально. Боль в груди у ракового больного могла свидетельствовать о метастазах. Но я не мог найти подтверждения своим подозрениям и поэтому ничего не сказал о них Джону. Джон, как я полагал, должен был узнавать о чем-либо тогда, когда мне было что сказать ему. У него было достаточно причин для беспокойства и без этих зловещих неопределенностей. В конце концов этот симптом исчез. Я успешно скрыл от Джона все свои подозрения. Он узнал о них лишь тогда, когда мы с ним писали эту статью.

В результате лечения опухоль исчезла. Рецидивов пока не обнаружено. В свете статистических данных дальнейший прогноз, конечно, продолжает оставаться неопределенным, однако мы сделали все, что возможно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дж. БЕННЕТ и С. СЭГОВ. Эта статья написана нами не потому, что мы считаем наш опыт уникальным. Нет надежного способа установить, в скольких случаях сотрудничество между врачом и пациентом при лечении заболеваний с тяжелым прогнозом оказалось обоюдно удовлетворительным. Но мы оба были удовлетворены и вознаграждены самим ходом нашего опыта, положительными результатами лечения.

Что же конкретно способствовало нашему совместному успеху в данном случае?

Важнейший фактор — это отношение врача к пациенту. Первый должен заботиться о втором в любом смысле этого слова. Тогда пациент, со своей стороны, тоже заботится о себе, стремится активизировать свои физические и психические ресурсы. Желание врача сделать все, что от него зависит, и готовность пациента реагировать на это с доверием способствуют откровенности с той и другой стороны. А это очень важный аспект нашего совместного опыта.

Активное участие пациента в лечебном процессе помогает и ему, и врачу. Беннет был внимательным и надежным свидетелем всего, что с ним происходило. Его наблюдения сэкономили Сэгову немало времени и избавили от ошибочных действий. Откровенность, с которой Беннет говорил о своей болезни не только с Сэговом, но и с женой, друзьями и знакомыми, сняла напряжение, обычно связанное с сохранением всякой тайны, создала атмосферу тепла и, так сказать, терапевтической поддержки со стороны людей, которые в ином случае чувствовали бы себя скованными самой ситуацией.

Эти выводы основаны не нашем примере лечения рака, которое — пока что — дало положительные результаты. Однако мы считаем, что смысл этого случая в высшей степени показателен для всей проблемы отношений между врачом и больным, независимо от возможного исхода болезни, особенно в условиях, когда стрессы, проявляющиеся в «массовом обществе», и обезличенность все более специализированной науки, судя по всему, нередко препятствуют самому простому взаимопониманию между людьми.

ЦЕЛЬ — ГУМАННОСТЬ!

Беседа научного обозревателя «ЛГ» с советским врачом

— Инга Владимировна, как, по вашему мнению, следует относиться и изложенному в статье случаю, при котором врач предельно откровенно говорит больному о его состоянии, открывает перед ним опасный диагноз?

— Думается, не случайно в статье из «Харперс мэгэзин» при подробнейшем изложении случая исцеления от рака и полной откровенности между врачом и пациентом мотивы поведения медика остались неясными. Вероятно, по мысли редакторов, у читателей должно было возникнуть ощущение атмосферы исключительно гуманного, благородного и заботливого отношения врача к своим больным.

В США онкологи действительно обычно сообщают больным о том, что у тех рак, даже при самом мрачном прогнозе. Но это не просто откровенность во имя откровенности. Она имеет под собой совершенно определенные экономические мотивы, характерные для жизни в условиях капиталистического общества. Складывается впечатление, что американские врачи идут на это, желая дать своим пациентам возможность принимать решения, связанные с их имущественными делами. Есть и другая, может быть, еще более важная, причина такой излишней откровенности врача. В одном из посланий президента США конгрессу говорится: «Все больше американцев, пользующихся врачебной помощью, получают огромные счета, которые им предстоит оплатить... Стоимость платы за лечение больного раком на последних стадиях болезни превышает 20 тысяч долларов». Ясно, что при таких условиях врач не может скрыть от больного того, за что тот платит эти огромные деньги.

Немалую роль здесь играют, как справедливо пишет в своих заметках врач из Таллина А. Гаврилов, и личные интересы западных медиков: милосердное умалчивание о смертельном диагнозе кого-то из больных другие пациенты могут впоследствии расценить как некомпетентность, и тогда — прощай частная практика...

Разумеется, в социалистическом обществе, где денежные отношения не деформируют естественных взаимоотношений между людьми, подобные «соображения» выглядели бы просто дико. Но, к сожалению, и врачам капиталистических стран кажется непонятной наша точка зрения на эту сложнейшую проблему. Помню, как американские онкологи, посетившие нашу клинику, удивлялись той чуткой осторожности, с какой советские медики беседуют с тяжелобольными. Но ведь эта чуткость так естественна! Мы руководствуемся в этих трудных беседах гуманистическими традициями русской и советской медицины, которые связаны с всесторонней заботой о больном человеке, желанием облегчить не только его физические, но и душевные страдания.

— Недавно от рака погиб мой близкий товарищ, писатель, человек сильный, жизнерадостный, мужественный. Когда у него обнаружили первые признаки болезни, врачи старались скрыть от него истинный диагноз. Мой друг видел, что его обманывают, это раздражало и сердило его. Он настойчиво добивался правды, но не мог получить ее от врачей. Для чего ему нужна была правда? Его скромное имущество не занимало его, он не собирался писать завещания. Но у него была работа. У него была семья. У него были обязательства перед людьми. И он считал необходимым знать свой прогноз, чтобы успеть сделать то, что он считал своим долгом, что он хотел сделать в жизни. Кроме того, мой друг был по натуре борец — он не хотел сдаваться, он стремился бороться с болезнью, а для этого ему надо было знать правду, всю правду. Должны ли мы были лишать его права использовать эти месяцы жизни так, как он посчитал бы необходимым, если бы располагал полной информацией о состоянии своего здоровья? Разумно ли было, скрывая истину, отстранять его от борьбы с болезнью?

— Да, в этом случае разумно, должно, необходимо. Человек не может жить без надежды. Когда больного невозможно спасти, нельзя отнимать у него надежду. Это значило бы усугубить его страдания, сделать их непереносимыми. Наш большой клинический опыт показывает, что при онкологических заболеваниях необходимо четко различать две фазы болезни, учитывать решительные различия психологического состояния больного при этих фазах и в соответствии с этими различиями строить нашу тактику отношений с больным. По-видимому, у вашего друга болезнь была обнаружена очень поздно, она была запущена, приняла генерализованный характер, и его уже нельзя было спасти. Для чего же говорить ему об этом? Разве это не бессмысленная жестокость?

В такой стадии болезни человек обычно сам стремится защитить себя от этой жестокости. Он продолжает верить в спасение, даже вопреки очевидным фактам. Он ищет в такое время не правду, а надежду. В этом сказывается глубокая биологическая закономерность, вызывающая на определенной стадии болезни возникновение серьезных изменений личности больного, его психологического состояния. Начинают действовать особые механизмы психологической защиты. Мне, как и многим врачам, приходится каждый день наблюдать это поразительное явление. Недавно в такой стадии болезни оказался известный врач-онколог, который, разумеется, прекрасно знал все симптомы заболевания, знал и о том, что одним из таких симптомов является «самообман», защищающий человека от безнадежности. И что же? Изменило ли это знание что-либо в его психологическом состоянии? Нет. Он, профессор, доктор медицинских наук, опытный врач, вопреки очевидности, не находил у себя отчетливых симптомов рака, а был убежден и убеждал врачей, что у него несомненное доброкачественное хроническое заболевание. Таково милосердие природы. Это милосердие дает нам пример отношения к больному, и мы, врачи, не имеем права пренебрегать этим примером: мы должны быть мудры и гуманны.

Совсем другое дело, когда речь идет о пациентах, у которых болезнь обнаружена своевременно, которым мы можем помочь, которых в состоянии вылечить. Здесь ложь бессмысленна и опасна, здесь мы должны сотрудничать с больным, опираться в лечении на его мужество, разум, полную информированность о его состоянии, если это необходимо.

— Однако всегда ли врачи строят свою тактику отношений с больным, учитывая его психологическое состояние в той или иной стадии болезни? Боюсь, что далеко не всегда. Вы говорите, что у американских врачей наблюдается отсутствие гибкости в отношениях с больным человеком, стандартный подход, игнорирующий психологию больного, своего рода «догматизм откровенности» безотносительно к тому, когда она необходима, а когда жестока и бессмысленна. Но не характеризуется ли поведение наших онкологов «догматизмом наоборот», «догматизмом скрытности» в любых случаях, без различия для всех больных?

— Я уверена, что «догматизм скрытности» так же неуместен и вреден, как и «догматизм безудержной откровенности». Вопрос этот, к сожалению, недостаточно разработан, хотя это один из важнейших и сложнейших вопросов деонтологии — науки о врачебной этике. Каждый врач решает его по-разному. И очень часто решает негибко, стараясь при любых обстоятельствах скрыть от больного диагноз. Но, как писал академик АМН И. Кассирский, «игра в молчанье с интеллигентным, понимающим человеком приносит больше вреда, чем пользы. Всякое сомнение вызывает тревогу... Больные с легкими формами заболевания наблюдают тяжелые течения болезни и летальные исходы. От внушенной им мысли о доброкачественности их формы болезни ничего не остается — они твердят: у меня лейкоз, и конец все равно один... Ничто так не обижает больных и не вызывает их недоверия к врачу, как грубый обман, легкомысленный, поверхностный разговор». Врач обязан не только в каждом случае решать заново вопрос о том, «что говорить больному», но и не менее трудный вопрос о том, «как говорить». Когда человек болен, его чувствительность к восприятию слова врача возрастает в огромной степени. Улавливается не только содержание речи, но и малейшие оттенки интонации. Разговор врача с больным — искусство.

Стремясь скрыть от больного опасный диагноз, врач, конечно, руководствуется человеколюбивым стремлением сохранить душевный покой своего пациента. Однако его главная цель состоит не в сохранении душевного покоя, а в излечении болезни. В этом его долг, в этом истинный гуманизм врача. И в тех случаях, когда излечение или значительное продление жизни возможно — а таких случаев немало, — врач обязан тактично, умело и квалифицированно открыть больному диагноз. Для чего? Прежде всего для того, чтобы создать наилучшие условия для лечения, устранить все помехи, которые неизбежно возникают, если больной заблуждается относительно истинного состояния своего здоровья.

В ситуации сокрытия истинного диагноза обязательно возникают серьезные трудности и недоразумения. Прежде всего больной обычно отказывается от госпитализации в онкологическое учреждение. И он по-своему прав: если он не болен раком и такой диагноз не подозревается, зачем его помещают в специальную клинику, само название которой звучит угрожающе? Но именно в онкологическом учреждении можно быстро и квалифицированно уточнить диагноз и применить специальное лечение. Врач же иногда теряет дни и недели, выискивая все новые хитроумные аргументы, прежде чем уговорит пациента в необходимости такой меры. Обследования больного сопряжены с целым рядом сложных, нередко тягостных для больного медицинских процедур, что вполне оправдано, когда речь идет о таком серьезном заболевании, как рак, но выглядит бессмысленным мучением для человека, страдающего легким недомоганием. И если пациента уверяют в том, что «у него нет и не подозревается ничего серьезного», то как убедить его в целесообразности проведения всех этих исследований? Еще большие трудности возникают, если больной, не зная своего истинного диагноза, отказывается от лечения. Ведь хирургическая операция, лучевая терапия, лечение химическими препаратами — все это не пустяк, на который человек соглашается бездумно и легко. Ему должны быть представлены веские доказательства необходимости этих медицинских решений, а где найти такие доказательства при сокрытии правды? Наконец и после лечения онкологический больной должен годами регулярно наблюдаться у специалистов, чтобы избежать неблагоприятных последствий и рецидивов. Будет ли выполнять это важное условие человек, который уверен, что его доброкачественная болезнь полностью ликвидирована после операции или лучевой терапии?

Таким образом, неискренность врача порождает серьезные трудности в главном его деле — успешном лечении больного. Кроме того, возникают серьезные сомнения и в том, что при таких условиях можно сохранить то самое душевное спокойствие пациента, ради которого и шел врач на все эти трудности. Какой разумный человек, столкнувшись со всеми перечисленными выше несообразностями, сохранит веру в правдивость врачебного слова, не испытает сомнений, не догадается об истине? Однако известно, что состояние неуверенности, сомнения, недоверия способно больше травмировать человеческую психику, чем правда.

— Тактика врачебной скрытности, мне кажется, вредна еще и тем, что способствует сохранению того почти мистического страха, который мы, обыкновенные люди, испытываем перед раком, этой таинственной и страшной болезнью. Академик АМН Н. Блохин очень верно подметил, что от рака умирает вдвое меньше людей, чем от сердечно-сосудистых заболеваний, но тем не менее рака боятся вдвое больше. Думаю, что атмосфера страха перед онкологической болезнью сильно мешает раннему распознаванию и успешному лечению рака. Ведь многие из нас даже не хотят думать о такой возможности, избегают врачебных осмотров, игнорируют первые неясные симптомы, надеясь, что «все обойдется», опасаются, что знакомые могут узнать о диагнозе. По-видимому, вы лучше меня знаете о всех этих настроениях своих пациентов и о той опасности для здоровья людей, которая возникает из этих настроений. Считаете ли вы, что этот страх преодолим? Считаете ли вы, что отношение общества к онкологическим заболеваниям может стать более рациональным? Как этого можно добиться?

— Еще сравнительно недавно врачи скрывали от больных диагнозы «инфаркт миокарда» и даже «язва желудка». Это объяснялось тем, что указанные болезни не всегда удавалось успешно лечить. С тех пор, как инфаркты перестали быть синонимами смертельного исхода, таинственность исчезла и уступила место откровенности. Много веков рак оставался неизлечимой болезнью. Так сложилась широкая практика онкологической скрытности. Так сложилась та атмосфера всеобщего страха перед раком, о которой вы говорите. Как же не быть страху, если слово «рак» было равнозначно, по существу, слову «смерть»? Такие представления о болезни сохранились и до наших дней в сознании многих людей, к сожалению, в том числе и людей с медицинским образованием. Однако эти представления сегодня уже устарели, противоречат истине, являются, по существу, предрассудком, против которого надо вести решительную борьбу.

Сегодня уже многие формы рака излечимы. Доказательством этого служит тот факт, что в нашей стране, например, сейчас имеется полтора миллиона человек, излечившихся от рака. Все знают, что в этих условиях решающим фактором являются профилактика и раннее распознавание болезни. Но именно страх перед болезнью и приводит в огромном количестве случаев к тому, что и профилактика, и раннее распознавание болезни затрудняются, о возможности заболевания никто не хочет думать. Если бы в общественном сознании господствовала более разумная психологическая установка в отношении онкологических болезней, мы могли бы сохранить тысячи человеческих жизней, которые сейчас теряем.

Эффективная профилактика и раннее распознавание рака возможны лишь при том условии, если в этой работе участвуют не только врачи, но и основная масса населения. Онкологическим заболеваниям в большинстве случаев предшествуют так называемые предраковые состояния: хронические воспаления, эрозии, доброкачественные образования разного рода. Врачи стремятся выявить такие состояния при медицинских осмотрах, диспансеризации. Но ведь прежде всего их могут заметить сами пациенты, которых даже незначительные отклонения от нормы, например появление кашля, быстрой утомляемости, неприятных ощущений, потери в весе и т. д., должны насторожить, заставить обратиться к врачу. Этому не должен мешать неразумный страх, который задерживает лечение и может превратить невинное недомогание в опасную и грозную болезнь.

Могущество современной медицины позволяет нам освободиться от многих предрассудков, настоятельно требует пересмотра некоторых норм врачебной тактики, изменения психологии людей в их отношении к онкологическим заболеваниям. Все это, несомненно, принесет новые успехи в борьбе с этой опасной, но не «роковой» болезнью.

Резюмируя все сказанное, я хотела бы с достаточной определенностью сформулировать позицию, которой мы придерживаемся в своей работе: быть откровенными со всеми нашими пациентами, особенно если от этого зависит их судьба, за исключением тех случаев, когда такая откровенность не может принести пользы лечению. Наш критерий ясен: врач не должен отнимать у больного больше того, что он в состоянии ему дать. И если мы уж отнимаем у пациента спокойствие неведения, то взамен обязаны дать ему благо исцеления.

И. КАСЬЯНЕНКО,
доктор медицинских наук, заведующий отделом предопухолевых заболеваний Института проблем онкологии АН УССР

В. МИХАЙЛОВ,
писатель

В португальской столице осуществляется интенсивное строительство жилых домов, прокладывается новая линия метрополитена.

(Фото ТАСС)

Лиссабон. Демонстрация трудящихся.

(Фото из французского журнала «Экспресс»)

КТО УБИЛ ГЕНЕРАЛА ДЕЛГАДО

Виктор ЦОППИ

Генерал Умберто Делгадо (фотография 1965 г.)

ПЕРЕД ВОЕННЫМ ТРИБУНАЛОМ ЛИССАБОНА СКОРО ПРЕДСТАНУТ 10 АГЕНТОВ ПИДЕ. ВИНОВНЫХ В УБИЙСТВЕ ГЕНЕРАЛА УМБЕРТО ДЕЛГАДО — ОДНОГО ИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОТИВНИКОВ ФАШИСТСКОГО РЕЖИМА САЛАЗАРА.

ОТКРЫТКА ИЗ БАДАХОСА

«Дело, кажется, состоится. Не зная, вернусь ли я, и если вернусь, то когда, спешу отправить Вам эти несколько слов с дружеским приветом. Деолинда».

Открытка была датирована 13 февраля 1965 года. Отправлена из испанского города Бадахос. В Париж, Эмилио Гузрейро, учителю математики, близкому другу и единомышленнику португальского генерала Умберто Делгадо. Деолинда — конспиративная кличка генерала. Написанные торопливой, нервной рукой, слова на открытке были его последними дошедшими до людей словами. Он не вернулся.

25 апреля того же года на испанской территории, возле города Вильянуэво дель Фресно, всего в нескольких метрах от португальской границы, мальчишка-пастушонок со своей овчаркой набрел в эвкалиптовой роще на трупы немолодого уже мужчины и женщины. Они лежали на берегу ручья, под грудой камней. Испанской полиции не составило труда определить по ортопедическим ботинкам и по золотому перстню с выгравированными на нем инициалами H. D.*, что это и был исчезнувший в феврале видный деятель португальской политической оппозиции. Вместе с ним была убита его секретарша Арахарир Кампос...

Пишу об этом сегодня потому, что в Португалии, где свергнут фашизм, должен вот-вот начаться суд над убийцами Делгадо. А в моем архиве сохранилась магнитофонная запись беседы с генералом.

ЭСТАФЕТА БОРЬБЫ

Шел январь 1964 года. Алжир, где мы встретились, только что стал алжирским впервые после 132 лет колониальной неволи, в результате семи с половиной лет освободительной войны, обошедшейся ему в полтора миллиона жизней. И сразу же, сам еще не окрепнув, он щедро принялся помогать всем, кто продолжал борьбу за свободу. Алжир открыл свои двери для европейцев - антифашистов. В частности, для передовых людей Португалии. В свободном Алжире разместился и действовал центр Революционной жунты португальского Патриотического фронта национального освобождения, основанного португальскими оппозиционными силами в декабре 1962 года. На II конференции ПФНО председателем Революционной жунты был избран генерал Умберто да Силва Делгадо.

КАРЬЕРА

Его часто можно было видеть в те дни в Алжире на пресс-конференциях, в редакциях газет «Альже репюбликен» и «Пепль», в студенческих кафе — уже немолодого, но удивительно темпераментного человека с судьбой сложной, необычной.

...В 1928 году двадцатилетний офицер принимает участие в армейском мятеже, который приводит к власти Салазара. Сделав блестящую карьеру, он становится одним из высших военачальников фашистской Португалии, занимает ряд важнейших постов. С 1952 по 1957 год Делгадо — главный представитель Португалии в НАТО и одновременно шеф военной миссии своей страны в Вашингтоне. Видимо, уже тогда он начинает осознавать, что фашизм, которому он верно и равнодушно служит, — трагедия для его страны, начинает оценивать порядки в Португалии все более критически. В 1957 году Салазар отстраняет его от участия в военно-политических делах и назначает генеральным директором гражданской авиации. Взгляды генерала претерпели значительную эволюцию: он против фашистской диктатуры, но все еще полагает, что ее можно мирно трансформировать в тихую и уютную для всех буржуазную демократию.

В 1958 году оппозиционные силы выдвигают кандидатуру Делгадо на пост президента. Фигура строптивого генерала, пропагандирующего антифашистские идеи, быстро становится популярной в Португалии. Возникает реальная угроза его победы на выборах в ущерб адмиралу Америку Томашу, прямому ставленнику самого Салазара. Дабы предотвратить такой результат, фашистские власти начинают массовые репрессии, запугивают сторонников Делгадо, а когда и это не помогает, грубо фальсифицируют результаты выборов и провозглашают президентом Томаша.

Делгадо в той памятной для меня беседе утверждал, что в целом ряде избирательных округов он собрал не менее 75 процентов голосов. С тех пор, говорил он, я живу в изгнании. Пять лет пробыл в Латинской Америке. Доктор Салазар соизволил разрешить моей жене и детям вернуться в страну, но без меня. Правда, однажды мне доставили его сверхконфиденциальное послание, в котором предлагали вернуться в Португалию, но при условии полного отказа от политической деятельности. Конечно же, я отверг сделку... Так и шла моя жизнь в вечных скитаниях...

«САНТА-МАРИЯ»

Это были не просто скитания. То в одной, то в другой западноевропейской столице появлялся этот неугомонный человек, гневно разоблачавший чудовищные порядки в своей стране. В декабре 1959 года он публикует в английском журнале «Нью стейтсмен» получившую большой резонанс в Португалии статью под вызывающим заголовком «Почему должен уйти Салазар».

В январе 1961 года группа португальских и испанских патриотов во главе с капитаном Энрико Галвао захватывает океанский лайнер «Санта-Мария». Как потом выяснилось, эта отчаянная по своей смелости акция была предпринята с ведома и по плану Делгадо.

Проходит еще год. 1 января 1962 года, вскоре после крупных политических выступлений португальских трудящихся масс против фашистской диктатуры, патриотически настроенные офицеры, во главе которых стоял отважный капитан Варела Гомес, совершили нападение на казарму в городе Бежа. Революционеры, пожалуй, впервые в Португалии пытались поднять широкие слои народа на всеобщее антифашистское восстание. Генерал Делгадо лично подготовил это выступление, приехав в Португалию. Он нелегально провел там 12 дней, проявив редкое мужество.

Выступление в Бежа было жестоко и быстро подавлено. Как писал потом Генеральный секретарь Португальской коммунистической партии Алваро Кунья́л, неудача объяснялась тем, что «организаторы нападения на казарму в Бежа не учли, что время для крупных народных выступлений еще не наступило, репрессивный аппарат еще не начал разваливаться, а необходимая организованность в рядах антифашистов отсутствовала».

В 1962 году генерала Делгадо судят заочно на процессе патриотов — участников захвата «Санта-Марии». В 1963 году он заявляет, что готов приехать в Лиссабон, чтобы самому защищать себя на суде в связи с офицерским восстанием в Бежа... Его не пускают...

ГЛАВА ЖУНТЫ ИЗЛАГАЕТ СВОЮ ПОЗИЦИЮ

Наш разговор происходил вскоре после того, как на II конференции Патриотического фронта национального освобождения генерал был избран главой португальской Революционной жунты. Вслушиваюсь в его слова.

— В мире день ото дня становятся все неодолимее левые тенденции. Это относится и к Португалии, где мы являемся свидетелями разделения враждующих сторон на два явно непримиримых лагеря. Теперь уже абсолютно немыслимо находиться между ними. Наша последняя антидиктаторская конференция в Алжире явственно показала жизненную необходимость объединения всех сил нашего лагеря, вне зависимости от политических убеждений. На этой конференции мы создали базу борьбы с участием всех антидиктаторских сил, включая и коммунистов. Режим доктора Салазара держится до сих пор только благодаря щедрой помощи некоторых империалистических государств Запада, которые своими денежными инъекциями способствуют консервации режима, не имеющего реальной опоры среди португальцев.

Вся моя вина заключается в том, что я страстно люблю родину и португальцев. Я не могу спокойно видеть несправедливость в родном доме. Нет, я никогда не был коммунистом, хотя кое-кто, и даже некоторые мои соратники, особенно после того, как я побывал в СССР, обвиняют меня в том, что я коммунист. Но это не так. В таких подозрениях отражаются антикоммунистические предрассудки. Я не коммунист, но считаю Португальскую компартию действенной и отлично организованной силой антифашистской борьбы. Наше объединение с коммунистами основывается на общем искреннем желании добиться в нашей стране торжества демократии, создать условия для проведения независимого внешнеполитического курса, обеспечить всем гражданские свободы, сделать так, чтобы выборы проходили в честной атмосфере, без фальсификаций. Все, в ком горит жажда свободы, кто не может спокойно взирать на несправедливость, находятся вместе с нами и все решительнее вступают в борьбу.

Я уже говорил, что португальский режим не продержался бы столь долго у власти, если бы не щедрая экономическая, техническая и моральная помощь западных держав. Всего один, но яркий пример: четвертая часть нашего бюджета — инвестиции этих государств.

О колониальных войнах в Африке. Я неоднократно заявлял, например, в 1961 году в столице Марокко Рабате, а потом в Нью-Йорке в 1963 году, что выступаю за самоопределение народов, за их независимость... Требуется определенный период времени, разумеется, для их перехода к самоуправлению. Но сам процесс неизбежен. Трудно сказать что-либо определенное о наших будущих отношениях с этими народами. Переход должен происходить постепенно и спокойно, без кровопролития.

Можно подумать и о дальнейших отношениях и связях. Например, на мой взгляд, реально создание определенного на португальский манер Содружества Наций, которое уже реально функционирует между Великобританией и освободившимися территориями.

Короче, можно много спорить по этому поводу, и я не претендую на роль верховного судьи в столь сложном вопросе. Наверняка у многих моих коллег по движению, например у коммунистов, по этому поводу другие, вполне возможно, противоположные взгляды, но одно обстоятельство является аксиомой: никто не вправе игнорировать право народов на независимость и самоопределение...

Я знал, что Делгадо встречался в Алжире с представителями африканских организаций, которые вели вооруженную борьбу против португальского колониализма. Знал, что они жарко спорили и что африканцы уже тогда куда более точно, чем генерал Делгадо, и, конечно же, не так наивно, как он, оценивали перспективы отношений между колониями и метрополией в случае краха фашизма. Они с самого начала, с самого первого выстрела знали, что сражаются за независимость без всяких оговорок и ограничений, отвергали любые «варианты Британского содружества».

* * *

Тогда, в январе 1964 года, генералу Делгадо казалось, ему так хотелось верить, что он совсем близок к победе. Что надо еще чуть-чуть подтолкнуть прогнивший режим, и он рухнет. Но Делгадо понимал, что даже это «чуть-чуть» совсем не просто...

Он задумывается грустно, вспомнив о неудаче в Бежа, но тут же продолжает размышлять вслух и вновь возвращается к роли коммунистов:

— Самой значительной политической силой сопротивления фашизму является неоспоримо Коммунистическая партия. Главной мобилизующей силой, силой, которая действительно борется... Важным элементом борьбы является и молодежь, студенты, которые в последнее время очень смело выступали против режима...

Я верю в победу. По крайней мере три четверти народа на стороне оппозиции. Конечно, нельзя забывать о влиянии церкви. Многие у нас очень набожны, и им говорят на мессе: придет Делгадо — все сгорит в огне... А у меня жена — католичка. Ну зачем же мне поджигать храм?

И он раскатисто рассмеялся.

Нет, в тот момент Делгадо, видимо, еще не готовил никаких отчаянных вылазок против салазаровского режима.

Уже через год генерал вновь займется организацией чисто заговорщической деятельности в Португалии, откажется от консультаций с силами, входившими в Патриотический фронт, от участия в его III конференции, которая исключит генерала из состава руководящей жунты. Он попытается сколотить свой собственный фронт — «фронт генерала Делгадо», но пренебрежение неумолимыми правилами серьезной политической борьбы поставит под удар все его начинания.

Уже в том же 1964 году во время одной из своих частых поездок из Алжира в Париж Делгадо устанавливает контакт с Эрнесту Каштру-э-Соуза, который выдает себя за убежденного антифашиста. Это агент ПИДЕ — португальского гестапо — Лопеш Рамуш. Он предлагает генералу «сценарий» антисалазаровской акции, которая должна «стартовать» из испанского города Бадахос.

Генерал и его секретарша тайно прибывают в Бадахос. Оттуда Лопеш Рамуш переправляет их в городок Оливенса, где их ждут еще три «антифашиста» — Агостинью Тьенца, Антониу Роза Козаку и Каймиру Монтейру. На двух машинах они пересекают португальскую границу в пункте Сао-Леонардо. В одной из машин уже на португальской территории Каймиру Монтейру разряжает обойму своего пистолета в генерала Делгадо. В другой — убивают Арахарир Морейра де Кампос. Машины вновь пересекают границу в обратном направлении и останавливаются в нескольких метрах от нее. Трупы обливают серной кислотой, известью, засыпают камнями...

Убийцы возвращаются в Лиссабон и докладывают о проведении операции своим начальникам — руководителям ПИДЕ. Это Паиш де Алмейда-э-Силва, Барбиери Кардозу, Перейра ди Карвалью.

НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ — ФАШИЗМ

Сейчас семь пидевцев из десяти, участвовавших в операции, арестованы. Трое — в бегах. Следствие закончено. Скоро откроется процесс, который призван не только пролить свет на еще неведомые обстоятельства гибели Умберто Делгадо. Он станет судом над ПИДЕ, над всей фашистской системой, рухнувшей 25 апреля в результате широкого, хорошо спланированного и энергичного выступления вооруженных сил, поддержанных широкими народными массами.

Да, конечно, речь идет не только о возмездии убийцам человека, которого португальские социалисты, входящие ныне вместе с коммунистами во временное правительство, считают одним из основателей своей партии. Главное значение предстоящего процесса в том, чтобы еще раз напомнить португальцам, что такое фашизм, при котором они жили, который они сокрушили, но который еще не канул в Лету, не сдался, не расстался с мыслью о реванше. Демократическое преобразование общества после полувековой фашистской ночи проходит в Португалии трудно.

Нет, ныне ни в Португалии, ни в колониях ничто уже не будет так, как хотелось бы убийцам Делгадо, Кабрала, Мондлане или их могущественным покровителям. Борьба против фашизма и колониализма не была напрасной. Народы Португалии, Гвинеи-Бисау, Анголы, Мозамбика слишком дорого заплатили за победу в этой борьбе. Процесс демократизации в самой Португалии и тесно связанная с ним деколонизация необратимы.

Новая Португалия, склоняясь перед памятью своих павших сынов, выходит из гетто, в которое ее загнал фашизм. Она предоставляет независимость бывшим колониям, устанавливает отношения со всеми странами, которые поддерживали ее антифашистские и антиколониальные силы. Важнейшее значение в этой связи имеет развитие отношений с Советским Союзом. Я закончу еще одной цитатой из моей беседы с генералом Делгадо.

— Что я думаю о роли в современном мире Союза Советских Социалистических Республик? (Он старательно выговаривает каждое слово, но тут же сбивается на старое, более привычное для него название.) Россия в наше время — это страна, играющая решающую роль. Это государство, которое своевременно и точно оценивает все международные проблемы и, я бы сказал, своей политикой предвосхищает развитие событий. Россия всегда действует в самом центре всемирной борьбы за мир и свободу.

Я португальский офицер. В академии меня, конечно же, воспитывали в духе вражды к Востоку, к коммунизму, который якобы только и ждет момента, чтобы «раздавить мою отчизну, растоптать ее знамя, взломать ее границы». Все это мне внушали с 18-летнего возраста... Но произошло невиданное и неслыханное: мое сознание человека, лидера оппозиции, претерпело такую трансформацию, что я отправился в ту самую Россию, которой меня пугали. Я понял и полюбил эту страну, ее людей... Я стал другом России...

* Humberto Delgado.

КИТАЙ СЕГОДНЯ

«КИТАЙ: СРЕДИННОЕ ЦАРСТВО»

Под таким заголовком еженедельный гонконгский бюллетень «Чайна ньюс аналисис» поместил статью, отрывок из которой мы публикуем сегодня.

КИТАЙ — страна великая и важная, кто станет это отрицать? Но, значение многих других азиатских стран, хотя бы Японии и Индии, не менее велико. Однако ни современная Япония, ни современная Индия не окружены мифами и не одержимы манией величия. Сейчас это отличительная черта Китая.

Когда Мао и его соратники вступили в Пекин, они расположились во дворце в Чжуннаньхае, где некогда была резиденция императора.

Современные наследники древних традиций создали вокруг страны атмосферу таинственности. Поездка в Китай — целое событие; разговор с высокопоставленным должностным лицом — большая честь, которой не удостаиваются даже аккредитованные в Пекине послы; быть допущенным в святая святых — редкая удача, которая выпадает на долю немногих избранных.

Попытки создать представление о необычайном величии оказались весьма успешными. Современный Китай — это страна мифов об уникальных достижениях и о мудрости властелина, покорившей многие сердца.

Человек, который более четверти века стоит у кормила власти и полвека занимается политической деятельностью, обладает таким опытом, которого, конечно, нет у тех, кто только недавно вступил на поприще политики. Но чтобы обладать политической мудростью, нужно не только время, но и хорошее знание окружающего мира, а этого-то и нет у величественных старцев в Пекине. Сейчас Чжоу Энь-лай время от времени встречается с главами различных государств, но поговорить час-другой с людьми, приезжающими со всех концов света, вовсе недостаточно для человека, которому необходимо научиться понимать мир.

Мао, а ему пошел девятый десяток, всегда любил мыслить глобально, но это опасно без глобальных знаний. Он любит делить мир на крупные «зоны».

1946 год. В беседе с Анной-Луизой Стронг Мао сказал, что Соединенные Штаты и Советский Союз разделяет огромная «зона», в которую входят многие капиталистические, колониальные и полуколониальные страны Европы, Азии и Африки, — огромная бесцветная «зона» между «ангелом» и «дьяволом». Так Мао называл Советский Союз и Соединенные Штаты.

1963 год. 17 лет спустя, когда Пекин уже открыто выступал против Москвы, в журнале «Хунци» и газете «Жэньминь жибао» была нарисована такая же картина, как и в 1946 году (Соединенные Штаты хотят покорить мир, но они натолкнутся на противодействие «промежуточного мира», в особенности Азии, Африки и Латинской Америки, где проживают две трети населения Земли).

1964 год. Годом позже эта концепция несколько видоизменилась: теперь «промежуточный мир» был разделен на две «зоны».

В январе 1964 года Мао говорил о справедливой борьбе Панамы против Соединенных Штатов. Комментируя его заявление, газета «Жэньминь жибао» в редакционной статье назвала страны Азии, Африки и Латинской Америки «первой промежуточной зоной», а капиталистические страны, Западную Европу, Океанию и Канаду — «второй». Эта вторая «зона», хотя сама находится под властью Соединенных Штатов, эксплуатирует другие страны.

В статье не указывалось конкретно, между какими странами расположены эти две «промежуточные зоны». Но было ясно, что они находятся между американским империализмом и социалистическими странами, к которым относились Китай и Советский Союз. Тем не менее в этой статье говорилось, что «думать о возможности совместного господства Соединенных Штатов и Советского Союза над миром — это иллюзия». Разве социалистическая страна может подружиться с «дьяволом»?

Однако, спустя несколько лет, Пекин сам начал переговоры с американским «дьяволом». При этом от доктрины «промежуточных зон» не отказались, но она приняла новую форму. «Промежуточные зоны» остались такими же, как раньше, но изменились полюса, между которыми они располагались. Вместо одного «дьявола» теперь стало два — Соединенные Штаты и Советский Союз.

1972 год. В редакционной статье, опубликованной по случаю национального праздника в газетах «Жэньминь жибао» и «Цзефанцзюнь бао» и в журнале «Хунци», говорилось: «Не только в первой, но и во второй промежуточной зоне все больше стран объединяется в самых различных формах, чтобы оказывать противодействие двум сверхдержавам — Советскому Союзу и американскому империализму — и вести с ними борьбу». Прежнее определение означало, что две «зоны» находятся между американскими империалистами и социалистическим лагерем. В 1972 году, когда Китай установил отношения с Соединенными Штатами, точно так, как это сделал раньше Советский Союз, США и СССР были поставлены им на одну доску как две сверхдержавы, «два дьявола», образующих один полюс. «Ангелов», образующих противоположный полюс, пока не называли.

1974 год. Прошло два года, и, выступая на специальной сессии ООН, посвященной проблемам окружающей среды, Дэн Сяо-пин высказал новую концепцию. В Китае отказались от термина «промежуточная зона». Теперь все страны мира делились на три категории: «Соединенные Штаты, Советский Союз («два дьявола») составляют первый мир; развивающиеся страны Азии, Африки, Латинской Америки и другие районы — третий мир, а развитые страны между этими двумя зонами образуют второй мир». «В результате появления социал-империализма социалистический лагерь, существовавший какое-то время после второй мировой войны, больше не существует», «Китай не только развивающаяся, но и социалистическая страна. Китай принадлежит к третьему миру».

Итак, конфигурация мира вновь изменилась. «Дьяволы» — США и СССР — остались теми же, что и прежде. С той только разницей, что Дэн Сяо-пин именовал Советский Союз «худшим из дьяволов». В единственную «промежуточную зону» — хотя этот термин в Китае больше и не употребляют — входят все развитые страны (за исключением «двух дьяволов»). «Ангелы», образующие второй полюс, — это все страны «третьего мира», и среди них величественно сияет Китай.

После окончания специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН газета «Жэньминь жибао» в одной из редакционных статей подвела итог: «Происходящая международная борьба наглядно свидетельствует о том, что современный мир состоит из трех частей, или трех миров, которые и взаимосвязаны, и раздираются противоречиями... Сессия показала, что, только относясь к третьему миру как к равному и укрепляя свои узы с ним, страны второго мира, которые находятся между сверхдержавами и развивающимися странами, эффективно противостоят контролю со стороны сверхдержав...»

Разумеется, инициатором такого нового важного взгляда на мир был вовсе не Дэн Сяо-пин. Это старая идея Мао в новой форме.

В этой связи следует отметить два обстоятельства. Во-первых, Пекин официально объявил, что социалистический лагерь больше не существует. И, во-вторых, Китай официально причислил себя к «третьему миру».

И то, и другое — плод самообольщения. Ведь никакая формула, даже Мао, не может стереть с политической карты мира Советский Союз и его союзников. Сам Пекин заключает с Советским Союзом и другими социалистическими странами торговые соглашения. Что же касается заявления о том, что социалистический лагерь больше не существует, то это всего лишь запоздалое признание несостоятельности попыток Китая ослабить союз СССР с другими социалистическими странами.

В письме, посланном в Москву 14 июня 1963 года (позднее «Жэньминь жибао» сообщила, что его написал сам Мао), Пекин назвал социалистическими 13 стран, в том числе Кубу и Албанию, исключив Югославию, и в 25 пунктах определил требования, которым должна отвечать «хорошая коммунистическая страна». Письмо было написано за несколько дней до отъезда Дэн Сяо-пина и Пэн Чжэня в Москву для продолжения переговоров. Но переговоры зашли в тупик. Когда китайские делегаты возвратились в Пекин, в аэропорту их встречал сам Мао.

Однако внимательное изучение новой формулы показывает, что Пекин вовсе не считает, будто социалистические страны вообще не существуют. Он утверждает лишь, что не существует социалистический лагерь. Сам Китай — социалистическая страна. А Советский Союз — нет. Теперь Китай, видимо, признает социалистическими еще только четыре страны: Северную Корею, Северный Вьетнам, Албанию и Румынию. Принадлежат ли эти страны, в частности Румыния, к «третьему миру»?

Что скрывается за новой формулировкой? Судя по всему, Китай стремится к новой роли, а точнее сказать — к новой имперской роли. Китаю не удалось стать лидером социалистического лагеря. Он проиграл в длительной борьбе, рассчитанной на то, чтобы внести раскол в его ряды. Поэтому Китай по собственному почину берет сейчас на себя роль руководителя «третьего мира». Но его честолюбивые устремления столь же нереальны, как и попытка стать лидером коммунистического мира. Полагать, будто Китай сможет сплотить абсолютно несовместимые страны и правительства, которых сейчас называют «третьим миром», — это не что иное, как мания величия. Что общего между Бирмой и Сенегалом, Бразилией и Руандой? Готова ли Индия признать, что Китай — это «великий покровитель» всех развивающихся стран?

Создается впечатление, что формула «трех миров» — это фантазия человека, который уготовил себе роль глобального руководителя, но утратил — или никогда не имел — контакт с реальным миром. Именно у этого человека родилась идея «большого скачка», принесшего Китаю годы бедствий; именно он правит страной, опираясь на политические кампании. Именно он ставит насилие превыше всего.

ИНФЛЯЦИЯ...

СПАД...

БЕЗРАБОТИЦА...

Теперь страна может быть уверена в своем будущем

Карикатуры из зарубежной печати

ЗВЕЗДНЫЙ СВЕТ ПОЭЗИИ

К 80-летию со дня рождения Юлиана Тувима

Имя Юлиана Тувима ярким светом блистает в славной плеяде польских поэтов нашего времени, украшенной именами таких мастеров, как Владислав Броневский, Леопольд Стафф, Константы Ильдефонс Галчиньский, Станислав Рышард Добровольский и многие другие, начинавшие свой творческий путь еще в межвоенное время.

Творчество каждого из них наделено чертами неповторимого своеобразия, но тема пламенной, исступленной любви к родине объединяет их, и в мерное, а подчас неукротимо бурное течение строф «Вислы» Броневского так естественно вплетаются строфы мазовецких стихов Добровольского и «Цветов Польши» Тувима.

Эмоциональный диапазон творческого наследия Юлиана Тувима, ушедшего из жизни уже через несколько лет после возвращения на землю освобожденной родины, удивительно многообразен. Высокая гражданственность сочетается в его поэзии с проникновенной лирикой, пленившей многих композиторов, положивших его стихи на музыку. Трагические страницы сменяются шуточными, написанными для детей, — и поныне вряд ли можно представить себе польского ребенка, не читавшего тувимовского «Паровоза» и не восторгавшегося виртуозной звукоизобразительностью картин паровоза, разводящего пары, и стука колес поезда, мчащегося вперед.

Юлиан Тувим был одним из музыкальнейших польских поэтов. Его стихи очаровывают не только богатством и силой образов, но и красотой звучания, над асами оттенками которого он так любовно работал, создавая свои стихи и переводы, прежде всего переводы Пушкина.

Во всей мировой литературе нет перевода «Медного всадника», который можно было бы сравнить с тувимовским шедевром. Вчитываясь в этот перевод, нельзя не почувствовать, что его уровень объясняется не только поэтической чуткостью, мастерством и версификационной техникой Тувима, но и подлинной любовью к Пушкину. И нельзя не вспомнить, что своей прославленной поэме «Цветы Польши», связанной с тяжкими переживаниями военных лет, Тувим предпослал пушкинские строки в русском оригинале:

И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет...

В нашей стране переведено много произведений Тувима. Творчество его внимательно изучается советскими полонистами. Он живет в нашей благодарной памяти как большой поэт и как верный друг.

Игорь БЭЛЗА,
доктор искусствоведения

Юлиан ТУВИМ

Мысли мои переплетаются четко, гибко

Мысли мои переплетаются
четко, гибко,
Как девичьи корзинки
из ивовых веток.
Ночью девушка
сон приснится —
косной, путаный, зыбкий,
А на рассвете —
Гляньте! Идет уж из леса
с корзинкою земляники,
От счастья напевает,
но часто смолкает,
За ягодкой ягодка
на губах тает;
Идет — остановится,
оглянется быстро,
То улыбнется,
то погрустнеет.
Что с ней творится,
смятеньем объятой!
А лес-то все дальше
чернеет,
Все ближе белеет хата,
Где сердце куда-то
рвалось,
Где все перед этим
переплеталось,
А нынче сбылось.

Со мною так не было до сих пор

Со мною так не было
до сих пор,
Чтоб, с сердцем
не зная сладу,
Со звездным фонариком,
точно вор,
На цыпочках шел по саду.

И час, и два провел я
в труде —
Пытаясь, ошеломленный,
Понять — что же с ней!
быть может — в беде!
Кого она кличет!
И кто она! Где!
Что с ней,
с этой птицей бессонной!

Умаяла так,
что в душе уже бунт,
Сперва воскликнула
через минуту,
Потом через тридцать,
пятнадцать секунд
. . . . . .

Перевела
М. ПЕТРОВЫХ

Роза

В лепестках, бутонах, цвете
Превзошла она все нормы,
Ужас, как прекрасны эти
Даже тернии по форме!

До чего все это четко,
Безупречно состоялось!
Роза, роза, ты эстетка!
Хоть бы бога побоялась!

Перевел
Борис СЛУЦКИЙ

ПОЧЕТНЫЕ НАГРАДЫ

■

В связи с 30-летием социалистической революции Государственный совет Народной Республики Болгарии издал указ о присвоении звания Героя Социалистического Труда писателям Андрею Гуляшки, Камену Зидарову, Павлу Вежинову, Пантелею Зареву и Камену Калчеву. Лауреатами Димитровской премии стали Димитр Пантелеев, Иван Пейчев, Драгомир Асенов, Стефан Каранос.

Большая группа мастеров слова удостоена званий «Народный деятель искусства и культуры» и «Заслуженный деятель искусства и культуры».

■

За активное участие в Словацком национальном восстании, а также за плодотворную деятельность в политической и культурной жизни известный писатель Владимир Минач награжден орденом Красной Звезды. Премией Словацкой Социалистической Республики удостоены драматурги Иван Буковчан, Освальд Заградник, академик Андрей Сираций.

КТО, ГДЕ, КОГДА

«Эта любимая чужестранка»

Так восхищенно назвал пенджабский поэт Харибхаджан Сингх подготовленную им антологию советской поэзии, опубликованную издательством «Нав юг» («Новый век»). Три года назад вышла первая книга переводов Х. Сингха «Твое слово на моем языке», в которой составитель пытался дать самое общее, эскизное представление о русской поэзии от Пушкина до Маяковского. В новой книге выдающийся пенджабский поэт сосредоточил свое внимание на советской поэзии.

Рассказывая историю создания антологии, Х. Сингх пишет, что он, заинтересовавшись поэзией Фета, стал искать его стихи в переводах, но... «искал одного, а нашел многих и теперь, объединив результаты своих находок, я предлагаю читателям переводы из вновь встреченных поэтов».

Катастрофы на экране

Атомные взрывы, огромные летучие мыши, словно вампиры, сосущие кровь живых людей, гигантский самолет, разбившийся о небоскреб в центре Нью-Йорка, — все это подробно и натуралистически изображается в голливудских фильмах нового типа, рисующих картины одну ужаснее другой. «Фильмы о катастрофах, — пишет газета «Нью-Йорк таймс», — по замыслу их авторов, должны привлечь интерес пресыщенной показом обычных преступлений публики» и обеспечить коммерческий успех голливудской кинопромышленности.

На снимке: кадр из фильма «Землетрясение», в котором подземные толчки разрушают Лос-Анджелес.

Мир Бетховена

«Вот моя тетрадь и вот мои карандаши. С их помощью вы сможете со мной беседовать и отвечать на мои вопросы», — написано на щите, стоящем на совершенно пустой сцене. Так начинается спектакль по «Разговорным тетрадям» Людвига ван Бетховена, поставленный в Милане итальянским актером Глауко Маури (он же исполнитель главной роли). В течение ряда лет эти тетради служили потерявшему слух композитору единственным средством общения с окружающим миром.

Маури не стремится к портретному сходству с Бетховеном, не пытается вызвать у зрителей жалость эффектным показом трагедии одинокого и тяжело больного композитора. Пользуясь только лишь точным текстом тетрадей, в скупом оформлении и с минимальным количеством исполнителей он создает убедительную и впечатляющую картину последних лет жизни и духовный мир гениального композитора.

ЛИЦА СКВОЗЬ ФАКТЫ

НЕТ ЛАВРОВ ДЛЯ М-РА ЧЕЙЗА

Фабрикант детективных историй Джеймс Хэдли Чейз недавно выпустил 75-ю книгу, полную ужасов и крови. Чейз — кумир западной «массовой культуры», буржуазная критика величает его королем «черных романов».

Они лежат передо мной, эти книги. Черные, глянцевые обложки, нежно-зеленого цвета буквы и большие, в две трети страницы фотографии красоток. В правом верхнем углу обложек — прямоугольник, выкрашенный внутри желтым: серия «карре нуар» («черный квадрат») французского издательства Галлимар.

Автор большинства этих книг сказал журналисту из «Пари-матч» Жану де Кару:

«Посмотрите... на коллекцию «черный квадрат». Цветные фотографии обнаженных девушек — это аргумент для торговли. Все мои наиболее удачные книги изданы в этой коллекции, но я знаю, что некоторые люди покупают их исключительно из-за обложек. Они вырезают фотографии девушек и вешают на стену, как и журнальных красоток. Такие покупатели не читают книг, но это меня не беспокоит. Они сделали главное — купили книгу. Конечно, упакована при розничной распродаже — первое дело, гарантия успеха».

Автора зовут Джеймс Хэдли Чейз. Кроме романов криминально-уголовных, он писал когда-то еще юмористические рассказы, но те подписывал псевдонимом Рене Раймонд. Дж. Х. Чейз исполняет роль краеугольного камня, незыблемого столпа для серии «черный квадрат». Де Кар уверяет, что серия вообще была создана ради продукции Чейза. По крайней мере, в каталоге серии из 80 названий 52 принадлежат этому англичанину, живущему в Швейцарии, пишущему «по-американски» и издающемуся во Франции.

На книгах в одну из букв втиснута крохотная, медальонная фотография автора — респектабельного джентльмена с аристократическими усами и ироничным выражением лица. Непосредственный наблюдатель де Кар нашел у Чейза телосложение Кларка Гейбла, знаменитого кинематографического героя-любовника тридцатых—сороковых годов, и походку Энтони Идена, бывшего британского премьера. Исторические параллели призваны убедить в солидности поставщика пестроцветных нимф. О солидности свидетельствуют и секреты творческой лаборатории:

«Главное — это метод. Неважно какой, но необходимо им обладать. Может быть, в этом и заключается талант. Когда я начинаю писать, я набрасываю подробный план книги на двадцати страницах. В голове у меня все прекрасно организовано. Я представляю себе продолжительность каждой главы — в среднем тридцать страниц. И я знаю, что в каждой главе должно что-нибудь произойти. Первая глава, возможно, самая важная: в пяти-шести строках нужно овладеть вниманием читателя. Но самое главное — сюжет. Теперь я тщательно отделываю книгу, переписываю ее три раза кряду на машинке. Я не спешу».

Для легкомысленных покупателей эти слова должны звучать как упрек: вы покупаете обложки, но под яркой упаковкой все ж содержится товар добротный, выполненный не за страх, а за совесть. Чейзу известны правила приличной коммерции: свою литературную карьеру он начинал продавцом книжного магазина. Тогда же, за шесть уик-эндов, то есть за двенадцать дней, он написал свой первый и самый знаменитый роман «Нет орхидей для мисс Блэндиш».

В названиях книг Чейза есть нечто оглушительное, названия приковывают и завораживают, как направленный на тебя пистолет. Тем более, что зачастую упоминаются в них выстрелы, драки и смерть: «Ты будешь, совсем один, когда умрешь», «Двенадцать пуль в шкуру», «Заставь труп плясать», «Не суйте свой нос», «Увидеть Венецию... и подохнуть». Правда, не забыта в заглавиях и ботанико-зоологическая тематика, принесшая когда-то успех. Кроме тех орхидей, которых не дождалась мисс Блэндиш, есть еще «Плоть орхидеи», есть «Лотос для мисс Чанг», есть приказ: «Ложись там, в ландышах», а завершается все это «Гадюкой на груди». Прежде чем — по замыслу автора — первые пять-шесть строчек прикуют внимание читателя, в ход пускаются названия.

Мистер Чейз выстреливает свои книги с методичностью все того же стреляющего пистолета — регулярно по две в год. Первая книга о мисс Блэндиш вышла в 1938 году, а через тридцать шесть лет, в то время как де Кар брал у него интервью, Чейз поставил последнюю точку в своем семьдесят пятом романе. Историки литературы без должного внимания относятся к этой размеренной, бесперебойной деятельности. В одной из энциклопедий справка о писателе сформулирована следующим образом: после сведений о рождении, учебе в королевской школе в Рочестере лаконично сказано, что Чейз написал роман «Нет орхидей для мисс Блэндиш» и «еще 53 книги». Все, что создавалось после печальной саги о мисс Блэндиш, утоплено в анонимной, невыразительной цифре, дано скопом. Энциклопедия появилась в середине шестидесятых годов. Теперь число книг увеличилось до 75. Написав уйму романов, Чейз как будто остался автором одной-единственной книги. На сей день общий ее тираж достиг 7 миллионов. Лет пятнадцать назад автор создал новую ее редакцию. В издательской аннотации к недавнему выпуску книги сказано, что это «наиболее противоречивый и наиболее знаменитый из всех романов, когда-либо появившихся». Таким образом, можно понять писателя Чейза, поняв повествование о мисс Блэндиш.

Самая знаменитая книга Чейза состоит как бы из двух сюжетов: героем одного является частный сыщик Дейв Феннер; второй повествует о злоключениях мисс Блэндиш, красавицы и дочери мультимиллионера, похищенной гангстерами.

Феннер живет душа в душу с полицией, деятельно с ней сотрудничает. Сыщик у Чейза вновь обретает свои сверхъестественные качества — в два дня добивается успеха там, где полиция безрезультатно топталась три месяца. Своеобразие придает книге сюжет о мисс Блэндиш.

Он как будто скомпонован из обрывков реальных фактов. Дочь богача попадает в руки банды во главе с Мамашей Гриссон — Чейз лишь немного изменил фамилию подлинного лица, вошедшего в историю американской криминалистики под кличкой «кровавая мама». Гангстеры намерены получить за мисс Блэндиш гигантский выкуп и убить ее — именно так закончилось нашумевшее в тридцатые годы дело — похищение сына известного летчика Чарлза Линдберга. В книге Чейза выполнение гангстерского плана осложняется тем, что неожиданно пробуждается страсть к мисс Блэндиш у Слима Гриссона, сынка, достойного своей мамаши, номинального главы банды. Поэтому девушку заточают в заведение, приобретенное на выкуп, в «Райский клуб».

Мисс Блэндиш — жертва. Она пассивна. Зато постоянно подчеркивается, что она прекрасна, физически красива. Героиня ни разу не названа по имени, для Чейза она всегда — Мисс, непорочная дева.

Слим Гриссон — ее антипод, полная противоположность. Это дегенерат, садист. Садистская жестокость накатывает на него приступами, и тогда глаза Слима загораются желтым пронзительным светом, как у хищного зверя. При встречах с мисс Блэндиш Слим превращается в дефективного недоросля. Расставив таким образом основных персонажей, Чейз тем самым отправляет нас в мир сказки — не сказки вообще, а вполне определенной, конкретной. Несколько веков назад ее сочинила французская писательница Лепренс де Бомон, назвав «Красавица и чудовище». Чейз спародировал сказку, издевательски вывернул ее наизнанку.

Как и красавица госпожи де Бомон, мисс Блэндиш не по своей воле попадает в прекрасный замок современной цивилизации — в «Райский клуб» с рулеткой и номерами стриптиза, с непроницаемой для полиции блиндированной дверью и непробиваемыми шторами на окнах. Как и далекая предшественница, героиня Чейза отказывается покинуть прекрасный замок, когда представилась возможность, но отказывается по совершенно иным причинам. Прежней красавицей двигала сила любви, эта любовь превращала чудовище в очаровательного принца. В романе Чейза совершается обратная метаморфоза: чудовище низводит красавицу до своего уровня. По приказанию Мамаши один из членов банды, спившийся доктор, ежедневно потчует мисс Блэндиш наркотиками, и, когда она одурманена, ею обладает Слим. Пожалуй, Чейз очень гордился своей сюжетной находкой, потому что впоследствии с удовольствием ее повторял, например, в позднем, написанном в шестидесятые годы романе «Его считают опасным».

Так зло становится неотъемлемой органической частью существования сказочной красавицы, и освободиться от зла можно теперь в том случае, если освободишься от самого этого существования. Мисс Блэндиш не получает своих орхидей, — наркотиками и жестокостью ее лишили права на такую награду.

Предметом изображения у Чейза является повседневное насилие, точнее — насилие над идеалами, котором такого мироощущения, стал герольдом всепроникающего зла.

«Философическую» находку первой книги Чейз эксплуатирует по сей день, выстраивая в своих романах особый мир, из которого вытравлены радость, справедливость, добро. После повествований о частных сыщиках Чейз в пятидесятые годы все чаще стал создавать книги, как бы иллюстрирующие популярную сентенцию «Преступление не оплачивается», то есть не имеет смысла. Примером таких книг может служить роман «Здесь всегда есть ценник» (то есть за все, за любой поступок нужно платить), роман, экранизированный французским режиссером Дени де ля Пательером под названием «Поворот ручки». Действие у Чейза происходило в Голливуде. Пательер перенес его на Лазурный берег Средиземного моря. Богатый финансист Фреминджер встречает здесь Робера Монтиньона, человека без определенных занятий, вводит его в свой дом, делает своим секретарем и шофером. Вскоре Робер становится любовником жены Фреминджера — холодной, презрительной Элен. Оказавшись на грани банкротства, Фреминджер кончает жизнь самоубийством. Чтобы получить огромную страховую премию, которую не выплачивают при самоубийстве, любовники хранят труп Фреминджера в холодильнике и затем инсценируют нападение неизвестных бандитов. Полиция начинает следствие, а Робер убеждается, что ничего не значил для Элен, был лишь орудием в ее руках. Между любовниками возникает ссора, во время которой Робер убивает Элен. Появившийся внезапно, как чертик из табакерки, комиссар полиции арестовывает Робера. В конце концов выясняется, что Фреминджер завещал свое состояние именно Роберу, а не жене, — махинации Робера не имели смысла. Чейз сыграл со своим героем злую, издевательскую шутку — стал искушать его преступлением и, когда человек поддался искусу, показал со злорадной ухмылочкой бесперспективность и глупость потуг. Жизнь, по Чейзу, единственно — серия садистских фокусов. В романах Чейза явствен и мотив женоненавистничества, как будто все зло придуманного писателем мира сосредоточено в женщине.

Раймон Борд и Этьенн Шометон, авторы исторического обзора черных романов и черного кинематографа, отмечают, что творчество Чейза и другого представителя этого направления — англичанина Питера Чейни вторично. В последние годы эта вторичность Чейза еще более усилилась — он открыто и не слишком убедительно стал подражать своему соотечественнику Флемингу и его романам о Джеймсе Бонде. В романах Чейза появляются различные зловещие организации вроде флемингговского СПЕКТРа. Например, в книге «Миссия в Сиэну» действует такая организация, во главе ее стоит Симон Альскони, в прошлом скрипач захудалого варьете и шантажист, а ныне — могущественный гангстер. Двое сподвижников Альскони, собирающиеся покинуть ряды организации, так говорят о своем предводителе:

«Повсюду, куда бы мы ни пошли, он найдет нас. Мы не получим ни минуты покоя... У него есть люди во всех странах мира. Он направит их по нашим следам... Каждый раз, когда ты услышишь шаги за своей спиной, ты оцепенеешь от ужаса. Пусть какой-нибудь человек чуть-чуть настойчивее взглянет на тебя, и твое сердце замрет...»

Альскони вездесущ, всемогущ, это — сатана, держащий мир в подчинении, опутавший его своими кознями. Благодаря Флемингу (я не только ему) Чейз нашел литературную конструкцию, синоним иррационального зла. Нет нужды упоминать, что мысль о сатане, который «там правит бал», бесконечно далека от оригинальности.

Вот уже тридцать шесть лет Чейз пугает читателя всемогуществом зла. Тридцать шесть лет разрабатывает он вульгаризованный, опошленный вариант экзистенциалистской максимы «Ад — это те, другие» — окружение, мир, все, что начинается за порогом твоего дома. Тридцать шесть лет он доверительно шепчет людям: «Все мы сидим в грязи, в болоте, которое неизвестно откуда свалилось на нас и не выпускает из своих липких объятий».

Но, видимо, тридцать шесть лет — слишком большой срок для столь глубокомысленной проповеди. Множатся признаки того, что она, эта проповедь, начинает приедаться. И тогда на помощь приходят пестро-цветастые фотографии красоток. Мистер Чейз тоскливо жалуется интервьюеру: «Люди покупают мои романы из-за красоток на обложке и зачастую не читают их. Но поскольку я не хочу вновь обедненть, то согласен и на это».

Товар приобретается ради упаковки.

В. МИХАЛКОВИЧ,
кандидат искусствоведения

Дочитались...

ТРИ СОНЕТА РОНСАРА

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА. Исполнилось 450 лет со дня рождения великого французского поэта Пьера де Ронсара (1524—1585 гг.). Время вписало немало славных имен в блистательную книгу французской лирической поэзии, но имя Ронсара стоит в одной из самых первых строк. Первых не только потому, что заставляет перелистать обратно календарь на целых четыре с половиной столетия, а по праву навеки остающемуся за первооткрывателями, первосоздателями. Прикасаясь к творчеству которых — несмотря на любую давность, — всегда видишь их идущими впереди, хотя наш взгляд и обращен назад, к прошлому.

Многие драгоценные черты французской поэзии сложились под пером Ронсара. Это было просвещенное перо. Современные издания ронсаровских произведений не обходятся без обильного справочного аппарата, где в связи с той или иной строкой читателя адресуют к Петрарке или Анакреону, Овидию или Лукрецию. Но не следует забывать, что все ныне разложенное по полочкам ученых комментариев когда-то жило в душе поэта, являя собой не обременяющий ее груз, а живую ткань, живую сеть, позволявшую творцу бессмертных сонетов извлекать из моря жизни те сокровища, которые он хотел назвать и назвал своими. «Космическое ощущение живой красоты, — пишет о поэзии Ронсара Анри Вебер, один из ее крупнейших современных исследователей во Франции, — пронизывает эти образы, для которых вековая традиция служит лишь иллюстрацией; мы слышим, как вибрируют струны тайной гармонии, связывающей женщину с очарованием природы, взгляд девушки с лучом утреннего солнца».

Ниже публикуются переводы трех стихотворений Ронсара из первой и второй книг «Сонетов Елене» (1578 г.).

Никита РАЗГОВОРОВ

■

Расстаньтесь с юностью, расстаньтесь с красотою,
Со всем, что небом вам даровано одной:
С очами божества, с ума игрой живой,
С волшебной грацией и с речью неземною.
Расстаньтесь! И тогда себе в успокою.
Расстаньтесь! А пока, где вы, я сам не свой,
Веленьем ваших чар утрачен мой покой
И вольность дерзкая невольно правит мною.
Невольник! Я посмел коснуться ваших рук!
Зачем от гнева вы мгновенно побледнели!
Я разума лишен, владеет мной недуг,
Но я ли виноват в столь горестном уделе!
Проступок мой — стрела, вы — лучница и лук,
Простите же стрелу, ей не дан выбор цели.

■

Я в сумерках читал, но свечка догорела,
И, отходя ко сну, себе я прошептал:
— О, если б, как свеча, скорей конец настал
Мученьям любви. Увы, им нет предела.
Когда ад безумства проникнет в наше тело,
Склонившись над водой, мы видим пса оскал;
Там, где бы ни был я, о чем бы ни мечтал,
Я чувствую, что страсть мою не охладева.
Огонь в моей крови. Не так ли в год иной
На летом — осенью терзает землю зной,
И мой сентябрь принес июльские пожары.
Увы, а долго жил, там горше мне сейчас.
Счастливец Иксион*, Юпитер мстит лишь раз!
Стократ казненный, в жду завтра новой кары.

■

Могущество и власть божественных очей
Невидимы для них, а то они бы знали,
Что им, божественным, положено едва ли
Гордиться торжеством над бренностью моей.
Но, не познав себя, волшебности своей,
Как ведают они, в какую тьму печали
Повергнут ими вы! О том им рассказали
Мои черты в следах страданий и страстей.
Глаза, зачем свою живую радость света
Вы дарите одним цветам и облакам,
И лишь мою душу томитесь, не согреты!
Пусть солнце в день весны примером служит вам.
Зачем — ослеплены враждой к моим слезам —
Ведете вы войну с останками поэта!

* Иксион — один из героев римской мифологии, осмелившийся ухаживать за Юноной и низвергнутый Юпитером в ад. (Прим. пер.).

Отдел Хищений «Клуба ДС»

ЭКСКУРСИЯ

Владимир СВИРИДОВ

В МОЕЙ квартире хламе не найдешь. Но все-таки есть некоторые старые, заветные вещицы, так сказать, местного исторического значения. Каждая такая вещь стала как бы семейной реликвией. Вот, к примеру, старенький, вышитый еще прабабушкой рушничок. Сколько лет прошло с тех пор, когда мое матушка, провожая меня учиться в Москву, завернула в него хлеба краюху да лук с солью! И чем рушничок мне ни служил: и скатеркой, и полотенцем, а в холодные зимы шарфиком оборачивался. Я был тогда студентом. А разве можно забыть кровать-раскладушку, на которой мы с женой два года спали — полночи я, полночи она, попеременно. Больно узка была кроватка. Но меня уже увлекла кибернетика, и я поступил в аспирантуру.

Вот на этом табурете, трижды перекрашенном и четырежды отремонтированном, я врубался в гранит науки, протирая дырки на единственных выходных, серых в полоску брюках, которые мне мать справила к свадьбе.

А этот черный с замком портфель? Сколько было радости, когда я его приобрел! С какой важностью я с ним ходил на заседания ученого совета! Что же это был бы за кандидат без портфеля! Между тем уже на докторскую материал накапливался. Хотел я еще деньжат собрать на письменный стол, работал-то в основном на кухонном, да в это время произошли в моей жизни большие перемены. Переменились мои планы на сто восемьдесят градусов. С теоретическими исследованиями было раз и навсегда покончено.

Больше по душе пришлась практическая работа. И первый, научно выражаясь, эксперимент прошел удачно. Обратите внимание на эту многотомную прекрасную библиотеку. Целые две комнаты из пяти занимает. Я забыл сказать, что до директорства в книжном магазине я работал за квартиру на холодильнике, по вопросам размораживания. Так вот, в отделе, представьте себе — тридцать подписок в год. Книгу берегу, как собственное здоровье, никого к полкам не подпускаю, а для справедливости и сам не подхожу. Издали классиками и современниками любуюсь.

Товарищи, внимание! Заранее предупреждаю, слабонервные могут не смотреть. Обои в моем любимом арабском кабинете несколько необычные. Они сделаны из кожи натурального нильского крокодила. Секретер — из слоновой кости, кресло — из ребра ящера. Эту памятную покупку я сделал в период моей работы бухгалтером в специализированном рыбном магазине.

Техника меня привлекала с малых лет. Да, честно говоря, стыдно в наш век технического прогресса передвигаться по земле пешком.

Нет, вы только посмотрите, какие красавчики стоят во дворе. Голубенький «Жигуленок» — дочкин, а вишневая «Ладушка» — моя. Этих пташек я, образно говоря, изловил, трудясь на плодоовощной базе простым кладовщиком.

Ну и, конечно, нельзя обойти вниманием гордость нашей семьи — скромное творение зодчества 70-х годов XX столетия — загородный дом. Обратите внимание на портик, расположение балконов, перспективу лестницы, раздвигающуюся крышу.

Он изображен на фотографии справа, слева — дача жены. Мы на природе отдыхаем друг от друга. Работа ведь у меня, как говорят, хлопотная, нервная. Приемщиком тары вкалываю...

ФЕЛЬЕТОНЧИК

Георгий ГУЛИА

КУБОМЕТР БАОБАБА

ВХОДЯ к директору, бухгалтер Евгéн Губаз, прекрасно отдавал себе отчет в том, что районное лесное хозяйство так или иначе на подъеме. Но недостатки имеются. Вот о них-то и хотел сказать начальству пару слов товарищ Губаз.

— Это недопустимо! — в ходу начал Губаз.

— Что именно? — начальник тотчас же ощетинился.

— Я насчет нашего парка...

Этот парк уже стоял поперек горла: то один про него напишет в газету, то — другой, а то — и третий. А в чем, собственно, существо вопроса? От стародавних времен остались разные деревья. С такими названиями, что и не выговоришь. И стоят они вроде ненужного придатка: ни фонтанов возле них, ни закусочных, ни волейбольных площадок! А как начнешь парку культурный вид придавать — тут и пошла писанина: дескать, осторожно, дескать, парк очень ценный, почти ботанический сад, и прочая демагогия в этом же роде...

Директор кашлянул и спросил:

— Так что же вас смущает?

— Цены на дрова, — объяснил бухгалтер.

— Какие дрова?

Губаз сказал:

— Деревья рубим?

— Рубим, — ответил директор.

— Дрова образуются?

— Образуются.

— Разного сорта и качества? А мы продаем эти дрова независимо от качества по семи рублей за кубометр. Это же сплошная нивелировка! — сказал бухгалтер.

Он сел на стул и принялся читать по бумажке:

— Один кубометр граба — семь рублей. Кубометр баобаба — семь рублей, кубометр эвкоммии вязолистной — семь рублей, финиковая пальма — семь рублей, араукария бразильская — семь рублей, финик канарский—Канарские острова, понимаете?! — тоже семь, мимоза — семь рублей, магнолия — одни цветы чего стоят! — тоже семь... — По мере того, как список удлинялся, голос бухгалтера становился и выше, и тверже. — Кетелеерия Форчуна — семь рублей, лаковое дерево — которое из Японии! — семь рублей, каллитрис продолговатый из Австралии — семь, криптомерия японская — тоже семь. Неужели простой абхазский граб можно равнять с этим самым баобабом или лаковым деревом, коть оно и ядовитое?..

Директор почесал затылок.

— Что же предлагаете, товарищ Губаз? — спросил он.

— Процентную надбавку в зависимости от долгот и широт, откуда некогда были привезены эти деревья.

— Например?..

— Вот вам пример. — Губаз поднял со стола бумажку: Баобаб — семь двадцать за кубометр, вместо прежней цены в семь рублей; криптомерия — семь пятьдесят, финиковая пальма — семь тридцать пять, араукария бразильская — семь шестьдесят, потому что очень далеко, почти другой свет...

— Н-да, — произнес директор, — все просто и логично.

Товарищ Губаз был на седьмом небе. И сказал почти торжественно:

— Прежде всего — точность!

— Это верно. — Директор кивнул: — Точность нужна в каждом деле.

И товарищ Губаз преподнес тщательно составленный прейскурант, на котором следовало учинить небольшую надпись: «Утверждаю!».

СВЕТСКАЯ ЖИЗНЬ «КЛУБА ДС»

АРИИ БЕЗ ОПЕР

В НОМЕРЕ от 28 августа с. г. писатель-душелюб Евг. Сазонов исполнил на 16-й странице «ЛГ» ставшую уже знаменитой «Каватину Людоведа». В ней пелось о том, что ленинградский комбинат цветной печати из системы «Союзполиграфпрома» выпустил в свет игральные карты на мотив популярных оперных сюжетов, воспевалось приобщение мастеров преферанса, буры и подкидного к отдельным шедеврам оперной классики. «Жду ответа, как оперу Верди «Риголетто» — на такой си-бемоль кончалась ария душелюба.

И ответ не заставил себя долго ждать. Его написал директор комбината тов. Н. Ситников. В нем, в частности, говорится, что оперные карты «согласованы с генеральным покупателем — ленинградской базой «Росгалантерея» Министерства торговли РСФСР». Администрация «Клуба ДС» снимает всякую ответственность с ленинградского комбината цветной печати, ибо, как выяснилось, в выпуске музыкальных карт сказался тонкий вкус базы «Росгалантерея». Однако, с другой стороны, тов. Н. Ситников не скрывает, что «Комбинат цветной печати предпринял разработку новых видов игральных карт, руководствуясь необходимостью обновить ассортимент согласно рекомендациям генерального покупателя».

Ну, а зачем все-таки база «Росгалантерея» рекомендовала обновление? И этого не склонен скрывать директор комбината: «Считаем необходимым отметить, что абсолютное большинство игральных карт разработано до октября 1917 года. На протяжении более чем 80 лет игральные карты печатаются с английского оригинала, выполненного в манере викторианской эпохи».

Вот где, оказывается, козырная собака зарыта! Генерального покупателя в лице базы «Росгалантерея» тошнит от викторианской эпохи в целом. Как вспомнит он эту эпоху, так жить не хочется. И вот в семидесятых годах нынешнего столетия база решила переплюнуть эту эпоху посредством игральных карт на мотив оперных сюжетов.

«Что же касается недоразумений, возникших в связи с публикацией «Каватины Людоведа», — говорится в ответе, — то, отдавая должное обостренному чувству газетного меломана, по решению художественного совета комбината графического искусства с упаковки игральных карт снимается пресловутая ссылка на оперные сюжеты..»

Вот тебе и на! Неужели из-за обостренного чувства газетного меломана надо отказываться от пресловутой ссылки? По мнению администрации «Клуба ДС», это будет надругательством над тонким вкусом базы «Росгалантерея». Эдак генеральный покупатель опять метнется к англичанам. Между прочим, должны вас, тов. Н. Ситников поставить в известность, что оперы, на сюжеты которых созданы карты, все без исключения написаны до 1917 года. А уж ежели «пулька» — так чтоб была полностью созвучна нашим дням, а не пресловутым творениям Верди, Гуно и какого-нибудь Вагнера. В крайнем случае согласны на викторианскую эпоху, туды ее в качель...

В. РЕЗНИКОВ,
оперуполномоченный «Клуба ДС»

ЧУДАКИ

С. ТИШИН В. ПЕСНОВ В. ЧУГРЕЕВ

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА РОГА И КОПЫТА

● ОБЪЯВЛЕНИЕ
Фирма «Поплавок» рекомендует выпускаемые ею купальные костюмы хранить в сухом, защищенном от света месте.

● БЫСТРО И ЭКОНОМНО
Если вам необходимо развесить выстиранное белье, почистить ботинки, помешать суп, перевернуть котлеты и т. д. — пользуйтесь услугами фирмы «Быт». Эти и подобные услуги фирма обязуется выполнить не позднее трех суток со дня подачи заказа.

● НОВОСТИ
У гражданки Симкиной Л. Г. родился сын Митя, ранее не судимый.

● В МИРЕ МАЛЫХ ЧИСЕЛ
1 г «Экстры» стоит 0,8 коп., что на 0,2 коп. дешевле коробка спичек.

● ОБЪЯВЛЕНИЯ
Шью дела
***
Свяжу по рукам и ногам.
***
Мотаю сроки.
***
Завяжу с понедельника.

● ИЗ ЗАЛА СУДА
Гражданин Кузин В. Е. жил не по средствам: пил, курил.
— Почему вы не работали? — спросил его народный судья Кубинова В. Б.
— Знал прикуп, — скромно ответил подсудимый.

ФРАЗЫ

● *Когда человеку надоели мелочи жизни, он изобрел микроскоп.*

● *Ключи от квартиры, в которую вложены все деньги.*

● *Все фальшивомонетчики работают на совесть.*

● *Если вам изменяет память, вы счастливейший из мужей.* Виктор КОНЯХИН

ЛЫСЫЙ БРЮНЕТ

РУКОВОДСТВО ДЛЯ ЖЕЛАЮЩИХ ВЫЙТИ ЗАМУЖ

Л. ИЗМАЙЛОВ, А. ЛЕВЕНБУК

В конце прошлого века А. П. Чехов написал «Руководство для желающих жениться». Это было в то далекое время, когда мужчина думал, что он сам выбирает свою будущую жену и потом женится на ней.

Но с тех пор времена изменились, и уже абсолютно точно доказано, что не мужчина, а именно женщина выбирает жертву на всю жизнь и только позволяет ему жениться на себе.

И вот, желая помочь женщинам в их трудном деле, мы составили новое руководство — для желающих выйти замуж.

Вот оно:

Прежде всего необходимо твердо знать, что же такое мужчина. Наука дает точное определение. Мужчина — это живое существо семейства позвоночных, которое легко приручается и поддается дрессировке настолько, что может научиться мыть посуду, натирать полы, приносить домой картошку и деньги.

Теперь к делу. Выйти замуж может каждая: красивая, некрасивая, хорошенькая, нехорошенькая и совсем плохонькая.

Легко выходят замуж полные, худые и глупые.

Труднее выйти замуж умной. Потому что некой же дурак захочет иметь жену умнее себя?

Выбирая себе мужа, прежде всего обрати внимание на рост. Рост у мужчин бывает: первый, второй, третий и т. д., как в магазине. Причем мужчины высокого роста в хозяйстве нерентабельны. Маленькие мужчины, наоборот, удобны и выгодны в эксплуатации. При маленьком муже нет нужды выбрасывать старые платья. Из одной миниюбки ему можно сшить две макси-кепки.

Мужчины среднего роста очень похожи на маленьких, но едят, как большие.

Теперь о глазах.

Глаза у мужчин бывают: синие, серые, зеленые, карие, черные и наглые — независимо от цвета.

Сильно выпуклые глаза бывают у мужчин, которые часто посещают устные журналы «Хочу все знать».

Теперь о цвете волос.

Блондины. Скромны, доверчивы, по-детски наивны. Всю зарплату отдают жене до последней копейки. Потом всю ее забирают обратно.

Брюнеты. Вспыльчивы и ревнивы. Ревнивы настолько, что, заподозрив жену в измене, скандалят и обещают убить ее и себя. Но не знают с кого начать. Так и не решив этого вопроса, кричат, ругаются и уходят из дома навсегда, до ужина.

Рыжие. Добры, приветливы, нехальны, расточительны и злы. Все рыжие считают себя блондинами. Если вышла замуж за рыжего, никогда не ругайся с ним с голодным. Это опасно. Он может озвереть. Сначала накорми, а потом уж начинай.

И, наконец, совсем светлые, или как их называют за глаза — лысые. Серьезны и расчетливы. Не стригутся. Не теряют расчесок, не пользуются дорогими шампунями. Дешевыми тоже. Лысому быстрее причесываться. Но дольше умываться.

В народе говорят: если лысина спереди, значит, от ума. Если сзади — значит, гуляет. А если спереди и сзади — значит, гуляет с умом.

Если хочешь выйти замуж, помни: лысый муж — это находка!

С ним в квартире всегда светло!

ИЗ ЦИКЛА «РАССКАЗИКИ»

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?

Б. БЕРМЯК, А. ЮРИКОВ

Проснуться знаменитым... Петь в Ла Скала и каждый вечер, стоя у тяжелого занавеса, бросать розы в партер. Играть в футбол за сборную мира на зеленом газоне «Уэмбли» и пять раз в ликующем прыжке показывать небу кулак, заставляя операторов менять цифры на электронном табло фирмы «Омега». Сделать великое открытие в физике, получить Нобелевскую премию и приглашение читать лекции в Оксфорде и Кембридже, но отказаться, потому что придется поехать в Сорбонну и Читу. Сняться в какой-нибудь серии «Следствие ведут Знатоки» и в вагоне метро прикрываться от любопытных взглядов журналом «Советский экран» с собственной фотографией на обложке. Жениться тоже на киноэкране и в первый же вечер пойти с ней в гости к Дыминым, а оттуда махнуть в Канн, или лучше сначала в Канн, а уже оттуда в гости, и не к Дыминым, а сразу к Божко...

Проснуться знаменитым!.. А потом? Потерять голос и руководить хором железнодорожного техникума? Сломать ногу о какого-нибудь Бекенбауэра? Преждевременно облысеть и устать на почве синхрофазотрона? Годами не сниматься и убеждать журналистов, что отказываешься от всех сценариев, мечтая воплотить образ нашего современника? Обнаружить вдруг, что спишь в одной постели с целой киностудией?..

Проснуться не знаменитым, а нормальным человеком! Встать, принять холодный душ, съесть сердельку с гречневой кашей, поехать на работу, закончить ее, по пути домой купить билеты на 19.50, взять жену, посмотреть картину, вернуться домой, принять холодный душ, поставить будильник на семь утра, открыть форточку, погасить свет, лечь спать и заснуть спокойно.

НЕ ПЕРЕХОДИТЕ ПУТИ

Что бы это значило? Фото Н. ТУТОВА (НОВОСИБИРСК)

Евг. САЗОНОВ

ПЕЙТЕ СОКОВ НАТУРАЛЬНЫХ

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В СУББОТУ У ПУНКТА «ПРИЕМ СТЕКЛОТАРЫ» *

Спасибо, товарищ Мичурин,
За яблоки дивных сортов,
За то, что нам отдых культурен
В чертогах тенистых садов,

За то, что не пиво на пляже,
А [с кружкой хорошей вдвоем]
В Сокольниках и Эрмитаже
Мы соки фруктовые пьем.

За то мы имеем причины
Отдать вам поклон поясной,
Что в нашей крови витамины,
Как пташки, щебечут весной,

И некогда нам теры-бары
За кофе-глассе разводить:
Нам к пункту «Прием стеклотары»
По-быстрому надо спешить.

Лишь здесь мы действительно сможем
Понять до конце и решить
И то, что «здоровье — дороже»,
И то, что «не надо спешить».

И то, что наш отдых культурен,
А дети разумны, тихи...
Спасибо, товарищ Мичурин,
Спасибо за эти стихи.

* См. рисунок тов. В. Чугреева чуть выше слева.

ИСТФАК «КЛУБА ДС»

СЧАСТЬЯ ВАМ, СЧАСТЛИВЧИКИ!

Завершаем конкурс знатоков древности

СЕГОДНЯ мы закончим подведение итогов конкурса знатоков седой древности, подведем, так сказать, черту в списке счастливчиков, зачисленных на истфак «Клуба ДС». Как вы помните, для соискателей вакансий было предложено семь вопросов-заданий. По четырем из них мы уже подвели итоги. Теперь — финиш.

Следующее, пятое задание выявило полную несостоятельность наших абитуриентов:

Перечислить, сколько раз дрогнули и сколько раз пришли в замешательство римские легионы.

Может быть, прав лишь А. Плеханов из Днепропетровска, подсчитавший, что «римские легионы дрогнули 3,62 раза и пришли в замешательство 4,12 раза».

Шестое задание: выразиться несколько раз лаконически без ущерба для собственной личности.

В смысле лаконического выражения четверка сильнейших выглядит так:

«Выражаться без ущерба можно только про себе» (В. Дворцин, Киев).

«И ты, Брут, тоже Брут?..» (Г. Книгов, Москва).

«Мой начальник — гений. Моя теща — золото. Моя жена — прелесть» (В. Меней-ян, Ленинград).

«Прелесть какая гадость!» (Е. Вознюнко, гор. Ханты-Мансийск).

И наконец последний, самый нелегкий вопрос:

Указать разницу между развратной Мессалиной и глубоко испорченной Агриппиной.

Надо прямо сказать, что деканат истфака «Клуба ДС» настороженно воспринял тот факт, что, выполнив именно это задание, некоторые наши абитуриенты обнаружили наибольшую эрудицию и компетентность. Компромисс между реальностью и действительностью сумела найти И. Масленникова из Краснодара: «Мессалина была нехорошей женщиной, а Агриппина — очень нехорошей».

Целых три разницы между Мессалиной и Агриппиной увидела Е. Окунцова из Новосибирска:

1. Мессалина — третья жена римского императора Клавдия, Агриппина — его последняя жена.

2. Агриппина отравила своего любимого мужа, Мессалину была казнена любимым.

3. Мессалину казнил муж, Агриппину — сынок.

И наконец Г. Островский из той же Москвы удачно оперирует классикой: «Различие между развратной Мессалиной и глубоко испорченной Агриппиной было отмечено еще Гоголем, который ввел в литературу понятия «дамы просто приятной» и «дамы, приятной во всех отношениях».

В заключение заметим, что полное сдержанной тревоги письмо прислал абитуриент из гор. Вольска Саратовской обл. В. Тяпкин: «Увы, я не являюсь подписчиком «ЛГ», а в киоск поступает всего 3—5 экземпляров, которые по великому блату расходятся по знакомым киоскерши. С начала нынешнего года я овладел всего тремя номерами «Литературки». Как же мне узнать, попал я на истфак или нет?» В порядке исключения администрация «Клуба ДС» высылает этот номер тов. Тяпкину и предупреждает последнего о необходимости набавить себя от блата с киоскершей путем подписки, которая началась повсеместно с 1 сентября.

Итак, мы закончили прием на истфак «Клуба ДС». Теперь его слушателей ждут горячие денечки — истфак предложит им в целях дальнейшего повышения интеллигентности глубочайшее изучение истории. В ближайших планах — разобраться, наконец, с золотым веком Екатерины II, с братишками по фамилии Орловы, с князем Платоном Зубовым и др.

В общем, волнуйтесь, как наши братья волновались...

Деканат истфака «Клуба ДС»

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП, Москва Ц, Цветной бульвар 30. Телефон для справок: 295-00-00 доб. 63

А—01068 Типография «Литературной газеты»: Москва К-51, Цветной бульвар, 30 Зак. 680 ИНДЕКС 50067

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, С. НАРОВЧАТОВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ.